

С.А. ЕСИКОВ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГО- ДЫ НЭПА (1921 – 1928 гг.)

звать!

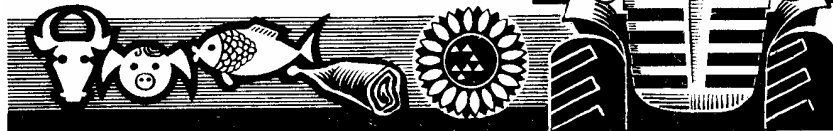
доходами и совхо-
дно сельхозпродук-
страцией рынков.
ктов колхозники и
ь заявку админи-
тении транспорта

ры с широкой
шленных товаров
слах декабря, ап-

нимает от колхо-
со и мяспродук-
родукты по согла-
исовождая их от
производятся сра

	40
	Ю
	44
	18
	17
	47
Илиал в Советском р-не	2 03 82
Мичуринске	4 34 79
Басказовск	5 14 82
Котовске	4 34 73
Моршанске	2 22 72
Кирсанове	2 27 63
Жердевне	1 19 95
Уварово	4 95
Первомайске	2 10 51
Мучкапте	2 14 63
Инжавино	9 12 16

истное управление
озными рынками

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГТУ

ЕСИКОВ Сергей Альбертович

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОДЫ НЭПА (1921 – 1928 гг.)**

Монография

Редактор М.А. Евсейчева
Компьютерное макетирование М.А. Филатовой

Подписано к печати 05.03.2004

Формат 60 × 84/16. Гарнитура Times. Бумага офсетная. Печать офсетная
Объем: 7,0 усл. печ. л.; 6,7 уч.-изд. л.
Тираж 400 экз. С. 280^М

Издательско-полиграфический центр
Тамбовского государственного технического университета
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14
Министерство образования Российской Федерации
Тамбовский государственный технический университет

С.А. ЕСИКОВ

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ НЭПА
(1921 – 1928 гг.)**

Тамбов
Издательство ТГТУ
2004

ББК ТЗ(2)5
Е83

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор
В.В. Кондрашин,
Доктор исторических наук, профессор
А.А. Слезин

Есиков С.А.

Е83 Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921 –1928 гг.): Монография.
Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн.
ун-та, 2004. 120 с.

В монографии характеризуются элементы крестьянского хозяйства, их эволюция, анализируются внутренние и внешние факторы, определявшие развитие крестьянского хозяйства в период нэпа, раскрывается специфика их проявления в тамбовской деревне.

Предназначена для преподавателей, аспирантов и студентов.

ББК ТЗ(2)5

ISBN 5-8265-0277-0

© Есиков С.А., 2004
© Тамбовский государственный
технический университет
(ТГТУ), 2004

Судьба главного производителя материальных благ – вопрос не только теоретический, но и практический. Периодически возникающий перед государством аграрный кризис требует систематического и всестороннего научного анализа, а его преодоление – использование исторического опыта.

Современное российское общество находится в поиске эффективных моделей хозяйственного механизма, оптимальных форм макрорегулирования, что актуализирует и инициирует изучение исторического опыта особенно периода нэпа – поворотного для России, когда перед страной остро стояли проблемы аграрной и индустриальной модернизации. Стабильность и устойчивость народнохозяйственного целого зависит от устойчивости сельского хозяйства. С особенной силой это подтвердили 1920-е гг. – время абсолютного преобладания мелкокрестьянского производства. Поэтому анализ эволюции крестьянского хозяйства в доколхозный период остается актуальным в наши дни, так как помогает лучше понять особенности и закономерности аграрной политики и более четко определить ее приоритетные направления в современных условиях. Изучение крестьянского хозяйства – основной ячейки крестьянского общества в тот период – позволяет проследить глубинные социально-экономические процессы, протекавшие как в самом крестьянстве, так и в крестьянском дворе, что, в конечном счете, позволит объективно оценить современную аграрную политику.

Предлагаемая читателю работа является продолжением вышедшей в 1998 г. книги о крестьянском хозяйстве Тамбовской губернии в 1900 – 1921 гг.

Тамбовская губерния являлась типичной густонаселенной территорией Центральной России, где преобладали аграрный уклад и крестьянское население, как и в целом в стране, что дает возможность проследить общие закономерности развития крестьянского хозяйства и специфику их проявления в регионе. В течение 1920-х гг. Тамбовская губерния претерпела ряд изменений в связи с проведением административно-территориальных реформ, вследствие чего от нее отошли шесть уездов. Все статистические данные приведены в сопоставимых границах.

Состояние крестьянского хозяйства, его отдельные элементы, перспективы развития интенсивно изучались современниками: экономистами, социологами, агрономами. В ряду этих работ выделялись исследования организационного направления, чье внимание привлекало семейное трудовое хозяйство как основа аграрного строя России. В работах Н.П. Макарова, Н.П. Огановского, А.В. Чайнова, А.Н. Челинцева¹, наряду с другими широко использовался материал по тамбовской деревне. Челинцев А.Н., исследовавший широкий круг вопросов от расселения крестьян до закономерностей ценообразования на мясо, одну из своих книг полностью построил на изучении крестьянского хозяйства Тамбовской губернии². Он установил связь между плотностью населения, строем и размещением крестьянских хозяйств. Большой интерес представляет не утратившее и сегодня своего научного значения исследование Н.Д. Кондратьева³, посвященное крестьянскому зерновому производству в период войны и революции и влиянию на него государственного регулирования. Широкий круг проблем аграрного развития в послевоенное время затрагивался в работах Л.Н. Литошенко. Однако главным объектом его исследований было крестьянское хозяйство, причем под весьма специфическим и особенно актуальным углом зрения: рыночности, «приобретательства». Постановке задач и путей изучения товарности крестьянского хозяйства, деревенского рынка были посвящены многие публикации Литошенко.⁴ Основу для решения этих важных и сложных задач давала статистика крестьянских бюджетов. Наиболее полным и многосторонним статистико-экономическим исследованием состояния сельского хозяйства страны в годы гражданской войны и военного коммунизма является книга Л.Н. Литошенко, написанная в 1922 г. и вышедшая в свет лишь в 2001 г.⁵

В 1920-е гг. вышло немало работ, освещавших социально-экономическое положение деревни, классовое расслоение крестьянства, обобщались результаты многочисленных обследований села.⁶ Характерная черта аграрной литературы 20-х гг. XX в. – ее практическая направленность. Для нее вся совокупность проблем, связанных с деревней, с аграрными преобразованиями, по существу сводилась к одной теме: социально-экономические сдвиги, происшедшие в деревне в результате аграрных преобразований. Этот вопрос имел практическое и политическое значение. Авторы этих работ, как правило, являлись участниками проводившихся обследований, в их трудах обобщен богатый фактический материал, сделаны интересные наблюдения и выводы, предпринимались попытки анализа первых преобразований советской власти в области сельского хозяйства. Большую работу на основе обработки переписей провела известный статистик А.И. Хрящева. Несмотря на критику методики и отдельных выводов Хряще-

вой, ее труды и поныне являются наиболее авторитетными. Результаты проводившихся работ нередко использовались в острых дискуссиях в политическом руководстве страны. В конце 1920-х – начале 30-х гг. большинство этих публикаций были раскритикованы как немарксистские, содержавшие серьезные методологические ошибки. Последнюю точку в этом вопросе поставил И.В. Сталин своим выступлением на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г.⁷ Его выводы в течение многих лет были непререкаемыми в историографии крестьянства и крестьянского хозяйства.

В последующие годы крестьянское хозяйство специально не изучалось, внимание историков было сосредоточено в основном на вопросах колхозного строительства. Исключение составляет монография М.Я. Залесского⁸. Предметом изучения Залесского является важнейший элемент системы регулирования – налоговая политика. В книге прослеживается процесс разработки налоговой политики на протяжении всего переходного периода. Автор определил место сельскохозяйственного налога в системе социально-экономических мероприятий государства в деревне, раскрыл классовый характер налога, показал, как с его помощью не только сдерживалось развитие зажиточных элементов в деревне, но и постепенно подрывалась их экономическая мощь.

Известный вклад в разработку проблемы внесли работы, появившиеся на рубеже 1940-х и 50-х гг. В монографиях И.А. Конюкова,⁹ М.А. Краева,¹⁰ Э.Б. Генкиной¹¹ изучается начальный этап колхозного строительства, выясняется вопрос о месте, роли и сущности простейших и высших кооперативных форм, раскрывается роль торговли в жизни крестьянского хозяйства.

В конце 50-х гг. в историографии наметился поворот к глубокому изучению социально-экономических проблем российской истории, особенно первой трети XX в. Идеологические рамки по-прежнему сковывали историков. Тем не менее, в условиях «хрущевской оттепели», группа молодых исследователей, бывших фронтовиков, из Института истории АН СССР предприняла попытку на основании всестороннего изучения архивных материалов определить действительный уровень экономического развития России в предреволюционный период. Они ставили целью вместо декларативных положений Краткого курса истории ВКП(б) о высоком уровне развития российского капитализма, в буквальном смысле подготовившем материальные предпосылки социализма в России, восстановить реальную картину происходивших в экономике процессов, включая и послереволюционные годы. Они образовали «новое направление» в советской исторической науке. Среди них были такие выдающиеся советские историки, как А.М. Анфимов, П.В. Волобуев, М.Я. Гефтер, В.П. Данилов, К.Н. Тарновский и др. На основе глубокого изучения архивных источников ими было сформулировано положение о слабости капитализма, господстве в деревне полуфеодальных, крепостнических пережитков, что, хотя и скрыто, противоречило положениям работы В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». Они увидели, что именно крестьянский вопрос был определяющим, и революция произошла не из-за готовности страны к социализму, а из-за обострения противоречий, прежде всего связанных с недостаточным уровнем развития капитализма в деревне, как следствия сохранения помещичьего землевладения, обусловившего крестьянское малоземелье в условиях аграрного перенаселения (эти проблемы, за исключением помещичьего землевладения, сохранялись и в последующие годы). В начале 70-х гг. в ходе неосталинизации «новое направление» было разгромлено.

Деятельность историков «нового направления» свидетельствовала об огромном потенциале российских историков-аграрников, которым не давала раскрыться существовавшая система. Это стало очевидным, когда на Западе в те же годы появилась наука о крестьянских мирах – крестьяноведение. Она возникла в 1960-е годы в Англии и США как реакция на неожиданное для западных стран крушение колониальной системы. Предметом ее исследования стали страны третьего мира, в которых большую часть населения составляли крестьяне.¹² Методологическим ключом крестьяноведения стало теоретическое наследие русских ученых А.В. Чаянова, Н.П. Макарова, А.Н. Челинцева и других основоположников теории крестьянского хозяйства и кооперации. В работах таких западных ученых, как Т. Шанин, Р. Сиви, Дж. Скотт, М. Левин и других подверглись анализу важнейшие проблемы истории крестьянских обществ Индии, Китая, России и были сделаны выводы об универсальном характере их развития, общих закономерностях, определяемых характером производственной деятельности семьи¹³. Выяснилось, что крестьянским мирам в странах, вставших на путь рыночной экономики, уготована одна участь – пасть под натиском промышленной цивилизации. Как видим, крестьяноведение, базирующееся на достижениях российской и западной науки, и творческое наследие историков-«шестидесятников» подготовили методологическую базу для одной из крупных научных концепций исторического развития России в XX в.

В 60-е гг. XX в. интерес исследователей к проблемам доколхозной деревни усилился. Плодом многолетнего труда по изучению истории сельского хозяйства и крестьянства дореволюционного и совет-

ского периода стала обобщающая работа П.Н. Першина. Широкая картина итогов аграрной революции в России, предопределивших социально-экономическое развитие доколхозной деревни, и, в частности, формы, структуру и направления развития крестьянского землепользования, представлена в работе Г.В. Шарапова.¹⁴ На основе отбора наиболее достоверных данных о положении крестьянского хозяйства, о сельскохозяйственном производстве была подготовлена известная монография Ю.А. Полякова, в которой обстоятельно исследованы причины и масштабы разрухи крестьянского хозяйства, конкретную характеристику получили основные направления и результаты социальных сдвигов в деревне, всесторонне проанализировано государственное регулирование крестьянского хозяйства.¹⁵ Система социально-экономических укладов в советской деревне 1920-х гг. изучена в работах В.П. Данилова.¹⁶ Значительная работа выполнена по исследованию состояния сельского хозяйства, особенно его зерновой отрасли. Монографии Ю.А. Мошкова и В.Н. Яковцевского существенно уточнили бытовавшие в литературе представления о развитии сельскохозяйственного производства.¹⁷ Большое значение для изучаемой нами проблемы имело обсуждение проблем нэпа на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» в 1966 – 1968 гг. Участники обсуждения обратили внимание на проблемы социально-экономического развития деревни, в частности, использования в процессе социалистического строительства государственного капитализма, торговли, кооперации, их влияния на крестьянское хозяйство.¹⁸

Активизация исследовательской мысли, вполне естественно, вела к новым выводам, суждениям, обобщениям. Тогда появлялись установки. Заведующий отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезников опубликовал тремя изданиями двухтомник «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос»¹⁹, в котором собран большой материал, в том числе и по интересующему нас периоду. Однако уровень обобщений и выводов в основном не выходил за рамки прежней концепции Краткого курса истории ВКП(б).

Несмотря на кажущееся обилие исследований по крестьянской тематике, созданной в тот период, изучались главным образом проблемы крестьянского движения, классового расслоения, кооперирования.

В 1970 –

80-е гг. были созданы труды, без которых невозможно представить современное российское крестьяноведение.

Это книги, статьи, доклады

В.П. Данилова, В.П. Дмитренко, В.В. Кабанова, Т.В. Осиповой, Ю.А. Полякова, Г.С. Сергеева, Э.М. Щагина и др.²⁰ При всем различии их подходов, а в ряде случаев и взглядов, исследование различных аспектов крестьянского хозяйства в их трудах заметно продвинулось вперед, благодаря введению в оборот новых источников, глубокому анализу уже известных, применению новых методов исторического исследования. Прошедшие в начале 70-х гг. научные конференции по проблемам нэпа и опубликованные тогда же коллективные монографии показали, что дальнейшее познание истории советской доколхозной деревни нуждается в специальном изучении крестьянского хозяйства как со стороны его внутренней структуры и функционирования в качестве низшей и простейшей производственной ячейки, так и со стороны основных условий его существования и развития.²¹

В тот же период интенсивно велось исследование государственного регулирования социально-экономического развития доколхозной деревни, изучалось влияние на социальные процессы кооперирования и кредитования крестьянских хозяйств, снабжения сельского хозяйства средствами производства, земельной и налоговой политики.²²

В региональной литературе история крестьянского хозяйства интересующего нас периода специально не изучалась, в общих работах по истории Тамбовской области ее касались лишь вскользь. Наиболее значительными являются монография воронежского историка В.И. Логунова по партийному руководству восстановлением народного хозяйства Центрального Черноземья в годы нэпа и статьи тамбовских исследователей Н.А. Окатова и Г.П. Пирожкова,²³ в которых в связи с восстановительными мероприятиями рассматриваются налоговая, кооперативная, кредитная политика, изучалось влияние социально-экономических мероприятий государства на изменения в социально-классовой структуре деревни.

В 1988 г. на «стыке эпох», когда еще сохранялся партийный контроль, но можно было высказывать новые идеи, идущие вразрез с устоявшимися, вышла в свет известная монография В.В. Кабанова.²⁴ В центре внимания автора анализ состояния и функционирования крестьянского хозяйства в основных его социально-экономических аспектах: землепользование и землеустройство, производство и производственные отношения, рыночные связи, налоги и натуральные повинности, социально-экономические и социально-демографические изменения крестьянского двора, сдвиги в социальной структуре и жизненном уровне, развитие новых форм хозяйствования. В работе анализируются и сюжеты достаточно разработанные, но в аспекте, обусловленном заявленной темой. Так, вопрос о продрозверстке, например, дается не в традиционном плане: как, где и кем она проводилась и сколько было получено продовольст-

вия, а с точки зрения тяжести обложения крестьянства продразверсткой, определения удельного веса ее в составе налогового бремени, с точки зрения ее влияния на развитие крестьянского хозяйства. В 1990-е гг., развивая положения монографии, В.В. Кабанов высказал в своих публикациях ряд новых идей.

В целом советская историография отражает с разной степенью изученности отдельные стороны состояния крестьянского хозяйства в изучаемый нами период. Значительность результатов исследовательской работы в 60 – 80-е гг., ее возросший теоретический уровень, большой объем фактического материала, введенного в научный оборот, сделали возможными новые выводы и обобщения и обеспечили переход к новому этапу в историографии – постсоветскому.

Современный период стал временем появления концепций, по-новому освещающих аграрные преобразования в России в XX в. Большой интерес представляет концепция В.П. Данилова о крестьянской революции в России в 1902 – 1922 гг. Она основывается на солидной, постоянно пополняющейся источниковой базе, на теоретических разработках современного крестьяноведения, в частности, материалах теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», ежегодного международного симпозиума «Куда идет Россия?». ²⁵ По мнению В.П. Данилова, революционные события в России в начале XX в. явились закономерным результатом развития страны и были связаны с процессом ее индустриально-рыночной модернизации. Крестьянская революция явилась «глубинной основой социальных, политических и экономических потрясений в России», стала «основой всего происходившего в стране и после Октября 1917 г. – до 1922 г. включительно». Данилов В.П. указывает на самостоятельный характер крестьянского движения, его огромное влияние на исход гражданской войны. «Советское общество, – отмечает историк, – было создано великой социальной революцией в России начала XX в., в основе своей являющейся крестьянской революцией». ²⁶

Определенный вклад в разработку аграрной истории России XX в. на региональном уровне внесла тамбовская группа историков, опубликовавшая статьи с характеристикой одного из самых мощных крестьянских восстаний, а также причин, хода и результатов аграрных преобразований в регионе в первой четверти XX в. ²⁷ В частности, утверждается, что осуществившаяся в 1917 – 1921 гг. аграрная революция в Тамбовской губернии оказала глубокое воздействие на судьбу крестьянского хозяйства. Вмешательство советского государства выразилось в чрезмерной регламентации хозяйственной деятельности, слишком обременительной для крестьян. Продразверстка превратилась в преимущественно одностороннюю связь города с деревней. Негативные последствия имела первая попытка социалистической перестройки сельского хозяйства. В итоге неокрепшие ростки рыночно ориентированных хозяйств были практически уничтожены. Основная масса крестьянских хозяйств замыкалась рамками натурального производства. Крестьянское хозяйство губернии было отброшено на уровень 1880-х гг., произошла его архаизация. ²⁸ В этом же ключе написаны работы В.В. Кондрашина, В.А. Саблина, Д.А. Сафонова, С.В. Ярова ²⁹ и других, характеризующие фазу аграрной революции 1917 – 1922 гг. в других регионах России.

В 1990-е гг. в центре внимания исследователей оказалась проблема путей аграрного реформирования России в послереволюционный период. В.П. Данилов считает, что альтернатива коллективизации имелась в последовательном осуществлении ленинского кооперативного плана («кооперативной коллективизации»). В том, что это не состоялось, главная вина лежит на Сталине. Отбросив ленинский кооперативный план, сталинизм само свое существование должен был оправдывать в глазах общества «необходимостью преодоления экстремальных ситуаций, подавления вражеских действий, решения «огромных задач». ³⁰

Точку зрения В.П. Данилова поддержали Н.Я. Гущин, Н.К. Фигуровская и др. ³¹ Гущин Н.Я. на основе анализа социальных форм сельскохозяйственного производства в условиях нэпа заключил, что господствовавший в историографии вывод о полном исчерпании к концу 1920-х гг. возможностей развития мелкотоварного крестьянского хозяйства несостоятелен, что возникшие негативные тенденции были связаны главным образом с социальными факторами, с политикой жесткого ограничения предприимчивости состоятельных крестьян и «фаворитизации» бедноты, усилением административных начал, чрезвычайных мер, переросших в раскулачивание и раскрестьянивание, что слом нэпа в конце 1920-х гг. был волюнтаристским актом сталинского руководства, взявшего курс на сверхиндустриализацию и насильственную коллективизацию. ³²

С данной позицией не согласились В.В. Кабанов, Э.М. Щагин, ряд других исследователей. ³³ Кабанов В.В. считал, что к концу 1920-х гг. кооперация превратилась в «бюрократический недееспособный

монстр», «раздираемый противоречиями и отсутствием товаров» и от созданной народом этой «массовой культурно-экономической организации ничего не осталось».³⁴ Он указывал на принципиальное отличие взглядов В.И. Ленина, Н.И. Бухарина и А.В.Чаянова на кооперацию. Отсюда В.В. Кабанов и другие исследователи заключали, что относительно путей развития сельского хозяйства «не было никаких альтернатив», кроме состоявшейся. Главная причина этого заключалась в нежелании правящей партии коммунистов «поступиться принципами», поскольку развитие нэпа неизбежно привело бы к капитализму.³⁵

Актуальные вопросы истории крестьянского хозяйства рассматривались в последнее десятилетие целым рядом научных конференций; в первую очередь это сессии Симпозиума по аграрной истории (1989 – 2002 гг.), конференции «Крестьянское хозяйство: история и современность» (Вологда, 1992 г.), «Менталитет и аграрное развитие России» (Москва, 1994 г.), «Крестьяне и власть» (Тамбов, 1995 г.), «Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества» (Тамбов, 2002 г.) и др.

Принципиальной особенностью современного этапа историографии проблемы является ее активная разработка новым поколением историков в различных российских регионах, где в настоящее время наблюдается подъем российского крестьяноведения. Вещева О.Н., например, обратилась к изучению аграрной политики Советского государства в 1917 – 1927 гг. на материалах Самарской и Симбирской губерний. Она отмечает, что, воплотив в жизнь основные требования крестьянства в решении земельного вопроса, дав политические и гражданские права ранее бесправному населению, правительство сумело завоевать массы крестьянства. Однако отсутствие товарообмена между городом и деревней, социально-классовые приоритеты в отношениях с крестьянством, характерные для политики военного коммунизма, привели к негативным последствиям в сельском хозяйстве, к развернувшейся в 1919 – 1922 гг. «стихийной войне крестьян с новой государственной властью». Вещева О.Н. указывает, что аграрная политика Советского государства в 1920-е гг. была направлена в первую очередь на поддержку коллективных и бедняцких хозяйств, тормозя разорение беднейшего крестьянства и усиление сельскохозяйственных производителей. Она констатирует факт низкой эффективности существования коллективных хозяйств.³⁶ Социально-классовой политике ВКП(б) и общественно-политическим процессам в деревне второй половины 1920-х гг. на материалах Нижнего Поволжья уделил внимание С.И. Савельев. Государственную политику в отношении деревни он называет «леворадикальным большевистским аграрным курсом», приведшим к тому, «что процессы раскрестьянивания российской деревни перестали носить характер естественной эволюции». Большевизм трансформировался в «социальный расизм», что нашло наиболее емкое и трагическое отражение в аграрной политике.³⁷

Из обобщающих публикаций последних лет отметим монографию «Россия нэповская. Исследования», в которой разделы о деревне в годы написаны В.Л. Телицыным. Автор справедливо утверждает, что благодаря превалированию в сознании крестьян элементов бытийности над «классовой сознательностью» для деревни на первых порах не столь заметной оставалась двуликость нэпа: на каждый социально-экономический «плюс» существовал свой «минус». В дальнейшем, как показано в работе, именно эти противоречия и ярко выраженная классовая направленность всех проводившихся мероприятий в деревне (даже вопреки здравому смыслу) привели к разрушению нэпа.³⁸ В главе, посвященной нэпу, в книге С.А. Никольского в качестве одной из причин отмены продразверстки названа начавшаяся массовая демобилизация, возвращение в деревню миллионов крестьян – вчерашних солдат; что они смогли бы увидеть? Говоря об исторических пределах «допущения» нэпа, наличия в нем зародышей его собственной гибели, автор подчеркивает, что новая система отношений крестьянства с государством налагалась на сложившиеся в прошлом стереотипы поведения, мировоззрение, нормы и привычки конкретных людей; поэтому нужно учитывать, что нэп вводился для людей, веками живших в условиях общинного и экономического уклада.³⁹

Современный этап изучения крестьянского хозяйства характеризуется многоплановым анализом его экономического состояния и места в социальной структуре, отказом от жестких классовых схем, обращением к исследовательскому наследию отечественных аграрных школ. Это стало возможным благодаря коренному пересмотру оценок аграрного развития в пореформенный (после 1861 г.) и в послереволюционный (после 1917 г.) периоды.

В свете новых подходов иное освещение получают такие коренные проблемы, как причины и сущность аграрного перенаселения, содержание и результаты институциональной, в том числе правительственной, политики, характеристика процессов дифференциации и осереднячивания, критерии бедности и зажиточности крестьянского хозяйства.⁴⁰

В целом можно заключить, что отечественная историография крестьянского хозяйства в годы нэпа имеет несомненные творческие достижения и, одновременно, нереализованные возможности. Ее дальнейшее плодотворное развитие возможно на путях все более полного освоения источниковой базы (особенно на местах), отказа от идеологизированности, а также в рамках различных междисциплинарных подходов.

В распоряжении исследователя доколхозной деревни большой объем опубликованных и архивных источников: законодательные материалы, партийно-правительственные решения, богатейшая социально-экономическая статистика, свидетельства прессы. Полное освоение основных источников по теме позволяет воссоздать истинную конкретно-историческую картину, понять ее смысл и значение. Задачей работы является исследование процесса в целом. Поэтому в ее основу положено изучение источников, доступных систематической обработке и дающих целостную картину социально-экономических процессов в деревне.

Исследование директивных документов коммунистической партии, законодательных и ведомственных актов (прежде всего Наркомзема), как опубликованных, так и архивных, послужило основой для раскрытия советской аграрной политики и государственного регулирования социально-экономических процессов в деревне.

Одним из основных источников данной работы явились опубликованные материалы статистических обследований тамбовской деревни: переписи населения 1926 г., сельскохозяйственных переписей, весенних опросов, выборочных обследований и бюджетов, существенно различающихся как по программе, так и по представительности. Во многих случаях использовались богатые архивные статистические материалы, отложившиеся в фонде губернского статистического бюро Государственного архива Тамбовской области (ГАТО). Статистические источники требуют определенных технических навыков при анализе, но, прежде всего, они нуждаются в понимании. Статистика дает цифровой материал, существенно различающийся по назначению, представительности, способам получения, содержанию и детальности разработки. Он может быть правильно использован лишь при точном учете способа и характера наблюдения. Используемые нами разного рода статистические материалы имеют и недостатки: в частности, порой трудно сопоставимые данные, а иногда и полное отсутствие таковых, недостаточная репрезентативность, неполнота учета. Однако в целом они дают реальную картину развития крестьянского хозяйства, и в этом плане лучших источников не существует.

Считаем уместным остановиться на одном вопросе, имеющем значение для работы – на вопросе о принципах социально-экономических группировок крестьянских хозяйств. Для исследователя статистический материал и его группировки предстают как объективно данный источник, его переработка допускается в самой ограниченной мере. Поэтому применявшиеся советской статистикой 1920-х гг. принципы группировки крестьянских хозяйств во многом предопределили порядок и особенности анализа социальной структуры деревни той поры. Дело в том, что на протяжении изучаемого времени признаки производственной мощности крестьянского хозяйства не оставались неизменными. Из сказанного вытекает, что источниковедческий анализ используемых данных является обязательной частью не только исследования, но и изложения материала. Точно так же мы поступаем и при анализе материалов земельных, советских органов и других организаций и учреждений, свидетельств прессы, занимающих значительное место в составе настоящей работы.

И опубликованные, и архивные материалы хорошо дополняются различными отчетно-информационными сведениями, отчетами губернских и уездных учреждений, подготовительными данными к разного рода справкам и отчетам, поступавшим в губернский и уездные исполкомы советов, в партийные органы. Эти документы выявлены в фондах ГАТО и Центра документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Богатый материал представлен в протоколах и стенограммах заседаний земельных органов, отчетах земельных съездов. Обобщенные погубернские и поуездные материалы, направлявшиеся в центр содержатся в фонде Наркомзема Российского Государственного архива экономики (РГАЭ).

Состояние источниковой базы позволяет, на наш взгляд, выявить и проследить как динамику основных элементов крестьянского хозяйства Тамбовской губернии в изучаемый период, так и их взаимодействие.

Примечания:

¹Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920; Огановский Н.П. Очерки по истории земельных отношений в России. М., 1921, Чайанов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925; он же. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989; Челинцев А.Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919; он же. К теории организации сельского хозяйства массы крестьянских хозяйств // Пути сельского хозяйства. 1928. № 8 и др.

²Челинцев А.Н. Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии. Харьков, 1919.

³Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.

⁴См.: Литошенко Л.Н. Товарность крестьянского хозяйства // Бюллетень ЦСУ. 1923. № 75; Он же. Крестьянское хозяйство и рынок // Экономическое обозрение. 1925. № 5; Он же. Емкость крестьянского рынка. М.-Л., 1927.

⁵Он же. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.

⁶См.: Гайстер А.И. Расслоение советской деревни. М., 1928; Крицман Л.Н. Классовое расслоение в советской деревне. М., 1925; Струмилин С.Г. Динамика батрацкой армии в СССР // На аграрном фронте. 1925. № 7 – 8; Хрящева А.И. Группы и классы в крестьянстве. М., 1924 и др.

⁷См.: Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 151.

⁸Залесский М.Я. Налоговая политика Советского государства в деревне. М., 1940.

⁹Конюков И.А. Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия (1921 – 1925 гг.). М., 1949.

¹⁰Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954.

¹¹Генкина Э.Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921 – 1922 гг.). М., 1954.

¹²Подробнее об этом см.: Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ.; Сост. Т. Шанин. М., 1992.

¹³См. материалы методологического семинара В. Данилова и Т. Шанина: Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1992 – 1999.

¹⁴Першин П.Н. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование. В 2-х кн. М., 1966; Шарапов Г.В. Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917 – 1920 гг.). М., 1961.

¹⁵Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967.

¹⁶Данилов В.П. О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. Материалы научной сессии. М., 1963; он же. Социально-экономические уклады в советской доколхозной деревне: их соотношение и взаимодействие // Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974 и др.

¹⁷Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства. М., 1966; Яковцевский В.Н. Аграрные отношения в период строительства социализма. М., 1964.

¹⁸См.: К итогам обсуждения проблем новой экономической политики // Вопросы истории КПСС. 1968. № 12. С. 81 – 91.

¹⁹Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 1, 2. 3-е изд. М., 1983.

²⁰Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979; Дмитренко В.П. Нэп и регулирование социально-экономических процессов в деревне // Исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики. М., 1972; Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. М., 1984. Т. 111; Осипова Т.В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. М., 1974; Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика. Разработка и осуществление. М., 1982 и др.

²¹См.: Историческое значение новой экономической политики (в связи с 50-летием перехода к нэпу). Всесоюзная сессия. Материалы обсуждения. Вып. I – II. М., 1971; Исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики. М., 1972; Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974 и др.

²²Данилов В.П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство. М., 1977; Дмитренко В.П., Морозов Л.Ф., Погудин В.И. Партия и кооперация. М., 1978; Косой А.И. Регулирование капитализма в первые годы нэпа // Ленинское учение о нэпе и его международное значение. М., 1973 и др.

²³ Логунов В.И. КПСС – организатор восстановления народного хозяйства Центрального Черноземья (1921 – 1927 гг.). Воронеж, 1970; Окатов Н.А. Мероприятия Коммунистической партии по укреплению союза с трудящимся крестьянством в 1921 – 1925 годах (по материалам Тамбовской губернии) // Тамбовский гос. пединститут. Ученые записки. Вып. XVII. Тамбов, 1958; он же. К вопросу о расслоении крестьянства и политике партии в деревне // Под знаменем Октября. Вып. III. Тамбов, 1975; Пирожков Г.П. Партийное руководство строительством сельскохозяйственной кооперации в Тамбовской губернии (1921 – 1923 гг.) // Гражданская война и социалистическое строительство в Черноземном Центре. Тамбов, 1976; Историография крестьянства Центрального Черноземья (1917 – 1980 гг.). Под ред. А.В. Лосева Воронеж, 1980 и др.

²⁴ Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988.

²⁵ См.: Бабашкин В.В. Современные концепции аграрного развития: семинар продолжается // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 1999. М., 1999. С. 280 – 288; Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / Под ред. Т.И. Заславской и Л.А. Арутюнян. М., 1994; Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии / Под ред. Т.И. Заславской. М., 1997; Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под ред. Т.И. Заславской. М., 1999; Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Под ред. Т.И. Заславской. М., 2000 и др.

²⁶ См.: Данилов В.П. Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия. М., 1992; он же. Аграрные реформы и крестьянство России (1861 – 1994 гг.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1995 и др.

²⁷ См.: Есиков С.А., Протасов Л.Г. «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6 – 7; Есиков С.А., Канищев В.В. Антоновский нэп. (Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии, 1920 – 1921 гг.) // Отечественная история. 1993. № 4; Дьячков В.Л., Есиков С.А., Канищев В.В., Протасов Л.Г. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). Мат-лы междунар. конф. М., 1996; Дьячков В.Л., Есиков С.А., Канищев В.В. Крестьянская революция 1902 – 1922 гг. в Тамбовской губернии // Россия в XX веке. Реформы и революции. Т. 1. М., 2002.

²⁸ См.: Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900 – 1921 гг.). Тамбов, 1998.

²⁹ Андреев В.М. Российское крестьянство: навстречу судьбе. 1917 – 1920. М., 1997; Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918 – 1922 гг. М., 2001; Саблин В.А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917 – 1921. (Социальные и экономические результаты). Вологда, 2002; Яров В.В. Крестьянин как политик. Крестьянство северо-запада России в 1918 – 1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999 и др.

³⁰ См.: Данилов В.П. Аграрные реформы и крестьянство России (1861 – 1994 гг.). С. 11 – 12; он же. Сталинизм и крестьянство // Сталинизм в российской провинции: смоленские архивные в прочтении зарубежных и российских историков. Смоленск, 1999. С. 162; он же. К проблеме альтернатив 20-х годов // Этот противоречивый XX век. М., 2001. С. 219 – 228 и др.

³¹ См.: Фигуровская Н.К., Глаголев А.И. А.В. Чайнов и его теория семейного трудового хозяйства // Чайнов А.В. Крестьянское хозяйство. М., 1989; Морозов Л.Ф. Ленинский кооперативный план социалистического преобразования сельского хозяйства и Н.И. Бухарин // Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990; Гущин Н.Я. Социальные формы сельскохозяйственного производства в сибирской деревне в условиях нэпа: соотношение и эффективность // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. М., 1995 и др.

³² См.: Гущин Н.Я. Указ. соч. С. 217 – 218.

³³ См.: Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX в. // Вопросы истории. 1993. № 2; он же. Кооперация, революция, социализм. М., 1996; он же. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997; Роголина Н.Л. Реформаторство XX века и крестьянский менталитет // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.); Щагин Э.М. Альтернативы «революции сверху» в советской деревне конца 20-х годов: суждения и реальность // Власть и общество России. XX век. Сб. науч. трудов. М.: Тамбов, 1999 и др.

³⁴ Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. С. 197.

³⁵ См.: Там же. С. 151, 154; Щагин Э.М. Указ. соч. С. 281 – 282.

³⁶ Вещева О.Н. Аграрная политика Советского государства в 1917 – 1927 годы. Автореф... канд. ист. наук. Самара, 2000. С. 15 – 22.

³⁷Савельев С.И. Социально-классовая политика ВКП(б) и общественно-политические процессы в деревне второй половины 20-х – начала 30-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья). Автореф... канд. ист. наук. Саратов, 1994. С. 19 – 21.

³⁸См.: Россия нэповская. Исследования. М., 2002. С. 96.

³⁹См.: Никольский С.А. Аграрный курс России. Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах. М., 2003. С. 126, 128 и др.

⁴⁰См.: Галас М.Л. Организационно-демографическая теория А.Н. Челинцева и проблемы порайонной рационализации крестьянского хозяйства России начала XX века // Особенности российского земледелия и проблемы расселения. Мат-лы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000; Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; Роголина Н.Л. Зажиточное хозяйство деревни Российского Центра в 20-е гг. XX в. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Мат-лы XXVII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001; Телицын В.А. Сквозь тернии военного коммунизма: крестьянское хозяйство Урала в 1917 – 1921 гг. М., 1998 и др.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

Принятый II съездом Советов рабочих и солдатских депутатов Декрет «О земле» от 26 октября 1917 г.¹ содержал все три основных момента социализации: уничтожение частной собственности на землю, замена ее трудовым землепользованием и распределение земли на уравнильных началах по потребительно-трудовой норме. Лишь первые два из них отвечали требованиям большевистской программы и поэтому могли стать в тот момент своеобразным скрепом в тот момент между крупнейшими социалистическими партиями. Третий же момент не мог не оставаться камнем преткновения на пути намечавшегося сближения большевиков и партии левых эсеров.

Совершенный большевиками крен в сторону социализации не был не замечен их политическими оппонентами. Левые эсеры выражали удовлетворение тем, что их аграрная программа была принята идейными противниками. Меньшевики упрекали большевиков в отходе от незыблемых принципов в поисках путей решения земельного вопроса.

Впоследствии многие исследователи положения Декрета «О земле», где о земле говорилось как о «всенародном достоянии», трактовали его «в пользу национализации», т.е. ставили знак равенства между «всенародным» и «государственным» достоянием. Это приводило их к признанию факта национализации земли уже Декретом от 26 октября 1917 г.

Между тем, анализ высказываний В.И. Ленина по этому поводу показывает, что он не ставил знака равенства между потенциальным законом о социализации земли (который был-таки разработан левыми эсерами и принят ВЦИК 27 января 1918 г.²) и большевистской аграрной программой³, так как лежавший в основе социализации принцип распределения земли на уравнильных началах был серьезным препятствием для социалистического преобразования аграрного сектора в марксистском толковании. В советской же историографии декрет ВЦИК «О социализации земли» от 27 января 1918 г. объявлялся плотью от плоти программного документа большевиков.

Действительно, прийти к пониманию разницы между землей национализированной, т.е. находившейся в собственности государства, и землей социализированной – «божьей», «ничьей» и, следовательно, выпадавшей из круга отношений собственности было трудно, особенно крестьянам. Большинство делегатов состоявшегося в декабре 1905 г. – январе 1906 г. съезда партии социалистов революционеров не могли уяснить разницу между национализацией и предлагавшейся В.М. Черновым социализацией земли. Последний разъяснял делегатам, что для понимания социализации надо вырваться из круга понятий римского права, он подчеркивал, что земля становится ни имуществом общины, ни имуществом области, а переводится в разряд современных государственных имуществ, как ничья земля становится общенародным достоянием.⁴ Как юрист В.И. Ленин, возможно, ценил демонстрировавшуюся эсерами игру ума, но как политик понимал серьезную опасность, которая исходила от практической реализации основного принципа социализации – распределения земли на уравнильных началах по потребительно-трудовой норме. Практика распределения земли отличалась большим разнообразием. Экономические и естественно-исторические особенности были на местах столь значительны, что нередко в пределах одной волости земля распределялась по-разному. Как правило, руководствовались тем, что наделе-

нию земель подлежит только «земледельческое население» (т.е. те, кто занимался сельским хозяйством до революции), а в качестве разверсточной единицы выбирался едок.

Уравнительное землепользование было преобладающим в деревне на протяжении всего времени между Октябрьской революцией и сплошной коллективизацией. Оно в основном отвечало настроениям и устремлениям крестьянских масс, до тех пор, пока они искали возможности развития единоличного хозяйства. Уравнительному перераспределению подверглись не только бывшие помещичьи земли, но в большей или меньшей степени и земли крестьян. Следствием этого была нивелировка крестьянского землепользования.

Обнародовав названные документы, большевики в основном заручились поддержкой социально-активных слоев крестьянства. Сделав шаг навстречу крестьянству в отношении социализации земли, они достигли главной на тот момент тактической политической цели – упрочения новой власти через установление союза с основной массой населения России, которая не представляла иных путей решения аграрного вопроса. Теперь задача большевиков в 1918 г. состояла в том, чтобы самовольные захваты превратить в ранг мероприятий, проводившихся по инициативе государственных учреждений.

Первый сильный удар по социализации был нанесен постановлением ВЦИК от 14 февраля 1919 г. «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию».⁵ В нем впервые и недвусмысленно подчеркивалось, что вся земля в пределах республики, в чьем бы пользовании она не состояла, считается единым государственным фондом. Впервые в советском законодательстве говорилось о непосредственном заведении и распоряжении этим фондом «соответственных Народных Комиссариатов» с подведомственными им местными органами власти. Таким образом, постановление ВЦИК стало первой официальной заявкой Советского государства на право обладания земельной собственностью, право, дававшее ему широкие возможности для перестройки крестьянского хозяйства на социалистический лад.

Признаки экономического кризиса проявились раньше весны 1921 г. Власти это чувствовали и предпринимали некоторые шаги для стабилизации рухнувшей экономики. В этой связи они пошли на некоторый пересмотр действовавшего законодательства. Декретом ВЦИК и СНК «Об увеличении размера землепользования в трудовых хозяйствах»⁶ от 27 мая 1920 г. были отменены те статьи декрета «О социализации земли» и положения «О социалистическом землеустройстве», в которых определялись предельные размеры хозяйств, занятых интенсивным производством. Крестьянам, ведущим товарное хозяйство, оставлялось имевшееся у них количество земли, даже если оно превышало установленные для данного района нормы наделения землей.

После опубликования известных документов, объявивших начало перехода к нэпу наступило время более радикальных шагов. Постановлением IX Всероссийского съезда Советов «О мерах по восстановлению крестьянского хозяйства»⁷ от 30 декабря 1921 г. был отменен курс на агитационно-принудительное введение «социалистического землепользования», подтверждено постановление II Всероссийского съезда Советов о праве свободного избрания каждым земельным обществом любой формы землепользования, для чего формулировалось право тружеников выходить из общества с землей и «развивать свой хозяйственный почин».

Не дожидаясь разработки кодекса в дополнение к постановлению IX Всероссийского съезда Советов ВЦИК 22 мая 1922 г. принял «Основной закон о трудовом землепользовании», который разрешил аренду земли (временную переуступку прав на землепользование) за плату деньгами, продуктами или другими видами вознаграждения на срок не более 3-х лет, а в исключительных случаях – 6 лет. В случаях же, когда хозяйство по состоянию своей рабочей силы или инвентаря не могло своевременно выполнять сельскохозяйственные работы, закон разрешал наряду с обязательной трудовой деятельностью членов хозяйств наем дополнительной рабочей силы.

С 1 декабря 1922 г. был введен в действие Земельный кодекс РСФСР, а вскоре затем были отменены все ранее действовавшие законы о земле. В кодексе отразились все основные противоречия переходной эпохи, его текст содержал множество взаимоисключающих положений; из текста было исключено слово «частное владение». Земельный кодекс положил конец обобществлению земли, ее революционному поравнению и бесконечным общинным переделам. Он юридически оформлял и регулировал крестьянское землепользование как единоличное, так и коллективное. Основное внимание его было обращено на регулирование землепользования единоличного крестьянского хозяйства, восстановление и развитие производительных сил которого являлись одной из первоочередных задач новой экономической политики.

Надельное землепользование объявлялось неотчуждаемым. Земля, находившаяся в фактическом трудовом пользовании, закреплялась за земельными обществами и дальнейшее ее равнение между во-

лостями и поселениями прекращалось. Землеустройство могло производиться теперь для устранения чересполосицы и дальнеземелья.

Новая экономическая политика не предусматривала закрепление крестьянской собственности. Подтверждалась собственность государства на землю и изъятия ее из товарного оборота. Земли, составлявшие государственный фонд, находились в заведовании Народного комиссариата земледелия и его местных органов (п. 3). Категорически запрещались всякие сделки с землей в виде купли, продажи, запродажи, завещания, дарения и залога. Поскольку земля не являлась объектом купли – продажи, а правительство закрепляло право пользования земельным наделом вначале сроком на 3 года, а позже еще на 5 лет, то это формировало еще и психологический фактор развития крестьянского хозяйства, так как государство в определенной степени выступало гарантом стабильных условий землепользования.

Основной формой сельскохозяйственного использования земель было трудовое землепользование. Согласно Земельному кодексу, право на землю трудового пользователя признавалось в виде права на земельный участок в одном или нескольких местах (хутор, отруб, чересполосный участок), права на долю земли из надела земельного общества, права на участие в совместном пользовании угодьями земельного общества. Трудовое крестьянское землепользование объявлялось бессрочным.

Индивидуальное землепользование стало основным видом землепользования. Права землепользователей трактовались весьма широко. Так, землепользователь мог возводить на земле различные сооружения для хозяйственных и жилищных надобностей; он имел право на посевы и все соединенное с землей, пока то не перешло законно к другому лицу. Не допускалось незаконное вмешательство в хозяйственное землепользование, в противном случае был возможен владельческий иск и вмешательство земельного суда.

Понятие «земельное общество» в законодательстве применялось как исторически данное территориальное объединение совокупности дворов с пользованием полевыми землями. Оно было носителем права трудового землепользования, под которое подводились прежние земельные общины и артели, а также возникшие различные сельскохозяйственные товарищества. Все они наряду с государством выступали в качестве субъекта права. Таковым являлся и отдельный землепользователь, который мог как входить в состав земельного общества, так и существовать отдельно от него.

Крестьянство уже не рассматривалось как во времена военного коммунизма в виде «отживающей» формы хозяйства. Напротив, оно представлялось как двигатель восстановления. Землеустройство теперь преследовало цель не равенства земли, а улучшение форм землепользования. Закон не мешал выбору форм и порядка крестьянского землепользования: единоличное, отрубное или хуторское землепользование получили по закону равные права на существование. Выход из общины допускался при полных переделах и разверстках и ничем не был ограничен. Без общих переделов выйти из общества с землей без его согласия можно было по требованию не менее одной пятой его членов.

Разрешив выдел на хутора и отруба, кодекс 1922 г. впитал некоторые элементы столыпинского законодательства. Но если дореволюционное право часто приносило интересы общины в жертву выделявшимся дворам, то кодекс 1922 г. стоял на защите интересов общины: он ограничивал право индивидуального домохозяина согласием общества, восстанавливался порядок, которому были подчинены наделы крестьянские земли до 1906 г.

Закон не допускал досрочных земельных переделов в случае несогласия на это общества, а разверсточная единица была более справедливой нормой, нежели столыпинская, позволявшая «выходцам» унести из общины всю свою землю.

Как видим, советское право начала 20-х гг. решало важные и спорные вопросы порядка предоставления и закрепления земли в трудовое пользование. Принцип трудового землепользования как пользования непосредственного, бессрочного и безвозмездного определял строй аграрно-крестьянских отношений. Юридический стержень общинного права выступал не как коллективистский, а как индивидуальный. Крестьянин мог, хотя и с большими оговорками, реализовать свои права собственника.

Низовым объединением землепользователей стало земельное общество. Юридическое оформление этого института было дано в Земельном кодексе 1922 г. и в «Нормальном уставе земельного общества» 1926 г. Закон не связывал существование земельных обществ с определенными формами землепользования. Он признавал земельными обществами, помимо уже существовавших общин («миров»), и коллективные хозяйства, и добровольные объединения отдельных дворов с обособленными наделами (хутора и отруба).

Земельное общество представляло собой территориальное объединение крестьянских дворов, осуществлявшее непосредственное управление землепользованием и регулирование поземельных отношений своих членов.

Число земельных обществ не было постоянным. За годы революции их количество несколько сократилось, так как были ликвидированы различия между разными категориями крестьян – бывшими помещичьими, бывшими государственными и т.д. В составе земельного общества крестьянин имел право на долю земли из надела земельного общества и на участие в совместном пользовании угодьями земельного общества.

Значительным было участие земельных обществ в арендном обороте. В то время сдача земель в аренду целыми обществами практиковалась повсеместно. Были случаи, когда при переделах отводили участки земель специально для сдачи в аренду отдельным лицам или обществам. Доходы от сдачи в аренду земель использовались на общественные надобности.

Активная роль земельных обществ в хозяйственной жизни деревни подчеркивалась и усиливалась предоставлением им прав юридического лица. Они могли приобретать и продавать имущество, искать и отвечать в суде, ходатайствовать в других учреждениях. Однако кодекс, регулируя только земельно-хозяйственные отношения, не охватывал всех сторон жизни землепользователя. Например, не все оставалось ясно с судьбой общины. Для крестьян серьезное значение имела данная в кодексе правовая регламентация института «земельного общества». Однако в начале 1920-х гг. политика государства была направлена на отчуждение у общины ее социально-политических функций и передачу их сельским советам. Зависимость от условий конкретных губерний позволяла одним общинам выполнять функции сельсоветов, в других случаях сельсоветы брали на себя функции обществ.

Из сказанного следует, что вплоть до конца 1920-х гг. земельное общество все же играло решающую роль в хозяйственной жизни села.

Существовавший в Тамбовской губернии в годы аграрной революции порядок раздела земли, при котором к отдельным участкам каждого двора прибавлялись земельные полосы из распределительного фонда привел к усилению чересполосицы и дальнотемелья. Проведенное губстатбюро осенью 1921 г. выборочное обследование показало, что в одном озимом клину на двор приходилось в среднем по губернии более пяти полос. Полосы нередко располагались за несколько верст от крестьянской усадьбы. Расстояние запаханной полосы от усадьбы равнялось в среднем 6,6 версты, а незапаханной – 8,4 версты.⁸

В ряде сельских обществ многополосица и дальнотемелье крестьянских наделов значительно превышали средние параметры по губернии. В Экстальской волости Тамбовского уезда, например, в озимом клину насчитывалось 10,7 полос, в Енакаевской волости Темниковского уезда – 11,2 полос, в Потапьевской волости Елатомского уезда – 12,8 полос. Расстояние полос от двора составляло в Козловской волости Темниковского уезда 18 верст, в Мало-Пупковской волости Козловского уезда – 18,8 верст, в Спасской волости Тамбовского уезда – 21 версту, в Перкинской волости Моршанского уезда – 22,5 версты и т.д.⁹

Многополосица общинного землепользования в Тамбовской губернии объяснялась также сложившимся здесь порядком наделения земель. По распространенному в тамбовской деревне обычаю каждое общество делило землю на пояса, меты и жеребья. Пояс в свою очередь делился на участки, находившиеся в пользовании нескольких десятков хозяйств. Земля в каждой сотне и десятке распределялась по отдельным хозяйствам.

Порядок наделения земель через сотни и десятки был характерен для многонаселенных сельских обществ. В небольших общинах распределение земли производилось непосредственно на самом сельском сходе. При переделе крестьяне учитывали качество почвы, степень ее увлажненности, удаленности от селения и т.п. Раздробленность крестьянских наделов при этом была весьма высока.¹⁰

Практически неизменно крестьяне высказывались за распределение земли по едокам, как наиболее справедливое. Однако эта «справедливость» была относительной – многосемейные хозяйства получали наделы, обеспечивавшие возможность создания крупного хозяйства, тогда как у малосемейных наделы оказывались столь малы, что в условиях многополосицы обрабатывать их было невозможно.

Размеры надела каждого общинника не были закреплены навсегда. Они периодически изменялись в целях уравнительного распределения земли между членами общества. Земля распределялась между всеми дворами общества на одинаковых основаниях: в зависимости от количества разверсточных единиц, приходившихся на двор. Усадьбы фактически не переделались, различия в их размерах должны были компенсироваться при переделах пашни.

При передаче земли из одной волости в другую для равномерного распределения между ними сельскохозяйственных угодий дальнотемелье возрастало. Так, в Кирсановском уезде в изучаемый период практиковались отрезки мелкими клочками, площадь которых не достигала порой и одной десятины. Отдельные волости получали землю ярового клина за

30 – 35 верст от крестьянских усадеб, а при разделе пара случались переброски земли за 65 верст от местоположения сельских дворов.¹¹

Получая землю вдали от населенных пунктов, крестьяне зачастую не имели возможности целиком ее обработать. Недостаток сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота вынуждал сельские общества отказываться от пользования такой землей.¹² В ряде случаев крестьяне пытались действовать в этой ситуации самостоятельно. Сотрудник уездного земельного отдела В.В. Сахаров в своих воспоминаниях, посвященных разрешению земельного вопроса в годы аграрной революции в Липецком уезде писал: «... крестьяне организованно целыми сельскими обществами, большими обозами выезжали на запашку приписанных к ним земель в других волостях».¹³

В результате уравнительного перераспределения земли, проведенного в послереволюционные годы в Тамбовской губернии, община заметно расширила масштабы своего землепользования, общинное землепользование занимало тогда абсолютно преобладающее место. Свидетельством тому могут служить итоги учета земель 10 % волостей губернии (1922 г.), зафиксировавшие основные изменения в общинном землепользовании. Для изучения были выбраны наиболее типичные для своих уездов волости, число хозяйств в которых составляло не менее 10 % всех хозяйств уезда.

Во всех уездах губернии наблюдалось увеличение площади земли, находившейся в пользовании крестьянских общин. Оно колебалось от 2,4 (Лебедянский уезд) до 66 % (Елатомский уезд). Размеры общинного землепользования заметно возросли также в Козловском (прирост составил 49,3 %), Моршанском (42,2 %), Борисоглебском (40,1 %), Темниковском (40 %) уездах. В среднем по губернии прирост общинных земель составил 32,6 %.¹⁴ Если в дореволюционное время в состав общинных земель входило 66,9 % всего земельного фонда губернии (в границах 1925 г.), то к 1925 г. их удельный вес вырос до 92,6 %. Из имевшихся в наличии в Тамбовской губернии 4153194,7 дес. земли в пользовании крестьянских обществ находилось 3413768,5 дес. (82,2 %), не считая лесных угодий.¹⁵

Между тем, участковое землепользование существенно сокращалось. В 1917 г., по данным учета земельного фонда, общая площадь участковых хозяйств равнялась 86 тыс. десятин (в губернских границах 1925 г.), к январю 1925 г. хуторам и отрубам, по сведениям губземуправления, принадлежало лишь 9,3 тыс. десятин. Хуторские и отрубные владения составляли в 1917 г. в среднем по губернии 2 % земельного фонда, а к 1925 г. их доля снизилась до 0,25 % (в Борисоглебском уезде они составляли 0,16 %, в Моршанском – 0,49 % всей крестьянской земли). В последующий год размеры участкового землепользования несколько увеличились, однако до первоначального уровня так и не дошли.¹⁶ А с началом претворения в жизнь циркуляра Наркомзема от 24 октября 1924 г. «О прекращении хуторских разверстаний» стали сходить на нет.

В то же время, в 20-е гг. появилась новая форма землепользования, незнакомая дореволюционному времени, – коллективная. По данным на январь 1925 г. площадь коммун, артелей и товариществ составила 38 560 десятин.¹⁷ Однако вплоть до начала сплошной коллективизации среди форм крестьянского землепользования абсолютно преобладающее место принадлежало уравнительно-передельной общине.

Процесс передачи земли крестьянским обществам продолжался вплоть до конца 20-х гг. К 1 января 1924 г. в постоянное пользование тамбовских крестьян передано 6209 дес. земли из государственного фонда, причем 5124 дес. получила община.¹⁸

Проходивший в мае 1925 г. III съезд Советов СССР продолжил взятый государством курс на передачу земель в ведение сельской общины. Съезд постановил увеличить землепользование малоземельного крестьянского населения. В соответствии с решениями съезда Советов предполагалось пересмотреть состав земельных имуществ государства и, оставив в его ведении участки, необходимые для агрокультурного развития сельского хозяйства, а также удовлетворения нужд промышленности, армии и государственных учреждений, остальные земли передать в пользование крестьянского населения.¹⁹

В Тамбовской губернии предполагалось наделить малоземельные сельские общества 639-ю участками государственной земли общей площадью 102 тыс. дес. К передаче планировались прежде всего те земли, которые вклинивались в территорию крестьянских хозяйств, а также земли, состоявшие в аренде у сельских обществ. Остальная часть земли должна была поступить в пользование крестьян в 1926 г. Темп работ был высок. К октябрю 1926 г. общества получили 55 025 дес. земли, включавшие 87 % пашни, 7 % неудобной земли, 5 % луговых угодий и 1 % садогородных участков.²⁰

Обязательным условием передачи земли во владение общины являлось введение крестьянами в своих хозяйствах агротехнических улучшений. Так, земельное общество деревни Федоровки Козлов-

ского уезда получило 220 дес. свободного земельного запаса с условием введения многопольного севооборота.²¹

Многие крестьяне с целью ликвидации своего малоземелья стремились переселиться на земли государственного запаса. Например, группа крестьян с. Беломестная Двойня в количестве 14 семей обратилась летом 1923 г. в Тамбовское земельное управление с просьбой о разрешении выселиться на участок фондовой земли Экстальской волости (бывшее имение Грушецкого), общей площадью 332 дес. В числе причин, побудивших их выйти из общины, были малоземелье, дальнотемелье, чересполосица. Уездное земельное управление, принимая во внимание все эти обстоятельства, удовлетворило ходатайство крестьян Беломестно-Двойневского общества и отдало им землю по норме 1,3 дес. на едока. Тамбовское губернское землеустроительное совещание удовлетворило просьбу общества после того, как крестьяне взяли обязательство ввести улучшенные приемы полеводства.²²

Община Тамбовской губернии располагала до революции значительным количеством лесных угодий. По данным учета земельного фонда на 1917 г. (в границах 1925 г.) площадь крестьянских лесов была 95 012 дес., что составляло 3,3 % всех крестьянских земель.²³ Декрет «О социализации земли» (ст. 5) передавал леса в ведение уездных, губернских и федеральных органов власти.

Процесс возвращения лесов в пользование общин начался в начале 20-х гг. Это было вызвано нуждами хозяйственного развития деревни. К 1 августа 1925 г. в бессрочное пользование крестьян было передано из гослесфонда Тамбовской губернии более 1250 отдельных участков леса площадью 137,5 тыс. дес., т.е. более 25 % всех лесов губернии.²⁴

В последующие годы площадь общинных лесов продолжала увеличиваться. Статистический переучет лесного фонда показал, что на 1 октября 1927 г. в лесах местного значения было выделено 155 650 гектаров, причем в ведение крестьянских земельных обществ поступило 152 268 гектаров (97,8 %).²⁵

По положению о лесах местного значения, принятому в 1925 г., земельные общества несли ответственность перед государством за обеспечение сохранности переданных им лесов, выполнение в них правил лесного хозяйства и т.п. На общине лежала также обязанность охраны лесов (организация системы конной и пешей стражи, очередных дежурств членов общества и т.п.).²⁶

Итак, до конца 20-х гг. масштабы общинного землепользования расширялись. Однако ситуация начала резко меняться после принятия XV съездом ВКП(б) курса на коллективизацию. Съезд следующим образом сформулировал директиву в вопросах крестьянского землепользования: «Всемерно содействовать росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства (поселки, выселки и т.п.), ограничив практику выделения на отруба и, особенно, хутора и совершенно прекратив их в тех случаях, где они ведут к росту кулацких элементов».²⁷

Для осуществления объявленного курса потребовалось более активное вмешательство государства в развитие поземельных отношений крестьянства. В декабре 1928 г. ЦИК СССР принял закон «Общие начала землепользования и землеустройства». В нем подчеркивалось, что при проведении землеустройства и организации землепользования основной задачей является развитие производительных сил сельского хозяйства, «с обеспечением все большего усиления в нем социалистического строительства». Специальный раздел закона был посвящен мерам поощрения коллективных и других товарищеских форм землепользования. Закон предусматривал различные льготы и преимущества для коллективных форм хозяйства: льготы по сельхозналогу, кредиту, преимущественное перед единоличными хозяйствами наделение землей, внеочередное землеустройство за счет государства, обеспечение на льготных условиях сельскохозяйственными машинами и орудиями, семенами, племенным скотом и пр.²⁸ То новое, что вносил закон в поземельные отношения деревни, состояло, во-первых, в максимальном проведении классового принципа в праве трудового пользования землей, и, во-вторых, в создании для коллективных хозяйств наибольших преимуществ в области землепользования и землеустройства.

Примечания

¹См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. М., 1967. Т. 1. 1917 – 1928 гг. С. 15 – 17.

²См.: Там же. С. 33 – 45.

³См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 101, 103.

⁴Аграрный вопрос в программах политических партий России. Документы и материалы. Последняя треть XIX в. – октябрь 1917 г. М., 2000. С. 299.

⁵См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... Т. 1. С. 109.

⁶См.: Собственность на землю в России: история и современность / Под ред. Д.Ф. Аяцкова. М., 2002. С. 371.

⁷См.: Съезды Советов в документах. 1917 – 1936. Т. 1. М., 1959. С. 185.

⁸ГАТО. Ф.Р. – 761. Оп. 1. Д. 185(б). Л. 46 об.

⁹Там же.

¹⁰Там же. Ф. Р. – 946. Оп. 1. Д. 605. Л. 28 об.

¹¹Там же. Л. 28.

¹²Там же. Д. 340. Л. 72 – 72 об.

¹³ЦДНИТО. Ф. 9019. Оп. 1. Д. 710. Л. 6.

¹⁴ГАТО. Ф. Р. – 761. Оп. 1. Д. 188. Л. 7.

¹⁵Материалы по современному землепользованию Тамбовской губернии. Тамбов, 1926. С. 13, 16, 20.

¹⁶Там же. С. 11 – 20.

¹⁷Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1927. С. 55.

¹⁸ГАТО. Ф. Р. – 946. Оп. 1. Д. 3020. Л. 101 – 101 об.

¹⁹См.: Тамбовская правда. 1925. 1 августа.

²⁰См.: Тамбовский крестьянин. 1926. 22 октября; Тамбовская правда. 1926. 6 февраля.

²¹ГАТО. Ф. Р. – 946. Оп. 1. Д. 3020. Л. 324.

²²Там же. Л. 131 – 132 об.

²³Материалы по современному землепользованию Тамбовской губернии. С. 11 – 12.

²⁴ГАТО. Ф. Р. – 946. Оп. 1. Д. 4464. Л. 2.

²⁵ГАТО. Ф. Р. – 1. Оп. 1. Д. 1918. Л. 2.

²⁶ГАТО. Ф. Р. – 946. Оп. 1. Д. 4464. Л. 4 – 4об.

²⁷КПСС в резолюциях ... Т. 4. С. 67.

²⁸См.: Собственность на землю в России: история и современность. С. 396.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕРЕВНИ В ГОДЫ НЭПА (1921 – 1928 ГГ.)

Годы войны и революции наложили отпечаток на развитие демографических процессов в деревне на многие последующие годы. Убыль сельского населения в Тамбовской губернии составила 1,1 %. Несмотря на то, что голод и разруха толкнули в деревню многих горожан, давно утративших с ней связи, и возвращение демобилизованных красноармейцев, наблюдалось сокращение общей численности населения.

Кроме того, в 1922 г. в губернии отсутствовал естественный прирост населения во всех уездах за исключением Козловского и Моршанского: на 1000 душ сельского населения приходилось 29,9 рождений и 30,7 смертей. Всего в губернии в 1922 г. в сельской местности органами ЗАГС зафиксировано 68 192 (в том числе 35 440 мужских) рождений и 70 147 (включая 37 706 мужских) смертей.¹ Это объясняется последствиями войны, в том числе и на территории губернии, продовольственного кризиса и голода 1921 г., особенно в южных уездах, и, как итог, чрезвычайным распространением эпидемических заболеваний в 1921 и 1922 гг.

Ситуация начала меняться с 1923 г., когда в селе отмечено 115 582 (в том числе 59 677 мужских) рождения и 64 259 (в том числе 33 030 мужских) смертей. Исключение составил, пожалуй, 1925 г., когда в связи с климатическими условиями и голодом несколько снизился естественный прирост (в 1924 г. на 1000 душ – 18,9; в 1925 г. – 17,5).² В целом же среднегодовые темпы прироста сельского населения в Тамбовской губернии в 1920-е гг. были ниже (1,7 %), чем в дореволюционный период (2 %). Наивысший прирост был в Моршанском (в среднем 2,5 % в год) и Козловском (2,1 %) уездах. Именно в этих уездах землеобеспеченность крестьянства была выше, и, наоборот, там, где земли было меньше – прирост был ниже, чему способствовал отток населения.

По данным переписи 1926 г. плотность сельского населения губернии составляла 69,6 чел. на 1 кв. км (в расчете на всю удобную землю без лесов). Самая высокая плотность наблюдалась опять же в Моршанском (77) и Козловском (76,4) уездах.

Перепись населения 1926 г. отразила сравнительно молодой состав сельского населения Тамбовской губернии: высокий удельный вес детей до 14 лет включительно (35,9 %) и незначительную долю стариков старше 60 лет (7,0 %). Отсюда следует, что доля лиц активного брачного и детородного возраста составляла почти половину, а 54,2 % сельского населения приходилось на лиц трудоспособного возраста (от 15 до 60 лет).³

Однако соотношение между числом мужчин и женщин в деревне было менее благоприятным. Особенно велика эта диспропорция была в возрастной группе 25 – 29 лет. В эту группу входили мужчины, успевшие побывать на войне и понести потери. Мужчины этой группы принимали самое активное участие в миграционных процессах. Уезжали в город, как правило, молодые и физически здоровые мужчины. Кроме того, голод, разразившийся в начале 20-х гг., привел к значительному самовольному переселению крестьян в восточные районы страны. Несмотря на ранее принятое решение о запрете переселения, руководство страны вынуждено было принять постановление о планомерном выселении из голодавших губерний. Но в 1922 г. переселения были вновь запрещены. Право на переселения крестьянство получило лишь 1 декабря 1924 г. декретом ВЦИК и СНК СССР. Однако самовольные переселения были и в «запрещенные» годы, данные же о них чрезвычайно неполны и отрывочны.

Итак, доля женщин в составе сельского населения губернии резко увеличилась: если в 1912 г. число женщин превышало количество мужчин всего на 0,6 %, то в 1924 г. – на 12,5 %.⁴

Ранние браки были традиционными для патриархальной сельской семьи, что диктовалось в первую очередь хозяйственными нуждами. Так, в 1910 г. в Тамбовской губернии 56,4 % мужчин и 75 % женщин вступили в брак в возрасте до 20 лет; в возрастной группе от 20 до 24 лет эти цифры составили соответственно 25,6 % и 17,2 %. В 20-е годы ситуация резко изменилась – возраст брачующихся повысился. По данным 1924 и 1925 гг. до 20 лет в брак вступили 26 % мужчин и 39 – 42 % женщин. Основная масса сельских браков теперь приходилась на возрастную группу 20 – 24 года: у мужчин – 48 %, у женщин – 41 %.⁵

Как видим, сельское население Тамбовской губернии, несмотря на тяжелые испытания, связанные с войной и революцией в течение 1920-х гг. сохраняло традиционную возрастную структуру.

По данным 1927 г. в сельском хозяйстве губернии имелось 1 425 863 лица в рабочем возрасте; из них 610 163 мужчин и 815 700 женщин. Кроме этого в губернии имелось 239 720 подростков. Принимая рабочую силу женщины за 0,8 силы мужчины, как было принято в те годы, и рабочую силу подростка за 0,5 мужской силы, общий запас рабочей силы в сельском хозяйстве губернии составлял 1 382 586 рабочих единиц. Из этой цифры на взрослую мужскую рабочую силу приходилось 610 163 рабочие единицы, на женскую 652 561 единица и на подростков обоего пола 119 862 рабочие единицы. Помимо этого в сельском хозяйстве губернии имелось 777 858 детей обоего пола, они несомненно принимали участие в сельскохозяйственном производстве, но их труд, имевший сравнительно небольшое значение, компенсировался неиспользованием труда нетрудоспособных лиц, находившихся в рабочем возрасте. По подсчетам экономиста А.Н. Сахарова из всего запаса рабочей силы в сельском хозяйстве губернии, равном 1 382 586 рабочих единиц, полную нагрузку имели 748 157 единиц. Кроме того, 63 704 рабочих единицы имели работу вне сельского хозяйства; 354 898 единиц (25,6 %) составляли избыток.⁶

В 1920-е гг. закончился процесс дробления крупных крестьянских семей, начавшийся в конце XIX в. и усилившийся после 1916 г., когда началось массовое возвращение населения в деревню. Как известно, основной функцией крестьянской семьи были не только воспроизводство и воспитание подрастающего поколения, но и совместное ведение общего хозяйства. В сельской семье чисто демографические функции неразрывно связаны с производственными. Поэтому в литературе термины «семья» и «двор» нередко выступают синонимами.⁷ От состояния крестьянской семьи напрямую зависело производство. В целом семейные разделы носили экономический характер, но в их основе лежали демографические причины. Они отражали выделение из родительской большой семьи женатых сыновей с их собственными малыми семьями. Центробежные тенденции в большой семье были неизбежны. У каждой молодой семьи были свои особые материальные интересы, которые входили в противоречие с интересами других молодых семей и с интересами большой семьи. Этот конфликт разрешался путем обособления молодой семьи в самостоятельное хозяйство. Процесс семейных разделов осложнялся разногла-

сиями экономического характера, неравенством трудовых затрат в одном и том же хозяйстве при равенстве прав на имущество по закону.

Процесс крестьянских семейных разделов выразился в следующих цифрах: в 1917 г. в губернии насчитывалось 436 371 крестьянское хозяйство, в 1920 г. – 420 230, в 1923 г. – 469 655, в 1925 г. – 502 082, в 1927 г. – 516 223. В начале 20-х гг. прирост числа хозяйств составлял в среднем 3,8 % в год, в середине прирост несколько замедлился – 2 % в год.⁸

В связи со значительным увеличением количества хозяйств сокращался средний размер крестьянской семьи: 1917 г. – 6,4 души, 1920 г. – 6, 1923 г. – 5,44, 1925 г. – 5,21, 1926 г. – 5,17 и 1927 г. – 5,29 души. Лишь 1927 г. дал некоторое ее увеличение.⁹ Уменьшение крестьянской семьи несомненно. В силу того, что крестьянское хозяйство основывалось на тяжелом физическом труде, главную роль в нем и в семье играл мужчина. По данным 1927 г. на одно хозяйство приходилось 5,2 едока, из которых мужчины составляли лишь 2,5. Это означало, что физическая нагрузка на мужскую силу повышалась.

Вместе со всеми указанными процессами изменялась землеобеспеченность хозяйств. Если в первые послереволюционные годы она резко упала: с 4,1 дес. на одно хозяйство в 1917 г. до 2,8 дес. в 1920 г. и 2,6 дес. в 1921 г., то в последующие годы землеобеспеченность стабилизировалась: по 3,3 дес. в 1923, 1925 и 1926 гг. и 3,4 дес. в 1927 г.¹⁰

До революции высшие и местные органы власти пытались контролировать и ограничивать семейные разделы крестьян, руководствуясь хозяйственными и фискальными интересами. Для раздела необходимо было согласие домохозяина и сельского общества, требовались гарантии хозяйственной и тягловой состоятельности выделяющих и выделявшихся дворов. В 1920-е гг. семейным разделам способствовало законодательство, уравнивание всех членов семьи, независимо от возраста и пола, в правах на общую собственность хозяйства.

Согласно Земельному кодексу 1922 г. раздел земельного надела двора допускался в случае, если на выделенных его частях было возможно ведение самостоятельного хозяйства. Требовать раздела могли лица, достигшие 18 лет и участвовавшие в течение более двух севооборотов подряд в ведении общего хозяйства двора. Вводилась обязательная регистрация семейно-имущественных разделов в волисполкомах.

Кодекс законов РСФСР о браке, семье и опеке, введенный с 1 января 1927 г. развивал нормы Земельного кодекса. При разделе двора или выделе из него доля каждого в общем имуществе должна была теперь определяться соответственно количеству вложенного им в хозяйство двора труда и средств.

Ранее законодательство устанавливало возраст регистрации брака с 16 лет, тогда как имущественные права в полном объеме предоставлялись с 18 лет, тем самым противоречия между нормами семейного и земельного права ставили в трудное положение молодую женщину. Сессия ВЦИК (ноябрь 1926 г.) возраст регистрации брака повысила до 18 лет.

Наркомзем и Наркомюст РСФСР опубликовали «Инструкцию о производстве семейно-имущественных разделов трудовых земледельческих хозяйств» (30 марта 1927 г.), в которой запрещался раздел и разделение имущества с целью выделить нетрудоспособных; предоставлялось право увеличивать или уменьшать долю выделяемого члену двора имущества в зависимости от размера его трудового вклада.¹¹

Разделы, естественно, производились и в результате развода супругов, и в результате стремления зажиточных семей уменьшить тяжесть налогового обложения, которое основывалось на принципах подоходного. То есть шел естественный процесс, не выходящий за рамки хозяйственной целесообразности. Однако эти процессы по своим масштабам были невелики.

Определенное влияние на уменьшение крестьянской семьи оказало и образование новых поселков. В этот период в связи с проведением землеустроительных работ значительная часть мало- и безземельного ранее крестьянства стала получать землю. Вблизи вновь образованных земельных наделов возникли новые поселки. Расселение многодворных общин началось еще в ходе аграрной революции и проводилось в довольно значительных масштабах до тех пор, пока имелась возможность использования под эти цели помещичьих земель, но эта база для расселения быстро иссякла. В губернии за 1921 – 1922 гг. под выселки было выделено 107,5 тыс. дес. земли, а в 1923 – 1924 гг. всего 34,6 тыс. дес.¹² О размахе образования последних можно судить по тому, что в период 1917 – 1926 гг. на территории губернии возник 1141 населенный пункт. Общее число сельских населенных мест достигло 4688. К 1926 г. в связи с появлением большого числа новых, как правило, мелких поселений их средняя величина понизилась до 384 жителей. В то же время возросла их густота, составлявшая

13,6 поселения на 100 кв. км. Наибольшее число новых пунктов возникло в юго-восточной части (ныне Ржаксинский, Уваровский, Мучкапский районы) губернии, где новые поселения составляли 33 %. Интенсивно протекало образование новых поселков и в восточной части (доля новых пунктов – 22,4 %).¹³

По данным переписи 1926 г. наиболее крупными оставались села, возникшие до 60-х гг. XIX в.: на одно такое село приходилось в среднем 1353 человека. Образованные в пореформенное время (60-е г. XIX в. – 1917 г.) были меньше – в среднем 237 человек на одно село. Самыми мелкими были села, возникшие в 1917 – 1926 гг. – в среднем 120 человек на село.

Возникновение и рост противоречий в крестьянской семье вели к ослаблению хозяйства еще до его раздела. Делившиеся хозяйства, к какой бы посевной группе они не принадлежали, являлись более слабыми с экономической и технической стороны, чем сохранившиеся хозяйства той же группы. Раздел существенно менял размеры хозяйства и степень обеспечения его средствами производства. Вновь образовывавшиеся хозяйства служили главным источником для пополнения малопосевной группы. Они же являлись наименее устойчивыми хозяйствами. Все это не могло не сказываться на росте производства.

Для характеристики социальных групп тамбовского крестьянства воспользуемся данными о размерах посевной площади, главного показателя при экстенсивной системе хозяйства, а так же сведениями о найме и в наем рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря, о найме и отпуске рабочей силы. При переводе посевных групп в социальные важно учитывать хлебо-фуражный баланс и товарность хозяйств по зерновым. Важная роль при определении социальных групп принадлежит общей стоимости основных средств производства в хозяйстве. В середине 20-х гг. к бедняцким, как правило, относились хозяйства со стоимостью средств производства до 300 р., к середняцким – от 300 до 1400 р., к зажиточно-кулацким – свыше 1400 р.¹⁴ на основании данных обследований бюджетов крестьянских хозяйств 1923 – 1934 гг. нами составлена таблица¹⁵:

Группы по посеву, дес.	Валовая продукция зерновых		Продано зерновых		Куплено зерновых		Затраты на семена
	пуд	р.	пуд	р.	пуд	р.	
На одно хозяйство							
Без посева	–	–	17,5	12,37	3,0	2,25	–
До 2 дес.	48,29	33,50	19,71	14,45	25,2	18,59	8,88
От 2 до 4	111,5 3	78,0	40,75	29,49	44,08	32,15	17,33
От 4 до 6	201,7 6	141,7 2	80,98	58,75	58,08	41,71	25,76
От 6 до 8	306,2 1	215,9 4	101,0 1	71,86	49,05	35,03	36,91
От 8 до 16	424,7 0	298,4 1	158,4 4	113,7 7	124,6 9	90,36	52,28
Свыше 16	865,0	627,6 1	249,1 3	183,9 2	60,0	42,6	111,90 9

Группы по посеву, дес.	Затраты на корм, р	Стоимость капитала, р
Без посева	–	–
До 2 дес.	25,07	153,81
От 2 до 4	57,63	326,57
От 4 до 6	101,16	446,58
От 6 до 8	150,39	822,86
От 8 до 16	207,13	1661,65
Свыше 16	440,20	1723,43

Данные о валовом производстве зерновых, с одной стороны, и о расходах на корм скоту – с другой, показывают, что в хозяйствах с площадью посева до 2 дес. ощущалась острая нехватка хлеба: валовой

сбор оценивался в 24,64 р. (с учетом затрат на семена), а расходы на корм скоту – в 25,07 р. Почти такая же картина наблюдалась в хозяйствах с площадью посева от 2 до 3 дес.: соответственно 60,67 и 63,63 р. Следовательно, хозяйства с посевом до 2 дес. можно отнести к бедняцкой группе. Следующую группу с посевом от 2 до 4 дес. целиком бедняцкой признать нельзя. Сюда вошла и часть хозяйств середняцких. Общая стоимость средств производства этой группы несколько выше 300 р. Если же привлечь данные об обеспеченности хозяйств хлебом для собственного питания, то оказывается, что 70 % хозяйств с посевом до 3 дес. своего хлеба не хватало¹⁶. Поэтому хозяйства с посевом до 3 дес. в своей массе были бедняцкими.

Теперь попытаемся установить границу между середняцкими и зажиточно-кулацкими хозяйствами.

Резкое падение товарности крестьянских хозяйств не может служить ярким свидетельством социальной принадлежности высших по величине посева групп. И все же хлебные излишки в хозяйствах с посевом 8 дес. и выше составляли 115 р. Равно оценивалось валовое производство зерновых в хозяйствах с посевом от 4 до 6 дес. Эта же сумма составляла почти 80 % от общей стоимости основных средств производства в группе с посевом до 2 дес. К тому же общая стоимость средств производства групп с посевом от 8 до 16 дес. и свыше 16 дес. далеко превышала 1400 р. Это дает основание отнести хозяйства с посевом свыше 8 дес. к зажиточной группе.

Однако нельзя не отметить определенную условность такой градации хозяйств. В каждом конкретном случае необходимо учитывать число членов семьи в хозяйстве, так как от этого фактора зависело и количество земли в хозяйстве, а также обеспеченность хозяйств рабочим и продуктовым скотом, инвентарем, занятия промыслами и наличие торгово-промышленных заведений. Только в случае учета этих показателей и соответствующих расчетов можно установить реальное положение хозяйств.

Для выявления социальных групп в крестьянстве мы составляли таблицы, характеризующие основные элементы крестьянского, и, пользуясь данной методикой, делали соответствующие перерасчеты. Механику таких перерасчетов мы приводим при анализе крестьянского хозяйства в 1926 г. В остальных случаях, чтобы не перегружать текст операциями вычетов и прибавлений, приводятся готовые результаты.

Экономические признаки крестьянских хозяйств Тамбовской губернии по данным весеннего обследования 1926 г.¹⁷

Группа по посеву, дес.	Абсолютное число хозяйств	% к общему числу хозяйств	Без своих работников	С одним работником
В % к общему числу хозяйств				
Без посева	10550	206	27,6	59,3
От 0,1 до 3	243309	47,51	28,8	62,1
От 3 до 8	241005	47,06	3,57	46,4
8 и выше	17269	3,37	1,5	20,1

Группа по посеву, дес	С 2 и более работниками	Имеющих наемных работников	% хозяйств, арендовавших пашню	% хозяйств, сдававших в аренду
Без посева	13,1	0,2	–	34,4
От 0,1 до 3	10,7	0,2	1,7	21,5
От 3 до 8	47,3	0,3	15,0	3,4
8 и выше	80,0	1,2	47,0	2,0

Группа по посеvu, дес	Наличие промышленных заведений	Наличие торговых заведений	% хозяйств без папного инвентаря	Без рабочего скота	С одной головой скота
Без посева	2,59	1,30	97,8	98,8	1,1
От 0,1 до 3	1,92	0,29	77,8	82,3	17,5
От 3 до 8 и выше	2,9	0,22	16,9	20,5	72,1
	6,34	0,43	3,0	3,6	50,3

Группа по посеvu, дес	С двумя	С тремя и более	Без коров	С одной коровой	С двумя	С тремя и более
Без посева	0,1	–	81,6	18,2	0,2	–
От 0,1 до 3	0,3	–	54,7	44,4	0,4	–
От 3 до 8 и выше	7,2	0,1	16,6	78,4	6,7	0,3
	47,4	6,4	3,8	58,0	34,3	3,8

При составлении таблицы мы широко использовали метод вторичной группировки: по величине прежнего группировочного признака изменили интервалы между группами, а значит и их число. Получились более крупные группы.

Имеющиеся показатели, с известной долей условности, позволяют отнести к бедняцким все беспосевные хозяйства и с посевом до 0,1 дес., исключив хозяйства, обеспеченные лошадьми и коровами, имевшие торговые и промышленные заведения, наемных рабочих и более двух своих работников. В итоге имеем, что из беспосевных около 10 тыс. являлись бедняцкими.

К бедняцким относились и хозяйства с площадью посева до 3 дес., за исключением хозяйств, имевших наемных рабочих, торгово-промышленные заведения, арендовавшие землю, а так же обеспеченные скотом. Исключив из группы с посевом до 3 дес. хозяйства с перечисленными признаками, получаем, что бедняцкими являлись 198 тыс. хозяйств.

Бедняцкими являлись хозяйства и с посевом свыше 3 дес. Это хозяйства без скота, без инвентаря, без работников, сдававшие в аренду пашню. Прделав необходимые вычеты, получаем: из группы с посевом от 3 до 8 дес. бедняцкими являлись около 20 тыс. хозяйств, а из высшей группы (свыше 8 дес. посева) приблизительно 500 хозяйств также были бедняцкими.

Таким образом, из 512 тыс. хозяйств губернии около 228 тыс. были бедняцкими, или 44 % всех хозяйств.

К категории зажиточных хозяйств относились хозяйства с посевом свыше 8 дес., за исключением бесскотных и безынвентарных, не имевших работников, сдававших в аренду пашню. Таких хозяйств в этой группе насчитывалось 518. Следовательно, 16 571 хозяйство с посевом 8 дес. и выше было зажиточным.

Из группы с посевом от 3 до 8 дес. хозяйства, имевшие торгово-промышленные заведения, трех и более лошадей, трех и более коров, обеспеченные своими работниками и привлекавшие наемную силу, были, несомненно, зажиточными. Таких хозяйств насчитывалось 2410.

Проделав те же самые операции вычитания и прибавления в группе хозяйств до 3 дес., выявляем 2400 зажиточного типа.

И наконец из группы беспосевных хозяйств, к зажиточным относились хозяйства с торгово-промышленными заведениями, обеспеченные скотом и имевшие наемных рабочих. Таких насчитывалось 105 хозяйств.

Таким образом, зажиточных хозяйств в губернии было около 21 тыс., или приблизительно 4 % общего числа хозяйств. Основную массу хозяйств составляли середняцкие: около 265 тыс., или 52 %.

Для 1926 г. мы имеем возможность сравнить выводы о социальной структуре деревни, основанные на имущественных показателях, с данными, приводившимися на XVIII Тамбовской губернской партийной конференции

По данным динамической переписи 15 тыс. хозяйств губернии в 1926 г. была составлена таблица, в которой наряду с традиционной группировкой по размерам посева выделялись типы хозяйств по наличию в них признаков эксплуатации и отсутствию таковых.

С целью получения сравнимых результатов мы, продлав необходимые перерасчеты, укрупнили посевные группы. В итоге получилась таблица¹⁸:

Типы хозяйств	Группировка по посеву				
	без посева	с посевом			% к общему числу хозяйств
		от 0,1 до 3 дес.	от 3 до 8 дес.	8 дес. и выше	
1. Хозяйства, нанимающие рабочих более 30 дней в год или эксплуатирующие машины в чужом хозяйстве, или имеющие торгово-промышленные заведения, или арендующие землю (5 и более дес.)	0,1 0,7	10,7 2,2	41,5 18,0	46,8 79,1	7,3

Продолжение табл.

Типы хозяйств	Группировка по посеву				
	без посева	с посевом			% к общему числу хоз-в
		от 0,1 до 3 дес.	от 3 до 8 дес.	8 дес. и выше	
2. Без вышеперечисленных признаков, но сдающие рабочий скот или плуг в другие хозяйства	— —	2,3 0,1	69,8 0,4	27,9 1,0	0,3
3. Хозяйства, не имеющие ни одного из вышеперечисленных признаков, но отпускающие в другие хозяйства своих работников на срок	0,8 3,7	58,8 7,1	38,5 2,9	0,5 0,9	4,2

не более 30 дней в год					
4. Не отпускающие сельскохозяйственных рабочих или отпускающих на срок 30 дней или менее в год, но не имеющие своего рабочего скота и инвентаря	– 1,5	69,7 67,4	31,0 16,6	0,3 1,1	31,4
5. Все прочие хозяйства, не вошедшие в предыдущие типы	– –	14,8 23,1	72,9 74,1	9,3 31,5	55,9
6. % хозяйств группы к общему числу всех хозяйств	0,1	35,1	61,0	4,0	

Примечание. Первая строка в каждом типе хозяйств – % к общему числу таких хозяйств, вторая строка – % к общему числу хозяйств своей группы.

Из приведенной таблицы видно, что основную массу хозяйств составляли хозяйства трудового типа. В таблице это 4 и 5 типы. Чем меньше размеры посевной площади в хозяйствах этих типов, тем большая их часть отпускала рабочие руки на работу, и, соответственно, большая величина посева вела к меньшему отпуску рабочих рук.

Хозяйства 4 типа в громадном большинстве бедняцкие, сюда же относились и хозяйства с посевом не свыше 3 дес. 5 типа, а так же хозяйства 3 типа. Следовательно, бедняцкие хозяйства составляли в целом 44 % всех хозяйств губернии. Из них 2 % (преимущественно малопосевные 3 типа) носили пролетарский и полупролетарский характер.

Крупнопосевные хозяйства (8 и свыше дес.) 1 типа носили ярко выраженный эксплуататорский характер, а это означает, что зажиточно-кулацкие хозяйства составляли 4 % всех хозяйств губернии. Оставшиеся 52 % – это хозяйства середняцкие.

Таким образом, мы отмечаем полное совпадение выводов, сделанных на основе данных выборочного весеннего обследования и динамических переписей 1926 г. относительно социальной структуры тамбовской деревни.

Результаты изменений социальной структуры можно выразить следующим образом:

	1917	1920/ 21	1923	1924	1925	1926
в %						
бедняки	73,6	54,3	51,0	46,7	46,9	44,0
середняки	15,6	44,0	46,5	50,0	50,0	52,0
зжиточные	10,8	1,7	2,5	3,3	3,1	4,0

Полученные результаты нельзя признать бесспорными и окончательными. Во-первых, они основаны на данных статистики, которая страдала в те годы значительными погрешностями. Во-вторых, сама методика определения социальных групп в крестьянстве требует дальнейшего совершенствования. Поэтому некоторые подсчеты нуждаются в корректировке и уточнении.

Представляется очень важным показать механику всех изменений и передвижений в социальных группах деревни, т.е. за счет каких же крестьянских хозяйств происходили рост или сокращение основных социальных групп.

Для показа динамики крестьянских хозяйств ограничимся серединой 1920-х гг., когда социальное расслоение деревни было наиболее ярко выражено. Мы располагаем данными лишь об изменении общего числа хозяйств той или иной группы без учета органических изменений в крестьянских хозяйствах. Хотя, как известно, в то время делилось, соединялось и ликвидировалось до 7 % общего числа хозяйств в год.¹⁹ Поэтому мы можем судить лишь об общих тенденциях.

Группы по посеву	Годы		
	1923	1924	1925
	Число хозяйств		
Без посева	9388	7992	5222
От 0,1 до 3 дес.	253 573	280 181	244 814
От 3 до 8 дес.	192 328	187 341	236 829
От 8 и свыше дес.	11 739	11 843	15 317

Как видно из приведенной таблицы, за эти годы шел неуклонный процесс сокращения числа беспосевных хозяйств.²⁰ В среднем в год беспосевная группа сокращалась на 2 тыс. хозяйств, которые переходили в более высокую в имущественном отношении группу. Та же тенденция проявлялась и в группе хозяйств с посевом до 3 дес. Правда, 1924 г. дал в связи с засухой и недородом некоторое отклонение от наметившейся тенденции, когда несколько увеличилось число бедняцких и сократилось количество середняцких хозяйств. Неуклонно возрастало количество хозяйств с посевом от 3 до 8 дес. Это в основном хозяйства середняцкого типа. Их рост происходил за счет более низких по посеву групп. В то же время энергично шел рост высшей по посеву группы.

Даже беглый анализ изменений в соотношении социальных групп показал, что рост удельного веса середняков происходил за счет бедняцких хозяйств. Поэтому характер социальной дифференциации в 20-е гг. коренным образом отличался от классового расслоения в дореволюционный период, когда происходило размывание середняцкой группы. В целом же этот процесс правильнее называть поравнением.

Примечания

¹Бюллетень Тамбовского губернского статистического бюро (далее ГСБ). 1924. № 4. С. 92 – 93.

²Там же. С. 98-99; Бюллетень ГСБ. 1925. № 5. С. 2 – 4.

³Сахаров А.Н. Сельскохозяйственные районы Тамбовской губернии. Тамбов, 1928. С. 14 – 15.

⁴Бюллетень ГСБ. 1925. № 5. С. 3.

⁵Бюллетень ГСБ. 1926. № 7. С. 5 – 7.

⁶См.: Сахаров А.Н. Указ. соч. С. 17 – 19.

⁷См.: Население России в XX веке. Исторические очерки / Отв. ред. Ю.А. Поляков. Т. 1. 1900 – 1939. М., 2000. С. 193.

⁸Сборник очерков по вопросам экономики и статистики Тамбовской губернии. Тамбов, 1922. С. 60; Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1927. С. 58.

⁹Краткий статистический справочник по тамбовской губернии. С. 58.

¹⁰Там же; Сборник очерков... С. 60.

¹¹См.: Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 253 – 255.

¹²Там же. С. 162.

¹³См.: Есиков С.А. Административно-территориальные реформы 1920-х годов и Тамбовская губерния // Методика и опыт изучения сельских поселений Центрального Черноземья. М., 1990. С. 63.

¹⁴См.: Боженко Л.И. Социально-экономическая характеристика крестьянства Сибири после перехода к нэпу // Из истории Сибири. Вып. 6. Томск. 1973. С. 38; Калмыкова А.И., Роголина Н.Л., Селунская В.М. Опыт изучения процесса классовой дифференциации крестьянских хозяйств (по материалам бюджетных обследований деревни Центрального Черноземья РСФСР) // История СССР. 1981. № 2. С. 114.

¹⁵Таблица составлена по данным Бюллетеня ГСБ. 1926. № 8. С. 83 – 86, 90.

¹⁶Бюллетень ГСБ. 1923. № 2. С. 88.

¹⁷Составлено по: Бюллетень ГСБ. 1927. № 10. С. 44 – 53.

¹⁸Составлено по: Коммунист. 1927. № 1. С. 18 – 19.

¹⁹Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. С. 82.

²⁰Бюллетень ГСБ. 1924. № 4. С. 71; 1924. № 5. С. 20 – 21; 1926. № 7. С. 52.

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО И АГРОПРОПАГАНДА

Перераспределение земельного фонда привело к тому, что в густонаселенной Тамбовской губернии количество земли, приходившееся на одно хозяйство в 1920 г. достигло 8,3 дес. против 6,3 в 1917 г.¹ Однако существовавшие чересполосица, дальнотемелье, переделы, привязанность крестьянина к системе трехпольного севооборота порождали неустойчивость землепользования, многочисленные тяжбы, препятствовали нормальной хозяйственной деятельности крестьян, служили серьезным препятствием к правильному использованию эксплуатируемых площадей, к освоению новых земель, а, следовательно, и к дальнейшему росту сельскохозяйственного производства.

По данным за 1921 г. в Тамбовской губернии на один двор в озимом клину имелось в среднем от 3 до 5 полос, которые находились нередко за 6 – 8 верст от усадьбы, а в некоторых случаях это расстояние доходило до 45 – 50 верст.² Неупорядоченность крестьянского землепользования не только затрудняла хозяйственную деятельность, но и служила причиной многочисленных споров. Так, в Тамбовскую земельную комиссию ежемесячно поступало до 120 кассационных жалоб по урегулированию земельных споров.³

В интересах восстановления сельского хозяйства, рационального использования земли, широкого внедрения агротехнических мероприятий ВЦИК 23 марта 1921 г. принял постановление об обеспеченности прочности и устойчивости крестьянского землепользования и об удлинении срока переделов.⁴

В мае 1922 г. был утвержден закон о трудовом землепользовании, а 30 октября 1922 г. сессия ВЦИК приняла Земельный кодекс РСФСР, который был введен в действие с 1 декабря того же года. Земельный кодекс признал закрепленным в постоянное и трудовое пользование за земельными и другими сельскохозяйственными объединениями все то количество земли, которое находилось до 22 мая 1922 г. в их фактическом трудовом пользовании и было им законно предоставлено постановлениями земельных органов или съездов Советов. Провозглашалась свобода выбора форм землепользования.

Наряду с разъяснениями земельной политики местные партийно-советские органы возглавили работу по подготовке кадров землеустроителей, в которых испытывался острый недостаток. Так, например, в Козловском уезде в 1922 г. на одного землемера приходилось в среднем 14 700 дес. земли, что вдвое превышало установленную норму.⁵ С 1922 г. в губернии были открыты специальные курсы по подготовке волостных земельных работников. К землеустроительным работам привлекался агроперсонал. С 1923 г. применялась система распределения землеустроителей по участкам: вместе с участковым агрономом вводились участковые землеустроители.⁶ Разъяснение земельной политики, широкая пропаганда сельскохозяйственных знаний, а также сам ход землеустроительных работ вызывали у крестьян стремление перейти на улучшенный севооборот, применить в своем хозяйстве передовые методы. В свою очередь это пробуждало тягу крестьян к землеустройству. В результате к концу 1923 г. в губернии было землеустроено 49 % всей сельскохозяйственной площади.⁷

Учитывая все более возрастающую потребность крестьянства в землеустройстве, государство постоянно увеличивало соответствующие ассигнования из бюджетных средств и, начиная с 1924 г., организовало кредитования сельского населения с целью облегчения ему оплаты землеустроительных работ.

На протяжении всего изучаемого периода в губернии проводилось главным образом внутриселенное и межселенное землеустройство. Внутриселенное землеустройство имело своей целью упорядочить землепользование отдельных крестьянских хозяйств в каждом селе. Оно проводилось за счет средств самих крестьян. Хотя в большинстве случаев землеустройство не преследовало цели проведения реорганизации земельной площади в хозяйственном отношении, но тем не менее оно давало положительные результаты в смысле сокращения полос, уменьшения внутренней чересполосицы и т.п. В Тамбовской губернии до начала 1926 г. внутриселенное землеустройство было проведено на площади 526 390 дес.⁸ В результате, расстояние от крестьянского двора до дальних концов полей в среднем сократилось в губернии с 11 до 3 верст, а число полос с 36 – 24 до 9.⁹ При проведении внутриселенного землеустройства особое внимание обращалось на оказание помощи маломощным слоям деревни. Так, в 1925 г. все бедняцкие хозяйства, подвергшиеся землеустройству, были освобождены от оплаты за землеустроительные

работы.¹⁰ Внутриселенное землеустройство, на долю которого приходилось 40 % всех землеустроительных работ,¹¹ укрепляло экономические позиции маломощных крестьян, позволяло полнее использовать производительные силы крестьянского хозяйства, вело к сокращению сдачи земли в аренду слабыми хозяйствами, способствовало переходу крестьянства на передовые методы ведения хозяйства.

Широким спросом у крестьянства пользовалось межселенное землеустройство, целью которого было установление твердых границ между отдельными селениями. Оно не сводилось только к уравнительному перераспределению земель, как это было в первые послереволюционные годы и было неразрывно связано с землеустройством внутриселенным и внутривоспартельным.

Особенностью тамбовской деревни были густонаселенность и малоземелье, а преобладавшей формой землепользования – общинная. Участковая форма землепользования (т.е. образование хуторского и отрубного хозяйств) не пользовалась популярностью у крестьян. Анализ крестьянских заявлений показывает желание крестьян перейти к общинному землепользованию: лишь 0,2 % составляло в губернии участковое землеустройство, 1 % – коллективные формы, основную же часть – землеустройство общинное.¹²

Желание избавиться от чересполосицы и дальнотемелья при сохранении общинного землепользования порождало у крестьян стремление к созданию новых поселков и выселков на дальних землях, к разделу многодворных селений на несколько самостоятельных земельных обществ.

Расселение многодворных общин началось еще в ходе аграрной революции и проводилось в довольно широких масштабах до тех пор, пока еще имелась возможность использования для этой цели бывших помещичьих земель. Но такая возможность быстро закончилась. В губернии за 1921 – 1922 гг. под выселки было выделено 107,5 тыс. дес. земли, а в 1923 – 1924 гг. – всего 34,6 тыс. дес.¹³ Устройство мелких поселков и выселков на отдаленных землях способствовало расширению и более полному освоению посевной площади, вовлечению в сельскохозяйственный оборот бросовых и залежных земель, более равномерному распределению населения по предоставленной ему земельной площади. Анализ документов показывает, что во вновь образованных поселках чаще, чем где-либо создавались сельскохозяйственные товарищества и коллективы, общества по артельной обработке земли, отмечались первые попытки использования тракторов от кредитсоюза.¹⁴ Так, за 1926/27 гг. в 182 вновь образованных поселках, объединявших 3232 домохозяина (из которых 60 % бедняцких, 38 % середняцких и 2 % зажиточных) на выделенные средства было приобретено 354 рабочих лошади, 113 коров, 16 голов племенных животных, 630 плугов, 24 трактора и других сельскохозяйственных машин.¹⁵

Важное значение приобретал вопрос об оптимальном размере вновь образуемых поселков. Дело в том, что Тамбовская губерния испытывала недостаток водных источников. Когда естественные водные источники были почти исчерпаны, в помощь поселковому строительству были отпущены значительные средства из так называемых восстановленческих (т.е. из бюджетных средств, выделенных на восстановление центрально-черноземных губерний в 1925 г.) на создание искусственных водоемов, плотин, буровых колодцев и т.д. Кроме того, в новых поселках нужно было организовывать школы, здравпункты, больницы, торговую сеть, вставал вопрос о кооперировании вселявшегося населения. Губернское земельное управление, используя имевшийся опыт в стране, подсчеты экономистов А. Чайнова, Н. Лопатина и других, учитывая ближайшую перспективу коллективизации, наиболее выгодного использования машин, орудий, построек и рабочей силы, пришло к выводу, что при зерновом трехпольном хозяйстве с навозным удобрением наиболее выгодный размер поселка 500 – 600 дес., при интенсивном плодосеменном хозяйстве – 200 – 250 дес. В губернии за 1923 – 1927 гг. средний размер новых поселков на 12 – 35 дес. отклонялся от второго варианта.¹⁶ К тому же необходимо было учитывать интересы остававшегося на прежнем месте населения.

Партийно-государственное руководство стремилось прежде всего обеспечить хозяйственный подъем бедняцко-средняцких слоев деревни с тем, чтобы подготовить условия для перехода к коллективным хозяйствам. Поэтому в октябре 1924 г. Наркомзем направил на места специальный циркуляр «О прекращении хуторских разверстаний», который подтвердил «курс на коллективизацию землепользования и хозяйства». Землеустроительным организациям были даны директивы об особенно внимательном отношении к этой категории крестьян, о предоставлении им возможности в первую очередь воспользоваться содействием землеустройства для рационализации и интенсификации хозяйства¹⁷. Для всех землеустроительных работ была характерна ярко выраженная классовая линия. Так, в 1925/26 гг. на землеустройство бедняцкого населения было выделено

50 тыс. р., в 1926/27 г. – 56 тыс.¹⁸ Землеустройство служило важнейшим орудием прямого воздействия государства на организацию и развитие крестьянского землепользования.

Всего с начала землеустроительных работ при Советской власти в губернии к началу 1926 г. было землеустроено 2 093 693 дес. или 57,5 % сельскохозяйственной площади.¹⁹ Благодаря значительным выделенным средствам, в 1926/27 гг. эта цифра увеличилась еще на 512 124 дес.²⁰ Всего же, начиная с 1922 г. по начало 1927 г. разного рода землеустроительные работы были проведены на площади 1 119 390 дес.²¹ Наиболее эффективным в производственном отношении было внутривладельческое землеустройство – введение многополья и соединение узких полос в широкие. Многопольные севообороты в губернии к началу 1926 г. были введены на площади 90 706 дес., в 1927 г. – 143 002 дес.²² Межселенное и внутриселенное землеустройство не доходило до каждого двора в отдельности. При внутривладельческом землеустройстве существенно улучшалась система использования угодий каждым крестьянским двором. С 1927 г. отчетливо наметился сдвиг в сторону внутриселенного землеустройства.

Однако любые виды землеустройства требовали значительных средств, которых не было, и продолжительного времени. Мелкое же крестьянское хозяйство в основном продолжало существовать в прежнем виде, сохраняя трехполье, чересполосицу, архаические агротехнические нормы и т.д. Государство пошло по самому радикальному пути – по пути «коренной перестройки» крестьянского хозяйства и землепользования через коллективизацию сельского хозяйства.

Переход к нэпу потребовал ликвидации последствий семилетней войны. Сельское хозяйство находилось в состоянии полного упадка. Кроме того, одной из причин отсталости сельского хозяйства и в дореволюционный период являлся крайне низкий уровень культуры земледелия, хотя в тот период был накоплен определенный опыт. Возраставшая многоукладность экономики, разный уровень производственной культуры крестьянских хозяйств требовали различных технологий и форм обслуживания их специалистами. Большую роль в подъеме деревни сыграла земская агрономия. К 1910 г. агрономы стали работать при всех 12 уездных земствах. На средства земств содержалась сеть сельскохозяйственных школ, издавалась агрономическая литература, работало Козловское опытное поле.²³

Значительным шагом вперед в агрономическом обслуживании хозяйств стало создание земских агрономических участков. В 1910 г. по инициативе Моршанского уездного земства губернское земское собрание приступило к финансированию создания агроучастков. При этом было признано целесообразным, чтобы на один агроучасток приходилось в среднем по 65 сел и деревень с числом домохозяев в 7604 и площадью крестьянских земель в 53 тыс. дес.²⁴ Уже в 1910 г. было образовано 14 агрономических участков, в 1911 г. их действовало 39, в 1914 г. – 61, а в 1915 г. – 62. В среднем на один агроучасток приходилось 7775 крестьянских хозяйств.²⁵ Наряду с участковыми в пяти уездах продолжали работу уездные агрономы. К 1915 г. агроперсонал, обслуживавший участки, составлял 160 человек.²⁶ Участковая агрономия была важна и сама по себе, и как сеть множившихся небольших, но быстро укоренявшихся в своей зоне центров сельскохозяйственной культуры, просвещения, опытничества. Участки превращались в центры сосредоточения и формирования сил специалистов и крестьян. Особое значение при этом придавалось проведению опытных мероприятий, которые ликвидировали существенные пробелы в изучении естественных условий губернии (почвы, климат, распространение культур и т.д.). При каждом участке имелись прокатные пункты сельскохозяйственных орудий и машин. В 1914 г. 53 тыс. домохозяев посетили беседы участковых агрономов, около 5 тыс. крестьян проводили различные показательные работы.²⁷ Распространение агрознаний, практическое применение разнообразных нововведений в хозяйствах шло по нарастающей. В 1915 г., в разгар войны, одних только показательных участков в губернии было заложено 2636 на площади 756 дес.²⁸

Начавшаяся война нанесла тяжелый удар по немногочисленному агроперсоналу: в 1915 г. в армию было призвано 19 агрономов и 26 помощников, а оставшийся персонал привлекался к заготовительным работам.²⁹ В последующие годы деятельность агроучастков практически была прекращена.

Восстановление аграрного сектора предполагало не только обновление его технической базы, но и внедрение в производство прогрессивной агрономической культуры. При переходе к нэпу серьезной трудностью являлось отсутствие личной заинтересованности крестьян в результатах своего труда. На первых порах крестьяне недоверчиво относились к подготовке к посевной кампании 1921 г. По сообщениям из ряда уездов это проявилось в нежелании идти в селькомы, в сокрытии семян, в равнодушии к засеву. В апреле в губернии отмечалось, что в некоторых уездах крестьяне, как и при продразверстке, старались обсемениться в размерах, необходимых для личного потребления. Такие явления наблюдались в Токаревской, Сампурской, Знаменской и других волостях.³⁰

Важнейшим условием подъема и развития крестьянского хозяйства являлась ликвидация сельскохозяйственной неграмотности. Пропаганда агрономических знаний способствовала постепенному пере-

ходу крестьянства к новым формам и способам ведения хозяйства. 22 августа 1921 г. СНК принял декрет «О массовом распространении среди крестьянского населения сельскохозяйственных знаний и улучшении приемов ведения сельского хозяйства». Ведущую роль в этом деле должны были сыграть сельскохозяйственные кружки. Там, где такие кружки организовать было невозможно, рекомендовалось проводить циклы бесед, тематические сельскохозяйственные вечера, экскурсии и т.д. Перед кружками стояло многоплановая задача: распространение агрознаний, внедрение практических навыков работы, ознакомление с мероприятиями государства в области землепользования и по развитию кооперации и т.д. Все это должно было способствовать переходу к новым приемам и методам ведения хозяйства³¹. Задачи партийных органов в деле распространения агрознаний были определены в циркуляре ЦК РКП(б) от 2 декабря 1921 г. «О сельскохозяйственной кампании».³²

Руководство губернии предложило местным властям сосредоточить силы на борьбе с агрономической неграмотностью, организовать группы крестьян, которые с весны 1922 г. перешли бы к научной обработке земли. Осенью 1921 г. в губернии была проведена большая подготовительная работа по организации агропропаганды: в большинстве уездов созданы бюро агропропаганды, утверждены лекторские группы, разработаны программы сельскохозяйственных курсов и кружков.³³ Практическую помощь агропросвещению оказали советские органы. VIII Тамбовский губернский съезд Советов (декабрь 1921 г.) признал необходимым, чтобы каждый уезд и волость имели образцовое хозяйство, которое правильно велось бы с точки зрения техники, обработки земли, ухода за посевами, скотом и т.д. Для оказания реальной помощи крестьянству было выделено 28 совхозов, которые были переведены в агробазы.³⁴ Активное участие в агропропаганде приняли сельские коммунисты, которые не ограничивались лишь организационной работой. Наиболее подготовленные из них, в первую очередь те, кто закончил сельскохозяйственные курсы, сами непосредственно участвовали в пропаганде агрономических знаний, руководили сельскохозяйственными кружками.

Практические результаты агропропаганды были налицо уже весной 1922 г. Повсеместно отмечалась возросшая активность крестьянства при проведении посевной кампании. «Тяга к засеву необыкновенно сильная», – констатировал Тамбовский губком РКП(б). В губернии на правильный севооборот перешло около 100 семей Кирсановского уезда; в Борисоглебском и Моршанском уездах было заложено 69 показательных участков на Лебедянском крестьянских полях.³⁵ Все это дало основание губкому партии отметить в апреле 1922 г., что «реальная работа по проведению сельскохозяйственной кампании выразилась в виде перехода многих хозяйств от трехполья к многополью и организации различных сельскохозяйственных кооперативных товариществ»³⁶.

Много внимания уделялось вопросам пропаганды агрознаний и в последующий период, так как они вызывали живой интерес у крестьян. В документах весны – лета 1922 г. отмечалось, что отношение к агропропаганде самое внимательное, повсеместно наблюдалось желание крестьян улучшить свое хозяйство, организовать агроучастки и показательные поля.³⁷

Кроме теоретических сведений большое внимание уделялось привитию практических навыков агромероприятий. Нередко бывало, что в ходе занятий все выходило в поле, где агрономы показывали крестьянам, как с учетом научных требований производить полевые работы.

Партийно-государственные органы, проводя мероприятия со всей массой крестьянства, особое внимание уделяли хозяйствам, которые своим примером воздействовали на другие хозяйства. В целях пропаганды передовых методов хозяйствования по уездам проводились съезды передовых хозяйств. Перед проведением съездов выявлялись такие передовые группы в волостях, они концентрировались вокруг совхозов и колхозов. В сентябре – октябре 1922 г. во всех уездах прошла неделя зяблевой вспашки. Каждому уезду было дано определенное количество сельскохозяйственных машин и орудий с таким расчетом, что волость, первой вспахавшая под зябь, получает этот фонд, первое село, вспахавшее в данной волости, получает премию, а в селе премируется тот крестьянин, который первым вспахал свое поле.³⁸ Проведение подобных мероприятий стимулировало применение рациональных приемов земледелия, предметно заинтересовывало крестьянство.

Большую роль в пропаганде агрознаний играли агрономы. С этой целью стала восстанавливаться созданная еще в начале века сеть агрономических участков. К концу 1923 г. агропомощь населению оказывалась

47 участковыми и 7 уездными агрономами.³⁹ Велико было их воздействие на крестьянство. Например, в Моршанском и Кирсановском уездах на базе агроучастков проводились сельскохозяйственные курсы, работали кружки, регулярно давались консультации крестьянам. При активном участии работников агроучастков была открыта Моршанская сельскохозяйственная выставка, одна из первых в губернии, а в

Кирсановском уезде был создан сельскохозяйственный совет, возглавивший работу по оказанию практической помощи крестьянам в овладении научными методами ведения хозяйства.⁴⁰

Не переоценивая объема знаний, полученных крестьянами в столь короткие сроки, следует подчеркнуть их большую роль в пробуждении интереса массы крестьян к передовым приемам ведения сельского хозяйства. Этой же цели служили и создававшиеся различного рода товарищества – по улучшению пород скота, мелиоративные и т.д. К весне 1923 г. в губернии было создано 166 мелиоративных товариществ с целью улучшения лугов.⁴¹

В период с октября 1923 г. по октябрь 1924 г. агроперсонал губернии увеличился и составил 68 человек: 6 уездных агрономов, 49 участковых, 6 помощников участковых агрономов и 7 уездных специалистов.⁴² По так называемой нормальной сети всех агроучастков должно было быть 92; следовательно 43 участка организовано не было. С этого времени агрономическая сеть начала перестраиваться так, чтобы в каждой укрупненной волости имелась бы низовая агрономическая ячейка в составе агронома, ветврача и землемера. В этот же период агроперсоналом губернии было проведено 7 одномесечных, 7 двухнедельных и 16 однодневных – всего 30 курсов через которые прошло 1672 слушателя. Помимо курсов агроперсонал вел беседы и чтения в избах-читальнях. Всего слушателей по губернии было зарегистрировано 92 тыс. человек. У наиболее подготовленных весной было заложено 244 показательных участка.⁴³

В последующие годы работа агроперсонала еще более активизировалась. В 1924/25 гг. число агро-работников достигло 101, в начале 1926 – 119 чел. В этот же период ими было проведено: двухмесячных курсов – 3; месячных – 16; двухнедельных – 50. Число слушателей составило 3040 человек. При избах-читальнях агрономы организовали 93 сельскохозяйственных кружка; прочитано 3161 лекция для 209 753 крестьян.⁴⁴ В 1927/28 гг. число агроучастков достигло 112, а агроперсонал численно вырос до 188.⁴⁵ Организуя пропаганду сельскохозяйственных знаний, местные партийно-советские органы учитывали стремление крестьян к наглядному показу результатов применения передовых методов ведения хозяйства. Для этого расширялась сеть агрополей и показательных участков. В 1925 г. было организовано 59 показательных участков на землях агрономов и 33 – в крестьянских хозяйствах; широкое распространение получили экскурсии и сельскохозяйственные выставки; проведено 133 крестьянские экскурсии в образцовые хозяйства.⁴⁶ В первой половине 1925 г. в губернии было организовано 8 сельскохозяйственных выставок,⁴⁷ пользовавшихся большой популярностью у крестьян.

Бесспорно, что агропропаганда в те годы носила ярко выраженный классовый характер. Так, в рекомендациях и инструкциях указывалось, что крепкий крестьянин, поскольку он один крепнет на фоне общей нищеты, не может считаться передовым в советской оценке.⁴⁸ Участковый агроном, подчеркивалось далее, как общественный советский деятель, не должен забывать конечной цели – переход от индивидуального капиталистического крестьянского хозяйства к хозяйству плановому коллективному и социалистическому. Методы индивидуального обслуживания хозяйства агрономами объявлялись старыми и поэтому могли быть использованы в тех случаях, когда не мешали массовой деятельности агронома.⁴⁹

Крестьянство относилось к новшествам, как правило, настороженно. Большую роль в этом деле играли степень образованности и возраст: чем моложе был домохозяин, тем более восприимчив к нововведениям. Когда крестьянам говорили о низкой доходности их хозяйств, они соглашались; но если им предлагалось испробовать новые приемы ведения хозяйств, они, в большинстве случаев, давали стереотипный ответ: «И рады бы, да не в силах. На словах-то оно и хорошо». Не всегда крестьяне верили и в показательные мероприятия, проводившиеся на агроучастках. «И лошади-то на агроучастке другие, и орудия не наши крестьянские, и навозу-то навалено непосильное для крестьянина количество», – такие отзывы о показательных полях нередко можно было услышать от крестьян.⁵⁰ И все-таки пропаганда сельскохозяйственных знаний и агрономическая помощь крестьянскому населению дали положительные результаты. Доказательством результативности агропропаганды явилось улучшение культуры земледелия, применение крестьянами наиболее совершенных приемов ведения хозяйства. Если в 1924 г. площадь крестьянских хозяйств, перешедших на многополье в губернии составила 80 тыс. дес., то в 1925 г. – 226 тыс. дес. В это же время вспашка под зябь достигла почти 200 тыс. дес., а взмет раннего пара – более 300 тыс. дес.⁵¹ К концу изучаемого периода эти показатели улучшились: в 1926 г. многопольные севообороты практиковались на 10 % общей посевной площади, в 1927 г. – на 15 %; более 10 % посевной площади губернии пахали под зябь; быстрыми темпами увеличивалась площадь (с 1925 по 1926 гг. на 264 %) под

посевом трав, но уровень 1913 г. так и не был достигнут; несколько увеличилась посевная площадь под некоторыми трудоемкими культурами; просо стало постепенно вытесняться овсом.⁵²

Количественные итоги агропропаганды и землеустройства в целом были невелики, что было обусловлено слабостью земельных органов и противоречиями земельной политики, которая пыталась сочетать укрепление и ограничение фактического землепользования. Однако землеустройство, проводившееся в экономически важном и густонаселенном районе – Тамбовской губернии, повлияло на изменения социальной структуры деревни. Доля зажиточных снизилась и сильно выросла доля мелкопосевных хозяйств. Ослабление возможностей единоличных хозяйств было выгодно государству политически, но не выгодно экономически. Землеустроительная политика увеличивала разрыв между интересами власти и деревни и между целями и возможностями самого государства.

Примечания:

¹Сборник очерков по вопросам экономики и статистики Тамбовской губернии. Тамбов, 1922. С. 25, 29.

²Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии. Октябрь 1921 – октябрь 1922 г. Тамбов, 1922. С. 66.

³ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2121. Л. 17.

⁴См.: Съезды Советов в документах. 1917 – 1936 гг. Т. I. М., 1959. С. 168.

⁵ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 74.

⁶ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2121. Л. 9, 19.

⁷Отчет Тамбовского губисполкома X губерньскому съезду Советов. Декабрь 1922 – декабрь 1923 гг. Тамбов, 1923. С. 14.

⁸Коммунист. Орган Тамбовского губкома ВКП(б). 1927. № 23. С. 20.

⁹Отчет о работе Тамбовского губисполкома XII губерньскому съезду Советов. Тамбов, 1926. С. 28.

¹⁰Там же.

¹¹Коммунист. 1927. № 23. С. 20.

¹²ГАТО. Ф. 946. Оп. 1. Д. 504. Л. 94.

¹³См.: Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 162.

¹⁴ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1585. Л. 8 – 9.

¹⁵Отчет Тамбовского губисполкома XIII губерньскому съезду Советов. Тамбов, 1927. С. 15.

¹⁶Коммунист. 1928. № 6. С. 21 – 22.

¹⁷ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2121. Л. 9 – 10.

¹⁸Коммунист. 1927. № 19. С. 14.

¹⁹Отчет о работе Тамбовского губисполкома XII губерньскому съезду Советов. С. 27.

²⁰Отчет о работе Тамбовского губисполкома XIII губерньскому съезду Советов. С. 14.

²¹Коммунист. 1927. № 19. С. 14.

²²Там же. С. 15; Отчет Тамбовского губисполкома XII губерньскому съезду Советов.

²³Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству. Пг., 1914. Вып. 13. 4. 3. С. 1273.

²⁴О нормальной сети агрономических участков в Тамбовской губернии. Доклад Тамбовской губерньской земской управы. Тамбов, 1910. С. 17.

²⁵Там же. С. 1274 – 1275; ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9449. Л. 2, 4.

²⁶Там же. Л. 3.

²⁷Обзор агрономической помощи в районах землеустройства Тамбовской губернии за 1915 год. Тамбов, 1915. С. 12.

²⁸ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9449. Л. 4 об.

²⁹Там же. Л. 3.

³⁰ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 285. Л. 26, 29, 36.

³¹Известия ВЦИК. 1921. 27 августа.

³²См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. С. 277.

³³ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1017. Л. 61; Д. 1411. Л. 9; Д. 1413. Л. 12.

³⁴ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 250. Л. 70.

³⁵ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1532. Л. 22.

³⁶Бюллетень Тамбовского губкома РКП(б). 1922. № 6. С. 25.

³⁷См.: ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1532. Л. 47об.; Д. 1585. Л. 3.

³⁸ГАТО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 55. Л. 39.

³⁹Отчет Тамбовского губисполкома X губернскому съезду Советов. Тамбов, 1923. С. 12.

⁴⁰См.: ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 491. Л. 135; ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1644. Л. 65; Д. 2005. Л. 2, 5 об.

⁴¹Тамбовское губернское экономическое совещание. Отчет Совету Труда и Оборона. Тамбов, 1923. С. 13.

⁴²Год работы. Отчет Тамбовского губисполкома XI губернскому съезду Советов. Тамбов, 1924. С. 36.

⁴³Там же.

⁴⁴Отчет о работе Тамбовского губисполкома XI созыва XII губернскому съезду Советов. Тамбов, 1926. С. 17 – 18.

⁴⁵Центрально-Черноземная область. Справочная книга. Воронеж, 1929. С. 279.

⁴⁶Отчет о работе Тамбовского губисполкома XI созыва. С. 17 – 18.

⁴⁷Коммунист. Журнал Тамбовского губкома РКП(б). 1925. № 5 – 6. С. 67.

⁴⁸Лебедев Г. Агро- и лесопропаганда в СССР и за границей. М., 1925. С. 8.

⁴⁹Там же; Агропомощь и агропропаганда в деревне. Под ред. П. Я. Лежнева – Финьковского. М., 1926. С. 31.

⁵⁰См.: Лебедев Г. Указ. соч. С. 21, 38.

⁵¹См.: Отчет Тамбовского губкома ВКП(б) XIX губернской партийной конференции. Тамбов, 1927. С. 15.

⁵²См.: Материалы XVIII партийной конференции... С. 13; Отчет Тамбовского губкома ВКП(б) XIX губернской партийной конференции. С. 15.

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ДЕРЕВНЕ В ГОДЫ НЭПА (1921 – 1928 ГГ.)

В системе взаимоотношений государства с крестьянством важное место принадлежало налоговому обложению. Налоговая политика всегда находится в сложной системе прямых и обратных связей с политической и социально-экономической обстановкой. С помощью налогов осуществлялось перераспределение накоплений между отраслями народного хозяйства; они использовались в целях государственного воздействия на социальные процессы в обществе; в деревне, в частности, налоговая политика имела своей целью регулирование воспроизводства и накопления в крестьянском хозяйстве, стимулирование процессов обобществления, подрыв экономической мощи зажиточных (по терминологии 1920-х гг. – кулацких) хозяйств, при помощи налогов изымалась значительная часть средств, имевшихся в последних.

В историографии проблемы вплоть до конца 1980-х гг. преобладающей была апологетическая концепция налоговой политики партии и правительства, а также утверждение о превосходстве налоговой системы СССР перед дореволюционной налоговой системой. Лишь на рубеже 80 – 90-х гг. отдельные исследователи попытались оценить налоговую систему 20-х гг., однако эти попытки ограничились перечислением отрицательных черт без необходимого анализа и оценки, над некоторыми авторами довлеют еще старые стереотипы.

Предметом исследования данного раздела являются натуральный и единый сельскохозяйственный налоги. Хотя, как известно, крестьяне облагались и другими налогами, особенно в начальный период нэпа. Так, к началу 1923 г. крестьяне платили также денежные налоги: общегражданские единовременные денежные налоги, подворно-денежный, трудовой и гужевой, а также некоторые местные сборы.

Политика большевиков в деревне ориентировалась главным образом на ее расслоение. Но результаты были прямо противоположными. Тамбовская деревня отвечала укреплению своей сплоченности. В августе 1920 г. разрозненные крестьянские восстания вылились в крестьянскую войну.

На 1920 – 1921 гг. продрозверстка для Тамбовской губернии была понижена до 11,5 млн. пудов¹. Но и ее получить было невозможно, так как хлеба не было. Объективную ситуацию, сложившуюся в губернии, обрисовал в своем докладе от 20 июля 1921 г. В.И. Ленину председатель Полномочной комиссии ВЦИК В.А. Антонов-Овсеенко: «Разверстка на 1920/21 гг., хотя и вдвое пониженная против прошлогодней, явилась ... непосильной. При громадном недосеве и плохом урожае значительная часть губернии не могла обойтись своим хлебом... На душу приходилось хлебов (с вычетом потребности на обсеменение, но без вычета корма скоту) – 4,2 пуда. Среднее потребление в 1909 – 1913 гг. было 17,9 пуда и

кормовых 7,4 пуда. То есть в Тамбовской губернии в прошлом году покрывалась местным урожаем едва ¼ часть потребности. При разверстке предстояло отдать 11 млн. пудов хлеба и 11 млн. (пудов) картофеля. При 100 %-м выполнении у крестьян осталось бы на душу 1 п. хлеба и 1,6 п. картофеля. И все же разверстка была выполнена почти на 50 %. Уже к январю половина крестьянства голодала».²

Однако и в таких условиях в счет разверстки на 11 января 1921 г. было собрано 5305 тыс. пудов³, что составило 43,1 % от задания, при этом основная тяжесть выполнения легла на Тамбовский, Борисоглебский и Кирсановский уезды, в наибольшей степени, чем другие пострадавшие от неурожая.

Все эти действия властей накалили обстановку в губернии до предела. Именно она, а также общепартийная дискуссия по проблемам, порожденным военным коммунизмом, привела к появлению в Тамбове двух крупных представителей центрального руководства – Н.И. Бухарина и А.В. Луначарского. Первый участвовал в работе X губернской партийной конференции (28 – 30 января 1921 г.), второй – VII губернского съезда Советов (31 января – 4 февраля). По выступлениям делегатов от местных организаций они могли составить представление о причинах, действительных масштабах и характере антоновщины как массового крестьянского восстания и быстро нараставшей угрозе самому существованию советского строя. Неслучайно, что уже 2 февраля 1921 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) был поставлен доклад Бухарина. Содержание этого доклада неизвестно, но по изложению постановления по докладу можно понять и позицию докладчика: «политическое положение и восстание крестьян безусловно требуют ... самого серьезного внимания на быстрое проведение продовольственной скостки в тех же местах, где крестьяне особенно пострадали от неурожая...». Политбюро поручило Н.И. Бухарину, Е.А. Преображенскому и Л.Б. Каменеву «выработать и окончательно утвердить текст обращения от имени президиума ВЦИК за подписью т. Калинина крестьянам Тамбовской губ. с тем, чтобы распространить его только в этой губернии, не печатая в газетах».⁴

Обращение к тамбовскому крестьянству было распространено от имени губисполкома и губкома РКП(б) 9 февраля 1921 г. (По всей стране продразверстка была отменена декретом ВЦИК от 21 марта 1921 г.). Его суть состояла в отмене разверстки и разрешении местного торгового обмена продуктами сельского хозяйства.⁵

Известно, что в течение февраля В.И. Ленин неоднократно беседовал с крестьянами, с работниками местных партийных и советских аппаратов, посетил ряд подмосковных деревень. 14 февраля он принял секретаря Тамбовского губкома РКП(б) Н.М. Немцова и делегацию тамбовских крестьян. В ходе встреч он выяснял их отношение к разверстке и налогу. Однако и тогда он колебался, рассматривая налог как временную меру.

В феврале (точная дата неизвестна) 1921 г. в письме А.Д. Цюрупе Ленин писал, что «для России, для РСФСР (без Украины), вполне можно полностью отменить разверстку с 15.03 или с 1.04 и до 1.09 или до 15.08 испытать новый режим».⁶ (Обращают на себя внимание предлагавшиеся сроки эксперимента: весна – посевная кампания, а конец лета – уборочная).

Тамбовское крестьянство восприняло решения об отмене продразверстки неоднозначно. Значительные слои крестьян отнеслись к ним без энтузиазма и с традиционно-деревенским недоверием, считая, что власть ничего не делает просто так, без тайной выгоды для себя. Немало было таких суждений: «Советская власть будет брать с крестьян больше, чем по декрету о налоге» (Козловский уезд); «как только уродится хлеб – будут отбирать по-прежнему» (Тамбовский уезд); иные крестьяне не верили, что продналог продержится до осени (Усманский и Моршанский уезды). Определенная (не обязательно зажиточная) часть крестьянства встретила новые решения настороженно-враждебно. Эти настроения отражены в высказывании: «Хотите завоевать симпатию отменой разверстки. Нет, теперь уже поздно. Натурналог – та же разверстка, только название другое».⁷ В своем докладе в Центр от 3 марта 1921 г. В.А. Антонов-Овсеенко отмечал: «Снятие хлебной продразверстки крестьянство истолковывает во вред нам, как следствие победы «своих» войск, признание полной «ограбленности» крестьян и совсем не ощущает признательности в ряде уездов, выполнивших разверстку почти полностью».⁸

Основания для такого рода сомнений были. Посевкомы, созданные по решению VIII съезда Советов, всю работу весной 1921 г. Это были органы, занимавшиеся государственным регулированием крестьянского хозяйства. Экономические стимулы были только провозглашены. Вплоть до осени 1921 г. сохранялось убеждение, что правильной экономической политикой, обеспечивавшей связи города с деревней, являлся социалистический продуктообмен, осуществлявшийся без торговли. Однако организованный товарообмен оказался нежизненным. Уже летом торговля начала выходить за рамки местного оборота.

Продразверстка, формально отмененная, по существу сохранялась как на хлеб, так и на ряд других видов сельскохозяйственной продукции. Ее продолжали взимать и весной и летом 1921 г., т.е. спустя более полугода после отмены.⁹ В селе Сампур в сентябре 1921 г. по вопросу о сборе продналога была созвана беспартийная крестьянская конференция, обсуждавшая эту проблему более пяти часов. Крестьяне жаловались на тяжесть разверстки, особенно на большие сборы яиц, масла и шерсти, но к концу дня была принята резолюция, в которой необходимость выполнения продразверстки признавалась.¹⁰ Трудно объяснить столь неожиданное решение иначе, как подчинением крестьян силе обстоятельств, тем более на фоне только что разгромленного повстанческого движения.

Логика местных властей, упорно действовавших отжившими и самоубийственными методами, лишь на первый взгляд вызывает недоумение. Сложившийся в губернии громоздкий и неповоротливый бюрократический аппарат предпочитал привычную практику, неохотно перестраиваясь для решения новых задач. Указания центра на этот счет выполнялись с запозданием и не всегда. Кроме того, на первых порах продналог мало чем отличался от продразверстки. В той же Сампурской волости налог первоначально установлен был в 1 пуд 10 фунтов, через несколько дней он был увеличен на 20 фунтов, а затем еще на 1 пуд.¹¹ В целом по губернии размер натурналога весной 1921 г. определился в 5,3 млн., а в октябре – уже в 8,5 млн. пудов.¹² Такие перепады в натуральном обложении вызывали бурное недовольство крестьян. Основания для этого были. Размер налога тяжким бременем ложился на ослабленное крестьянское хозяйство. В отчете губЧК за 15 – 31 мая 1921 г. подчеркивалось тяжелое продовольственное положение губернии: «В некоторых уездах отмечаются случаи смерти от голода. В деревнях участились кражи из амбаров и кладовых. Засуха увеличивает уныние крестьян».¹³ На заседании губкома

РКП(б) 8 июня 1921 г. отмечалось, что «продовольственное положение в губернии небывало тяжелое. Без помощи центра перебиться до нового урожая нельзя. Даже детей в детдомах кормить нечем».¹⁴ В губернии в тот период действительно насчитывалось 267 тыс. голодающих.¹⁵ Тем не менее, губернские власти были настроены решительно и намеривались взять продналог в полном объеме.

Работа по продналогу выдвинулась на первый план в деятельности губернских властей. Губисполком и губком РКП(б) провели работу по реорганизации и обновлению губернского и уездных продовольственных комитетов. В мае 1921 г. в Тамбове на съезде уездных продкомиссаров 8 из 12 были заменены новыми, способными более гибкими методами проводить продовольственную политику в деревне. В течение июня – августа был организован ряд курсов для командированных уездами налоговых агентов с целью подготовки их к предстоящей кампании.¹⁶ Партийные комитеты провели специальную мобилизацию 225 коммунистов для продналоговой работы. К каждому уезду для организации практической работы на местах были прикреплены уполномоченные губпродкома из числа ответственных работников губкома и губисполкома.¹⁷ Большую работу провели уездные партийные комитеты. В Козловском уезде, например, в августе на продработу было направлено 14 членов укома и уисполкома, проведен инструктаж их уполномоченных, 7 и 14 августа прошли два агитвоскресенья, во время которых в деревню из города выезжало 135 работников. В Шацком уезде в августе на продработу было выделено дополнительно 26 человек из города. XI Кирсановская уездная партконференция возложила на каждого коммуниста персональную ответственность в деле выполнения продналога. Аналогичная работа была проведена и в других уездах.¹⁸

Сбор основного вида продналога – налога на хлеб начался в середине августа и находился под бдительным контролем властей. Президиум губкома РКП(б) в августе 1921 г. 6 раз заслушивал доклады губпродкомиссара, в сентябре – 5 раз.¹⁹ В целом сбор налога в сентябре – октябре 1921 г. протекал удовлетворительно: к 1 ноября по губернии налог был выполнен на 54 %, в сравнении с ноябрем 1920 г. было сдано на 160 тыс. пудов больше.²⁰ Однако в силу разных причин выявился значительный разрыв между уездами по сбору хлеба. Среди лидировавших уездов оказались те, в которых в наибольшей степени применялся административный нажим. Продовольственные органы рассматривали жалобы и ходатайства от крестьян или целых селений о снижении разряда урожайности или о снятии налога на отдельные виды продуктов. Например, на заседании губисполкома и губпродкома 20 октября рассматривалось 21 ходатайство 16 из них было удовлетворено.²¹

В ходе продналоговой кампании власти обнаружили, что налицо большое сокрытие крестьянами действительных размеров пашни. Однако на практике власти и крестьяне по-разному понимали, что такое сокрытие пашни. При исчислении налога власти учитывали все пахотнспособные земли: яровой и озимый клины, пары, усадебную землю, луга, сенокосы. Практически в каждом хозяйстве имелись пахотнспособные земли, о которых крестьяне не подавали сведений при составлении поселенных спи-

сков учета налогоплательщиков: незасеянная часть пашни, заброшенные и заросшие кустарником участки земли, заболоченные сенокосы. Власти же все это считали укрытой от учета пашней и, выявив ее, облагали повышенным налогом. Случаев действительного сокрытия засеянной пашни было мало, так как крестьяне в 1921 г. по объективным причинам не в состоянии были обработать и засеять даже имевшуюся у них пашню. По данным учета земельного фонда в Тамбовской губернии значилось 3 875 000 дес. пашни, в то же время по сведениям поселенных списков налогоплательщиков налогом было обложено 2 930 000 дес. Разницу в 945 тыс. дес. по постановлению СТО разверстали по селениям и обложили налогом. Тем самым налог на хлеб (основной плюс дополнительный) увеличился для тамбовского крестьянства на одну треть и составил 7 млн. пудов.²²

С конца ноября выполнение налога резко замедлилось. Это объяснялось тем, что многие хозяйства испытывали недобор хлебов в связи с засухой и значительным ослаблением в связи с войной. IX Всероссийский съезд Советов принял «Воззвание о сборе продналога». В нем содержался призыв покрыть нехватку хлеба во что бы то ни стало, так как «недобор налога означает срыв начатого крестьянами и рабочими восстановления народного хозяйства».²³ С 15 декабря по 1 января 1922 г. ВЦИК объявил проведение продовольственного двухнедельника. В губернии создавались «ударные группы» в составе уполномоченных волостных и уездных исполкомов, налоговых инспекторов и представителей бедноты. Как правило, эти группы прибегали к мерам принуждения: административным взысканиям, арестам, закрытию рынков, работали и выездные сессии ревтрибуналов.²⁴ Однако положение оставалось тяжелым, несмотря на принимавшиеся меры. Губком и губисполком вынуждены были ходатайствовать перед Наркомпродом о снижении налога. Их просьба была удовлетворена и к марту 1922 г. Тамбовская губерния была отнесена к категории губерний, выполнивших в основном обязательства перед государством.²⁵

В проведении первой продналоговой кампании имели место серьезные недостатки. Большое количество натуральных налогов по отдельным видам продукции и растянутое по времени издание декретов о различных видах налогов для крестьян создавали значительные трудности и вызывали у них неверие в будущее. Обложение налогом крестьян по отдельным видам продукции осуществлялось без учета их производства в хозяйстве. Недостаток опытных продработников приводил к ошибкам при исчислении налога, что вызывало недовольство крестьян. Приемные пункты и заготконторы были слабо приспособлены к приемочным операциям, в итоге крестьянам иногда приходилось по 3 – 4 дня ожидать своей очереди.

В значительной степени сказывался и прежний опыт: многие продработники широко практиковали в своей работе голое администрирование, репрессивные меры.²⁶

Продналог положил начало становлению системы обложения, заложенные в него принципы были ведущими на протяжении всех 20-х гг. Множественность налогов и связанный с ней сложный механизм сбора и учета стали основными чертами складывавшейся системы обложения, что определяло ее примитивный характер.

XI Всероссийская конференция РКП(б) (декабрь 1921 г.) указала на необходимость внимательного изучения опыта взимания продналога и упрощения, объединения и облегчения для крестьянства лежащих на нем государственных повинностей.

В действительности продналогу не удалось решить продовольственную проблему. Множественность, обязательность для всех хозяйств, заставляла крестьянина закупать продукты, в том числе скоропортящиеся, их не удавалось зачастую даже довести до приемного пункта. Везти на рынок свои излишки было невыгодно, так как деньги совершенно обесценились, цены на промышленные товары были велики, и последние поэтому были недоступны крестьянину. Решить все эти проблемы предполагалось введением единого сельскохозяйственного налога.

Декрет ВЦИК и СНК от 17 марта 1922 г. унифицировал налоги, объединив все виды в единый натуральный налог. Последний взимался шестью продуктами (вместо 18) и исчислялся в единой единице – пудах ржи. Объектом обложения становилась валовая продукция всех отраслей, продукты которых государство предполагало получить в порядке налога. Декрет мало что изменял, обложение осталось примитивным, сумма налога определялась директивно из центра. Новый декрет вступал в силу с 1 августа 1922 г. Проходивший в мае 1922 г. XI съезд РКП(б) поставил задачу совершенствования налогового аппарата, системы обложения, а также широкого привлечения партийных сил для обеспечения успешного сбора налога.²⁷

Продаппарат Тамбовской губернии прошел основательную подготовку на курсах по части выявления объектов обложения и исчисления налога²⁸. Дело в том, что крайне слабой оставалась работа налогового аппарата, который все еще находился в стадии становления. Аппарат просто не справлялся со сбором уже существовавших налогов, тем более – со сбором вновь принятых. На более высоком уровне, чем в 1921 г. проходила организаторская и агитационно-массовая работа среди крестьянства. Для руководства агитработой по налогу при губкоме и укомх РКП(б) были созданы продагиттройки, члены которых проводили собрания, курсы – съезды, распространяли агитационные газеты, тезисы и листовки. Начиная с июля 1922 г. укомы еженедельно отчитывались перед губкомом о степени усвоения крестьянством закона о натуральном налоге, о реальной помощи, оказанной продорганами²⁹.

С июля 1922 г. СНК стал публиковать разряды урожайности для губерний, для Тамбовской был определен 7 разряд урожайности и продналог установлен 21 млн. пудов ржаных единиц. Ввиду чрезмерной тяжести губернские власти ходатайствовали о снижении налога. Последний был понижен для губернии сначала до 17,2 млн., затем до 15 млн. пудов ржаных единиц³⁰. Однако и эта сумма оказалась слишком высока для крестьянского хозяйства, ослабленного двумя неурожаями подряд и голодом. В Елатомском уезде, например, после объявления ставок налога на 1922/23 гг. настроение крестьян резко ухудшилось, так как ставка продналога в сравнении с 1921 г. для многих увеличилась в 3 раза, а в сравнении с разверсткой 1920 г. – почти в 4 раза³¹.

Начавшийся в августе 1922 г. сбор налога проходил довольно быстрыми темпами и в декабре губерния его выполнила на 93,1 %, а в феврале 1923 г. – на 94,7 %. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что настроение основной крестьянской массы улучшалось со второй половины 1922 г. в связи с хорошими видами на урожай, заменой многочисленных натуральных налогов единым продналогом, дававшим возможность развивать те отрасли сельского хозяйства, которые приносили большой доход крестьянскому хозяйству. В 1922 г. вместо введенной в 1919 г. трудгужповинности, которая проводилась по принципу продразверстки, был введен трудгужналог, регламентировавший отработку определенного количества дней в первую очередь для вывозки топлива. Введение подворно-денежного налога в мае 1922 г. упорядочивало систему местных налогов, способствовало устранению местного

налоготворчества.

В Тамбовской губернии имели место 38 незаконных налогов (на сахар, керосин, вино, печки, музыкальные инструменты и т.п.)³². Например, в Кирсановском уезде крестьяне до революции уплачивали всех видов налогов и сборов (в переводе на ржаные единицы) 4,5 пудов с подоходной десятины, а в 1922/23 гг. обложение продналогом и остальными государственными и местными налогами составило 9 пудов с десятины³³, т.е. вдвое больше.

Разрабатывая политику в деревне, лидеры РКП(б) руководствовались в первую очередь классовым принципом. Они добивались того, чтобы и местные организации неуклонно придерживались его в повседневной практической работе. Так, на совещании в Тамбовском губкоме партии в ноябре 1922 г. рекомендовалось: «замещать должность финансового агента твердым партработником», поскольку «классовую точку зрения проведет лучше коммунист»³⁴.

Большое значение приобретало изучение опыта проведения налоговых кампаний. Ценный материал для обобщения дали крестьянские беспартийные конференции, которые использовались властями для изучения крестьянских настроений и разъяснения проводившейся политики. Так, в январе – феврале в губернии прошло 254 волостных крестьянские конференции, на которых присутствовали 47 200 человек³⁵. Проведенные конференции показали, что крестьянство в общем и целом одобряло налоговые мероприятия. В то же время на конференциях вносились предложения перейти от многочисленных налогов к одному, так как многообразие налогов и бессистемное проведение их на местах часто нарушало планомерный характер ведения хозяйства. За введение единого сельскохозяйственного налога, который должен взиматься в смешанной форме, высказалась XIV губернская конференция РКП(б) (март 1923 г.)³⁶.

XII съезд РКП(б) (апрель 1923 г.), учитывая выраженные пожелания с мест, обстоятельно рассмотрел вопросы налоговой политики и наметил ряд конкретных мер по ее совершенствованию. Съезд предложил, во-первых, в соответствии с расширением объема рынка «освободить крестьянина от обязанности вносить свои платежи государству в натуральном виде и дать ему возможность вносить часть этих платежей в денежной форме»; во-вторых, «провести объединение всех государственных прямых налогов, лежащих на крестьянстве (продналог, подворно-денежный и трудгужналог), а равно и всех местных прямых налогов в единый прямой сельскохозяйственный налог». Особое внимание было обращено на классовую направленность в проведении налоговой политики³⁷.

Единый сельскохозяйственный налог был введен декретом ВЦИК и СНК от 10 мая 1923 г. Налог на 1923/24 г. носил ярко выраженный классовый характер, так как был определен с учетом усилившейся социальной дифференциации крестьянства. Размер налога на одно хозяйство определялся количеством земли, приходившимся на одного едока. Статья первая декрета гласила: «На население, занимающееся сельскохозяйственным промыслом, а также на коллективные хозяйства устанавливается на 1923 – 1924 гг. единый сельскохозяйственный налог взамен ... единого натурального налога, трудгужналога, товарно-денежного налога, единовременного налога на восстановление сельского хозяйства (общегражданского налога) и местных налогов на сельское хозяйство. При определении размеров налога учитывается: а) количество в хозяйстве пашни и сенокоса; б) количество едоков ...; в) количество в хозяйстве взрослого рабочего и взрослого крупного рогатого скота; г) урожайность хлебов и трав на десятину. В соответствии с этим ... устанавливается: 9 групп по количеству пахотно-сенокосной земли на едока; 4 по количеству голов скота в хозяйстве; 11 разрядов урожайности». Этим же постановлением крестьянину предоставлялось право часть налога вносить в денежной форме, размер денежной части определялся специальным декретом³⁸. Новый налог несколько упрощал систему обложения и предоставлял более широкие возможности для развития сельского хозяйства. Но во внутренней структуре налога все еще оставалась множественность (разные объекты обложения при пересчете их в десятины пашни), количество налога, которое необходимо было собрать к концу окладного периода определялось по-прежнему централизованно на губернию, что очень усложняло действительное обложение согласно мощности хозяйства; т.е. новый налог сохранил множественность в скрытой форме, исчисление его для индивидуальных хозяйств было мало понятно крестьянину.

Размер налога на одно хозяйство в Тамбовской губернии в 1923/24 г.³⁹.

Группы крестьянских хозяйств	Количество хозяйств	% налога на всю группу	% налога на одно хозяйство
1. Хозяйства, имевшие $\frac{3}{4}$ дес. на едока	33 336	1,5	0,000044
2. Хозяйства, имевшие 1 дес. на едока	105 160	11,54	0,000109
3. Хозяйства, имевшие 1,5 дес. на едока	268 677	58,4	0,000217
4. Хозяйства, имевшие 2 дес. на едока	55051	20,32	0,00037
5. Хозяйства, имевшие 2,5 и выше на едока	15 400	8,76	0,00056

Как видно из данных таблицы, основную массу хозяйств составляли хозяйства с наделом 1,5 десятины на душу, с них взималось 58,4 % общей суммы налога. Причем хозяйство этой (третьей) группы, имевшее в два раза больше земли на едока, чем хозяйство первой группы, платило налога почти в пять раз больше хозяйства первой группы. Хозяйство четвертой группы, которое можно отнести к зажиточным, платило налога в 1,7 раза больше, чем хозяйство третьей группы, в 3,4 раза больше – второй группы и в 8,4 раза больше первой группы. Хозяйство пятой группы, имевшее более чем в 3 раза больше земли на едока, чем хозяйство первой группы, платило налога в 13 раз больше хозяйства первой группы. Как видим, налог был распределен с учетом экономического состояния различных слоев крестьянства, более отчетливой стала прогрессирующая система обложения. Ставка налога на одно хозяйство в 1923 г. была лишь чуть ниже, чем в более урожайном 1922 г.: на десятину посева она составила в среднем по губернии 9,0 пудов ржаных единиц⁴⁰.

Право определять соотношение денежной и натуральной частей налога было предоставлено губисполкомам с последующим утверждением губкомами. В Тамбовской губернии, как и в Центральном Черноземье в целом, сочли целесообразным, чтобы единый сельскохозяйственный налог состоял примерно наполовину из натуральной части и наполовину из денежной и чтобы натуральная часть не уменьшалась ниже 50 %.

Определяя размер натуральной и денежной частей единого налога для конкретных хозяйств, власти учитывали наличие в них тягловой силы. Для того, чтобы отвезти хлеб на заготовительные пункты, располагавшиеся нередко на значительном расстоянии, безлошадные крестьяне вынуждены были обращаться за лошадьё к зажиточным, которым надо было платить или отработать в их хозяйстве. Иногда расходы на доставку превышали самый налог. Поэтому замена натурального налога денежным несколько облегчала положение малообеспеченных.

В центре внимания властей по-прежнему оставался вопрос комплектования и улучшения работы продорганов, особенно низового аппарата, в работе которого, как показал опыт предыдущих кампаний, было немало недостатков. В губернии с 1923 г. направлением слушателей на курсы налоговых работников занимались исключительно партийные организации. Была значительно увеличена партийная прослойка: если в 1922 г. в губфинотделе из 113 работников коммунистов было 25 человек, то в 1923 г. – 71⁴¹. Пленум губкома РКП(б) в июле 1923 г. рассмотрел вопрос о продапарате и дал оценку каждому из заведующих уездными отделениями⁴².

Декретом ВЦИК и СНК от 10 мая 1923 г. были значительно увеличены льготы по налогу маломощным хозяйствам. В целом по Центральному Черноземью в кампанию 1923/24 гг. льготы и скидки распространились на 260 718 крестьянских хозяйств, располагавших 679 012 дес. земли⁴³. В их число входили маломощные хозяйства, хозяйства семей красноармейцев, а также поощренные за улучшение приемов землепользования.

Налог действительно был облегчен, однако для еще не восстановившейся деревни он оставался непосильным. Налоговая кампания 1923/24 гг. была самой продолжительной и закончилась лишь в августе 1924 г. Тем не менее, недобор оказался значительным, так как в пострадавших от засухи уездах многие хозяйства не могли внести налог в полном объеме. Выполнение налога в 1923/24 гг. составило 11,5 млн. пудов ржаных единиц или 81,1 % от задания⁴⁴. Проведенные в 1923/24 гг. бюджетные обследования крестьянских хозяйств показали, что доля налога в малопосевной группе (до 2 дес.) в сравнении с крупнопосевными в расчете на одно хозяйство была в 12,5 раза меньше, в расчете же на одну душу – в 3,2 раза меньше.

В среднем в 1923/24 гг. крестьяне платили в счет налога 8 % от своих доходов, тогда как в 1922/23 гг. – 14 %. Наивысшая доля налога составляла 10 – 10,5 % от дохода в посевных группах от 6 до 8 и от 8 до 16 десятин.

В крупнопосевных (свыше 16 десятин) доля налога падала до 5,8 %, так как в таких хозяйствах довольно высоким был доход от промыслов⁴⁵.

Кампания 1923/24 гг. выявила целый ряд недостатков, которые в основном сводились к технической стороне дела. Это выразилось прежде всего в том, что по неопытности низовой аппарат не справлялся с составлением отчетности по денежной части налога. Большие трудности вызывала методика определения эквивалента. Не в полной мере учитывались льготы для маломощных крестьян.

По установившейся традиции каждый новый год начинался с дискуссии о налоге с крестьянского населения. Не был исключением и 1924 год. Поводом к обсуждению явилась некоторая нормализация экономического развития страны. К 1924 г. установилась твердая валюта – червонец. Состоявшаяся в январе 1924 г. XIII Всероссийская конференция РКП(б) отметила, что крестьянство увеличило свою запашку, в известной мере подняло свое хозяйство «благодаря замене натурального налога в большей части его денежным, имело в своем распоряжении, несмотря на пониженный сравнительно с прошлым годом урожай, большое количество хлебных запасов». Конференция признала также необходимым осуществить «переход с будущего 1924 г. к взиманию единого сельскохозяйственного налога в денежной форме». Важное значение имело указание конференции об установлении по налогу широких льгот для маломощных крестьянских хозяйств⁴⁶.

На основе решений партийной конференции II съезд Советов СССР наметил пути реорганизации налога: налог должен быть прогрессивным, исчисляться в рублях, взиматься не только с земледелия, но и со всей совокупности доходов крестьянского хозяйства⁴⁷. Новое постановление утвердили 30 апреля 1924 г., по нему обложению подлежало все население, занимавшееся сельским хозяйством, никакими другими налогами оно обкладываться не могло; доходы от неземледельческих заработков (торговли, промышленности и др.) должны были облагаться промысловым налогом. Налог исчислялся по количеству принадлежавшей хозяйству земли, рабочего скота. За единицу обложения единым сельскохозяйственным налогом принималась десятина пашни. С 1924 – 25 г. взрослый скот стал учитываться как самостоятельный объект обложения. Это позволило полнее учитывать источники дохода крестьянства, особенно зажиточного, имевшего больше скота, чем другие слои деревни. Переход к денежному налогу расширял возможности приспособления крестьянского хозяйства к требованиям рынка. Власти получа-

ли возможность полнее учитывать доходы, подлежащие обложению, обеспечить большее соответствие ставки налога реальному доходу. Тем самым единый сельскохозяйственный налог по своему типу приближался к подоходному налогу. Перед продработниками ставилась задача показать, как при обложении оберегались интересы бедноты и разъяснить сам порядок обложения.

Первоначально единый сельскохозяйственный налог на 1924/25 г. для Тамбовской губернии был установлен в сумме 9 500 000 р. – сумма чрезмерная. В связи с плохими видами на урожай из-за засухи летом 1924 г. и отсутствием у населения старых хлебных запасов по неоднократным ходатайствам губернских властей сумма налога была снижена до 6 млн. р.⁴⁸ В Тамбовской губернии в 1923 – 24 гг. на одного едока в хозяйстве налог составлял 3 р. 40 к., в 1924 – 25 гг. – 2 р. 35 к.⁴⁹ В то же время значительно возросла прогрессия обложения. Существенно были увеличены льготы по налогу. Ими воспользовалась третья часть хозяйств⁵⁰. В связи с сильнейшей засухой в 1924 г. в губернии погибло 23,2 % всех посевных площадей. Сбор урожая с уцелевшей части ярового клина едва покрывал затраты на его обсеменение (урожайность овса составила 9 пудов, проса – 6 – 7 пудов). Озимые погибли на третьей части площади, урожайность упала до 24 пудов, т.е. на 30 % ниже среднего уровня⁵¹. В Липецком уезде, например, озимые погибли на 51 % площади. Из яровых посевов погибло: проса на 90 % площади, овса – на 76 %, картофеля – на 42 %. После уборки урожая в уезде на едока приходилось всего 7 пудов 10 фунтов ржи, 0,5 пуда овса, 0,2 пуда проса, 3 пуда картофеля, чего явно не хватало до нового урожая⁵². Тамбовский губком РКП(б) вынужден был признать, что «выкачка» из губернии налогов 1921 – 1923 гг. и неурожай 1924 г. довели губернию до голода. Валовой сбор хлебов в губернии в 1924 г. составил всего 30 млн. пудов, тогда как на потребление населению и корм скоту до нового урожая при самых скромных подсчетах необходимо было 51 млн. пудов⁵³.

Сбор налога проходил трудно. Распространились случаи освобождения от налога целыми обществами (по существовавшему законодательству предусматривалось только индивидуально). Нередко ходатаями за освобождение от налога выступали бедняки по вполне понятной причине⁵⁴. В ход вновь пошли меры принуждения и с большим напряжением сил налог был собран в сумме 5 046 639 (84 %) р.⁵⁵

В 1925 г. ситуация еще более ухудшилась: из-за засухи погибло 27 % посевных площадей⁵⁶. Начался голод. Сводки чекистов за это время со всех мест губернии буквально пестрят сообщениями о том, что в пищу шли суррогаты, крестьяне в массовом масштабе продавали скот или меняли его на хлеб. С весны 1925 г. начались голодные смерти⁵⁷. Козловский уком РКП(б) 20 марта 1925 г. сообщал в губком: «В уезде голод. Собранного зерна не хватает до следующего урожая. Крестьяне разъезжаются в поисках работы. До 20 % середняков пострадали от неурожая, они вынуждены продавать скот для прокорма семьи и уплаты сельхозналога»⁵⁸. Тем не менее, финансовые органы с помощью местных властей взыскали почти полностью причитающуюся сумму в 1 621 464 р.⁵⁹ К апрелю 1925 г. в южной части Козловского уезда голодало уже 40 % населения. Крестьяне питались камышом, щавелем, лебедой, кленовыми и дубовыми листьями в вареном и сушеном виде. К началу посевной кампании у крестьян оставалось в среднем на хозяйство 6 пудов 30 фунтов ржи, 19 фунтов проса и 8,3 пуда картофеля⁶⁰.

К июню голод достиг апогея: в губернии голодало и нуждалось в продовольственной помощи 1 141 500 человек⁶¹. Именно во времена особых бедствий популярностью у крестьян пользовалась идея создания особой крестьянской организации (крестьянского союза, существовавшего до 1917 г.), независимой от коммунистической партии. Большинство крестьян видело в крестьянском союзе организацию, защищавшую их экономические интересы (регулирование цен на сельскохозяйственные продукты и промтовары, распоряжение землей и т.п.)⁶².

В целях облегчения процесса накопления в деревне XIV Всесоюзная партийная конференция (апрель 1925 г.) решила снизить общий размер налога почти вдвое. На это решение руководство страны подтолкнула и ситуация голода, сложившаяся во многих регионах страны. Особое внимание конференция обратила на необходимость совершенствования техники взимания налога⁶³.

Принятое ЦИК и СНК «Положение о едином сельскохозяйственном налоге на 1925 – 1926 гг.» действительно понизило общую сумму, сохранив прежними субъекты и объекты обложения. Изменился порядок обложения по скоту. Сумма налога исчислялась в зависимости от количества облагаемых единиц в пересчете в десятины пашни (или посева) или в головы крупного рогатого скота, от количества едоков и разряда по обложению, к которому был отнесен данный район. Утверждались три различные ставки: меньшая, средняя, наивысшая. В целом единый сельскохозяйственный налог на 1925 – 1926 гг. делал значительные уступки в основном бедняку и середняку; исчисление налога для отдельного кре-

стьянского хозяйства оставалось сложным. При общем снижении налога налоговый нажим на зажиточных усиливался. В 1925 г. таблицы ставок были разработаны для каждой губернии. В Тамбовской губернии в 1925/26 гг. обложение проходило по трем ставкам: 1) хозяйства, обеспеченные землей, скотом на едока до 0,5 десятины платили по 20 к. с десятины; 2) хозяйства, в которых приходилось до 1,5 десятины на едока, уплачивали по 65 к. с десятины; 3) в тех хозяйствах, где приходилось более чем 1,5 десятины на едока, плата за 1 десятину повышалась до 1 р. 45 к. Таким образом, соотношение между ставками можно выразить как 1:3; 5:8,5, тогда как в 1924/25 гг. – 1:3, 3:5⁶⁴.

Кроме того, были понижены в сравнении с предыдущим периодом нормы пересчета скота. В 1924/25 гг. 1 лошадь приравнивалась к 1 десятине, 1925/26 гг. – 0,7 дес., 1 корова – соответственно 1 дес. и 0,6 дес. В результате более точного учета объектов обложения площадь пашни увеличилась на 1838 дес. и сенокоса – на 4889 дес⁶⁵.

Общая сумма единого сельскохозяйственного налога на 1925/26 гг. составляла 1 871 528 р., или в 5 раз меньше предыдущего года. Если тяжесть налога в 1924/25 гг. составляла 3 р. 63 к. на 1 едока или 2 р. 55 к. на облагаемую единицу, то в 1925/26 гг. – 69 к. и 52 к. Льготы по налогу составили 356 489 р.⁶⁶ Как и ранее в апреле – мае 1925 г. прошли двухнедельные курсы, на которые были привлечены уездные и волостные налоговые работники. Налог был собран в срок и в полном объеме.

Восстановление крестьянского хозяйства мыслилось руководством страны на основе связи города и деревни. Поэтому был провозглашен лозунг «лицом к деревне» для выражения руководящей роли рабочего класса по отношению к крестьянству. В начале 1925 г. вышел ряд постановлений о льготах лицам, занимавшимся извозничьим промыслом в сельской местности, деревенским кустарям и ремесленным предприятиям на селе, сельским торговцам. Кустарям и ремесленникам, имевшим 2 – 3 наемных рабочих, не надо было платить уравнильный сбор, торговля изделиями собственного производства вообще освобождалась от промыслового налога. Цель постановлений – поощрить деревенских жителей неземледельческим трудом, удовлетворить спрос на местах на более дешевые, чем промышленные, изделия кустарного производства, решить проблему трудовой занятости в деревне, в среде беднейшего крестьянства. Однако эта тенденция просуществовала недолго. К концу 1925 г. и от этих льгот и уступок наметился отход. В печати, на съездах все чаще стали упоминаться относительное уменьшение обложения села в сравнении с городом, быстрый экономический рост деревни. Из этого вытекал вывод: к осторожному обложению надо перейти в городе, а не в селе. В прессе отмечалось, что «требуется дальнейший нажим на налоговый пресс, дальнейшее увеличение норм обложения в деревне»⁶⁷.

В соответствии с решениями апрельского (1926 г.) пленума ЦК ВКП(б) с 1926/27 окладного года была начата перестройка сельскохозяйственного налога. Еще в августе 1923 г. было принято решение о переходе от системы «шкального» обложения к проведению принципа подоходного обложения. Реформа 1926 г. проходила по следующим основным направлениям: усиление прогрессивности и освобождение от налога бедноты; замена натуральных признаков исчисления облагаемого дохода денежными; расширение объектов обложения за счет не привлекавшихся ранее источников дохода; более полный учет местных экономических условий (тип хозяйства, близость рынков сбыта и путей сообщения, уровень цен); увеличение поощрительных льгот (особенно в производстве технических культур); переключение все большей части поступлений в местный бюджет; совершенствование практики обложения⁶⁸. Переход к обложению совокупного дохода позволил точнее выявлять имущественное положение налогоплательщика, тем самым усиливалась эффективность налога как средства контроля над последним. В целом же в 1926 г. произошло резкое повышение сельскохозяйственного налога за счет обложения по весьма высоким ставкам практически всех видов хозяйственной деятельности, приносящих доход в бюджет крестьянской семьи – садоводство, огородничество, птицеводство, свиноводство, пчеловодство, неземледельческие промыслы на стороне, кустарные промыслы и др. Это нанесло тяжелый удар по наиболее активным в экономическом плане категориям сельского населения, предельно ограничив их возможности для наращивания товарности сельскохозяйственного производства. Закономерным последствием неоправданного роста налогового бремени явилось усиление административных начал в ходе налоговой кампании. Вся тяжесть резко возросшего сельхозналога полностью перекладывалась на плечи основной массы середнячества и зажиточного крестьянства.

Единый сельскохозяйственный налог на 1926/27 гг. для Тамбовской губернии был исчислен в сумме 3 150 190 р. Из этой суммы предполагалось собрать 2 602 421 р. (82,6 %), а остаток суммы в 547 769 р. предназначался для всевозможных льгот и на случай недобора⁶⁹. Начало сбора налога несколько задержалось в связи с тем, что по новой системе он исчислялся впервые, и налоговый аппарат наделал ряд ошибок: не все бедняцкие хозяйства получили полагавшиеся льготы и, наоборот, хозяйства, способные платить, не попадали под обложение. Полностью от уплаты налога было освобождено 166 058 (32,3 % от

числа учтенных) крестьянских хозяйств. Всего же в порядке льгот по губернии сложено было 66 874 р.⁷⁰ Сбор налога протекал довольно успешно и в мае 1927 г. задание было выполнено. СНК всю собранную сумму оставил на местные нужды.

Несмотря на очевидное повышение налогообложения на зажиточные хозяйства в 1927/28 бюджетный год, июльский 1928 г. пленум ЦК ВКП(б) указал на «низкий налог для имущих слоев деревни» как один из недостатков планирования и одну из причин невыполнения плана заготовок⁷¹. Это положение нашло свое отражение и в законе о едином сельскохозяйственном налоге на 1928/29 г. и введении индивидуального налогообложения зажиточных слоев деревни в целях усиления их обложения. При новой системе налогов выгоднее было вести нетоварное хозяйство.

Принятые в 1921 – 1922 гг. законодательные акты об экономических отношениях деревни и государства, а также о земельных порядках, положившие начало переходу к новой экономической политике, отвечали крестьянским требованиям и открывали пути для подъема сельского хозяйства. Однако последствия семилетней военной разрухи и засуха 1921 г., породившие голод, исключали возможность скорого и легкого выхода из тяжелого кризиса.

С переходом к нэпу деревне разрешалось более свободно распоряжаться своими доходами, но по-прежнему крестьянин оставался в подчиненном положении, так как на нем лежала вся тяжесть налоговых платежей. В условиях хозяйственной разрухи отмена продразверстки, означавшая признание за крестьянином права свободного распоряжения производимым им продуктом, не была и не могла быть полной. В продовольственном налоге, введенном в 1921 г. и сохранявшемся в 1923 г., было немало от продразверстки. Общим для них являлись их натуральный характер и прямая подчиненность задачам не фискальным, а продовольственным. Продналог был единственным источником средств для экономического восстановления страны. По сравнению с продразверсткой продналог с самого начала был весьма умеренным, тем не менее для разоренной, жившей впроголодь деревни, его взимание было тяжким бременем. Продналог, как и продразверстка, лишь перераспределял возможности полуголодного существования. Первая половина 20-х гг. была периодом становления налогового аппарата и системы прямого обложения. Главная цель налоговой политики – охватить как можно больше субъектов и по возможности четко и точно вести их учет. Это стремление привело к расширению системы прямых налогов, качество их при этом не улучшилось.

Серьезным испытанием для руководящей линии партии в экономике стал кризис 1923 г., показавший всю примитивность налоговой системы. Сыграла свою роль тяжесть обложения для отдельных хозяйств. Внесение налога натурой стесняло хозяйственную деятельность крестьян и обязывало правительство содержать громоздкий и дорогостоящий налоговый аппарат. В 1923 – 1924 гг. деревня переживала мучительный переход к единому сельхозналогу. Ситуация значительно осложнялась засухой и голодом в 1924 и 1925 гг. Внутренняя структура сельскохозяйственного налога сдерживала и ограничивала рост доходов и проникновение товарно-денежных отношений в деревню. Так как налог затрагивал большинство деревенского населения, то тенденция перекачки средств из деревни в город набирала силу и способствовала переходу к жестким мерам. Взыскание налога сопровождалось принуждениями, арестами, конфискациями. Все же с середины 20-х гг. проблема сельскохозяйственного налога утратила былую остроту. В экономических отношениях решающая роль перешла к различным формам товарообмена. Все это привело к реформе сельскохозяйственного налога с 1926/27 окладного года: к обложению совокупного дохода и определению его в денежной форме. С рубежа 1927 – 1928 гг. начались чрезвычайные хлебозаготовки, означавшие отход от нэпа и его принципов.

Примечания:

¹См.: Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны. Сб. документов и материалов. Воронеж, 1989. С. 259.

²Крестьянское восстание в Тамбовской губернии. Антоновщина. Сб. документов и материалов. Тамбов, 1994. С. 230 – 231.

³Сборник очерков по вопросам экономики и статистики Тамбовской губернии. Тамбов, 1922. С. 165.

⁴Крестьянское восстание в Тамбовской губернии. С. 125.

⁵См.: Там же С. 14 – 15, 109 – 110.

⁶Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 84.

⁷См.: Есиков С.А., Протасов Л.Г. «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6 – 7. С. 51.

⁸Крестьянское восстание в Тамбовской губернии. С. 126.

⁹Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 1042. ЛЛ. 44, 46, 47, 48 об., 52, 53, 65, 79, 91; Д. 1047. Л. 23.

- ¹⁰Там же. Д. 1047. ЛЛ. 49 – 50.
- ¹¹Там же.
- ¹²См.: Донков И.П. Антоновщина: замыслы и действительность. М., 1977. С. 70.
- ¹³ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1042. Л. 71.
- ¹⁴Там же. Д. 1368. Л. 12.
- ¹⁵См.: Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 289.
- ¹⁶Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии. Октябрь 1921 – октябрь 1922 г. Тамбов, 1922. С. 323.
- ¹⁷Окатов Н.А. Мероприятия Коммунистической партии по укреплению союза с трудящимся крестьянством в 1921 – 1925 гг. (по материалам Тамбовской губернии) // Тамбовский госпединститут. Ученые записки. Вып. XVII. Тамбов, 1958. С. 51.
- ¹⁸ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1029. Л. 28.
- ¹⁹Там же. Д. 1017. Л. 6 – 101.
- ²⁰Там же. Д. 1018. Л. 11.
- ²¹Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 322. Л. 85 – 86.
- ²²Отчет Тамбовского губэконо Совету Труда и Обороне за период с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Тамбов, 1922. С. 122.
- ²³Съезды Советов в документах. Т. I. М., 1959. С. 208.
- ²⁴ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 250. Л. 58.
- ²⁵Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии. С. 326.
- ²⁶ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 250. Л. 58 – 59.
- ²⁷КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970. С. 332.
- ²⁸ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1532. Л. 40.
- ²⁹Там же. Л. 42-43; Д. 1996. Л. 9.
- ³⁰ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 449. Л. 1; Д. 289. Л. 141.
- ³¹ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1809. Л. 22.
- ³²Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Документы и материалы. В 4 т. Т. 1. М., 1998. С. 51.
- ³³ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1994. Л. 68.
- ³⁴Коммунист. Журнал Тамбовского губкома РКП(б). 1922. № 6. С. 80 – 81.
- ³⁵Там же. 1923. № 3 – 4. С. 46.
- ³⁶ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2121. Л. 146.
- ³⁷КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 430, 431, 475.
- ³⁸Единый сельскохозяйственный налог. Декрет ВЦИК и СНК//Беднота. 1923. 5 мая.
- ³⁹Тамбовская правда. 1923. 10 июля.
- ⁴⁰ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 632. Л. 291.
- ⁴¹Там же. Д. 488. Л. 11,15; Д.491. Л. 114.
- ⁴²Коммунист. 1923. № 8. С. 86 – 87.
- ⁴³На аграрном фронте. 1925. № 2. С. 79.
- ⁴⁴ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 881. Л. 21 – 22.
- ⁴⁵Бюллетень Тамбовского губернского статистического бюро. 1926. № 8. С. 59.
- ⁴⁶КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 517, 528.
- ⁴⁷Съезды Советов в документах. Т. III. М., 1960. С. 56 – 57.
- ⁴⁸Отчет Тамбовского губисполкома XI созыва XII губернскому съезду Советов. Тамбов, 1926. С. 5.
- ⁴⁹Год работы. Отчет Тамбовского губисполкома. Октябрь 1923 – октябрь 1924 г. Тамбов, 1924. С. 31.
- ⁵⁰Там же.
- ⁵¹ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 728. Л. 2; ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2959. Л. 37.
- ⁵²ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2291. Л. 12.
- ⁵³Там же. Д. 2906. Л. 28.
- ⁵⁴XVI Тамбовская губернская конференция РКП(б). Тамбов, 1924. С. 133, 150.
- ⁵⁵Отчет Тамбовского губисполкома XI созыва XII губернскому съезду Советов. Тамбов, 1926. С. 5.
- ⁵⁶Там же. С. 4.
- ⁵⁷Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 2. М., 2000. С. 282 – 283, 317, 318, 321, 322, 323, 324, 327, 331 и др.
- ⁵⁸ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2735. Л. 60.
- ⁵⁹Там же. Ф. 834. Оп. 1. Д. 1548. Л. 11.

⁶⁰Там же. Д. 1500. Л. 49 – 51.

⁶¹Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XI созыва XII губернскому съезду Советов. С. 5.

⁶²Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т. 2. С. 196, 197, 224, 337.

⁶³КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 203 – 204.

⁶⁴Единый сельскохозяйственный налог 1925 – 1926 года. Тамбов, 1925. С. 18, 19, 29.

⁶⁵Отчет Тамбовского губисполкома XI созыва... С. 99, 101.

⁶⁶Там же. С. 99.

⁶⁷См.: Беднота. 1925. 24 ноября; Экономическая жизнь. 1925. 13 октября; Там же. 12 ноября и др.

⁶⁸Беркутов А.А. Реформа системы единого сельхозналога в 1926 г. и ее значение в осуществлении налоговой политики коммунистической партии в деревне // Из истории борьбы КПСС за победу социалистической революции и построение коммунистического общества. М., 1982. С. 16 – 30; Данилов В.П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство 1917 – 1927 гг. М., 1977. С. 183.

⁶⁹Отчет Тамбовского губисполкома XII созыва XIII губернскому съезду Советов. Тамбов, 1927. С. 42.

⁷⁰Там же. С. 43.

⁷¹КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 351.

Регулирование аренды и найма земли,

рабочей силы, инвентаря

Для того, чтобы все элементы производства могли успешно функционировать, между ними в каждом хозяйстве должно существовать определенное соответствие. Для рационального использования земли необходимо оптимальное соотношение определенного количества рабочей силы, сельскохозяйственного инвентаря, скота, семян и т.д. Если в хозяйстве подобное соотношение между факторами производства нарушалось, то хозяин должен был принять меры к сбалансированности всех хозяйственных элементов. Увеличение снабжения хозяйства одними компонентами при возможном уменьшении других – важнейшая задача рациональной организации хозяйства.

Крестьянская аренда порождалась, как правило, недостатком земли в хозяйстве. В условиях существовавшей экстенсивной трехпольной системы ведения хозяйства арендные отношения получили заметное распространение. Крестьянство было широко вовлечено в арендные отношения: к 1917 г. более одной трети (36,4 %) ¹ крестьянских хозяйств Тамбовской губернии арендовало землю. Высшие посевные группы арендовали в относительном значении больше, чем низшие, хотя по площади аренды преобладание сохранялось за средним слоем. Земельная теснота заставляла искать способы расширения площади для ведения хозяйства, причем большую активность в стремлении сохранить хозяйство проявляли середняцкие и бедняцкие слои. Поэтому они не отказывались от попыток расширить тесные рамки наделного землевладения путем аренды земли.

В Тамбовской губернии основную массу вовлеченных в аренду земель составляли внаделные земли. Однако имела место аренда в чужих общинах. Одним из возможных объяснений этого явления может быть наличие в соседних общинах чересполосных земель, которые за дальностью выгоднее было сдать в аренду, чем обрабатывать самим, а также неравномерность распределения различных угодий между общинами.

Характерно было и то, что коллективная аренда все-таки превышала единоличную. Сущность этого явления, по справедливому мнению А.М. Анфимова, состояла в трудности организации капиталистического земледелия в условиях помещичьей монополии на значительную часть земельных угодий ². Более предпочтительная для зажиточных крестьянских групп единоличная аренда далеко не всегда была для них доступна, а вынужденное участие в коллективной аренде в какой-то мере сдерживало предпринимательские возможности состоятельных арендаторов.

С ликвидацией помещичьего хозяйства и превращением мелкого крестьянского хозяйства в основного товаропроизводителя происходила коренная перестройка социально-экономических отношений в деревне. Резко снизился удельный вес такой категории социально-экономических

отношений как найм – сдача рабочей силы. Этому способствовали сокращение кулацких хозяйств, переход части бывших наемных рабочих на работу в совхозы, наделение земель безземельных батраков, сокращение посевных площадей, запрещение наемного труда, усиление тенденций к обработке участков «супрягой» и «помочами». Согласно законодательству, наемный труд запрещался, кроме случаев, предусмотренных «Основным законом о социализации земли». Ст. 13 допускала его применение в высококультурных хозяйствах, создававшихся государством (т.е. в совхозах), а ст. 49 – в крестьянских хозяйствах в случае временной потери трудоспособности, смерти работоспособных членов³. По данным переписей в 1920 г. в сравнении с 1917 г. количество наемных рабочих значительно сократилось прежде всего за счет ликвидации помещичьих батраков. Переписи 1917 и 1920 гг. содержали лишь данные о сроковом (на один месяц и более, включая и годовой) найме рабочих и не учитывали сведения о поденном и сдельном найме рабочей силы, последний имел значительное распространение до революции. Обе переписи показали тенденцию повсеместного сокращения сроковых рабочих. В Тамбовской губернии удельный вес хозяйств с наемными сроковыми рабочими сократился с 0,6 % в 1917 г. до 0,1 % в 1920 г.⁴ Что касается поденного и сдельного найма, то их значение даже возросло. В связи с запрещением наемного труда зажиточные крестьяне предпочитали поденный найм, который легче было скрыть, чем сдельный. Кроме того, довольно широко была распространена довольно необычная форма найма рабочей силы. Безземельные крестьяне и переселенцы из городов, получив землю, не имели рабочего скота и инвентаря для обработки земли и вынуждены были нанимать лошадь с плугом. Как правило, крестьянин берег свою лошадь и не отдавал ее в чужие руки, чтобы ее не загнали на работе. Вследствие этого безлошадным крестьянам приходилось нанимать и хозяина лошади для обработки земли на условиях издольщины. Так найм средств производства выглядел фактически как найм рабочей силы. Однако местные власти не всегда улавливали парадоксальности ситуации (неимущий крестьянин нанимал состоятельного соседа в качестве рабочей силы). А поскольку наемный труд был запрещен, то уличенный в найме рабочей силы бедняк мог быть подвергнут наказанию.

Из-за запрещения наемного труда и сокращения посевных площадей найм рабочих в целом значительно сократился. Это увеличило безработицу в деревне и ухудшило положение бедноты. В дореволюционный период бедняки, не имевшие возможности обработать свою землю, зачастую сдавали ее в аренду зажиточным крестьянам, а сами для пополнения своего бюджета нанимались батраками или уходили на промыслы.

Декрет «О земле» запретил аренду земли. «Основной закон о социализации земли» устанавливал, что право пользования землей «ни в коем случае не переходит от одного лица к другому». В ст. 46 отмечалось: «Никто не может передавать прав на пользование находящимся у него участком земли другому лицу»⁵. Однако запрещение аренды не привело к ее исчезновению, поскольку не исчезли условия ее порождавшие. Она сохранилась преимущественно как тщательно скрываемая подпольная форма социальных отношений. Сдатчиком земли выступал, как правило, маломощный крестьянин. Получив землю, но не имея рабочего скота, инвентаря, семян, он сдавал ее в аренду. Арендатором земли выступал кулак или зажиточный середняк, которые в результате поравнения были лишены части своей земли. Нелегальность аренды ставила в тяжелое положение сдатчика-бедняка, который вынужден был соглашаться на условия арендаторов, так как от того, сдаст или не сдаст он землю, зависела его судьба. Местные органы власти оказывались в затруднительном положении: с одной стороны, они должны были бороться со сдачей земли в аренду, а с другой – чтобы не допустить недосев, вынуждены были ее разрешить. По данным переписи в 15 губерниях Европейской России (включая и Тамбовскую) в 1920 г. оказалось 2,3 % хозяйств с арендованной землей⁶. Причем местные советы не только санкционировали аренду земли, но и устанавливали размеры арендной платы.

В годы гражданской войны из-за роста числа маломощных хозяйств, минимально обеспеченных средствами производства или не имевших их вовсе, получили распространение традиционные формы крестьянской взаимопомощи «супряга» и «помочи».

Ликвидация помещичьего землевладения и переход земли в трудовое пользование крестьянства ликвидировали внеадельные формы аренды земли. Заметно сокращалась и внутринадельная аренда. Ее замиранию способствовало значительное сокращение посевных площадей в годы гражданской войны. Действие последнего фактора оказалось двояким. С одной стороны, поскольку засеять стали меньше, соответственно уменьшилась и потребность в дополнительной земле. С другой стороны, в практику стала входить передача желавшим пустовавшей земли во временное пользование.

Резкое сокращение аренды, однако, не означало ее полного исчезновения. Она сохранялась и при ее запрете, принимая подпольную форму. Из-за нелегальности аренды степень ее распространения и условия трудноуловимы. Источники периода гражданской войны отмечают случаи земельной аренды, но оговариваются, что выяснить их количество не представляется возможным⁷.

Аналогичная ситуация сохранялась и в начале 20-х гг. В качестве сдатчика земли, как правило, выступали беднейшие хозяйства: получив землю, такие хозяйства, если они не имели рабочего скота и инвентаря или если их рабочая сила была ослабленной, часто не могли просуществовать иначе, как сдав в аренду землю. Арендаторами земли выступали зажиточные хозяйства, которые в результате поравнения были в какой-то мере лишены части своей земли.

Реальные сведения о степени распространения земельной аренды в эти годы отсутствуют. До 1924 г. аренда при весенних опросах не регистрировалась. Поэтому мы располагаем лишь данными гнездовых динамических переписей, а они охватывали незначительное число хозяйств – не более 100 – 150. Данные в гнездах Тамбовской губернии были таковы: в 1920 г. арендовало землю 0,06 % хозяйств, в 1921 г. – 2,69 %, в 1922 г. – 6,28 %⁸. Невозможно определить, имеется ли здесь рост аренды или просто улучшение ее учета. Без сомнения остается одноземельная аренда в тот период имела место не в единичных случаях. Так, проверка по одной лишь Лысогорской волости Тамбовского уезда вскрыла 247 случаев кабальных сделок за 1922 г. Многие сделки скрывались. В Кирсановском уезде в 1922 г. отмечались случаи, когда члены РКП(б) в виду плохого материального положения просили разрешения у секретарей ячеек сдать землю в аренду и о найме в батраки⁹.

Недоучет аренды наблюдался в последующие годы, когда она была официально узаконена. Так, сведения 10 % весеннего обследования 1926 г. дали сумму сданной в аренду земли больше арендованной¹⁰. Последнее невероятно, так как фонд арендованной земли должен быть больше фонда сданной крестьянскими хозяйствами в аренду земли в связи с тем, что в аренду поступала земля единоличных хозяйств, земля совхозов и из государственных фондов. Значительная часть совхозов (от 22 до 57 %) сдавала свою земельную площадь окружающему населению. В 1928 г. в ряде совхозов до 30 % угодий сдавалось в аренду¹¹.

Условия развития крестьянского хозяйства, а также потребности быстрее восстановления и налаживания сельскохозяйственного производства требовали разрешения аренды земли. В мае 1922 г. сессия ВЦИК приняла закон о трудовом пользовании, допускавший на определенных условиях «трудовую аренду земли»¹². Эти нормы с рядом дополнений вошли в Земельный кодекс РСФСР, введенный в действие с 1 декабря 1922 г. Прикрепление земли как мера, с помощью которой советская власть надеялась убедить крестьянство в том, что в течение определенного времени не будет осуществляться перераспределение земли, и таким образом способствовать привлечению крестьян к активному ведению хозяйства, была явно недостаточной. Ситуация осложнялась тем, что, даже «справедливо» наделив крестьян землей, власть не могла обеспечить их достаточным количеством сельскохозяйственного инвентаря и орудий, рабочего скота, которых просто физически не хватило бы на все «новые» хозяйства. Выход из такой сложной ситуации виделся государством в допущении в определенных размерах рыночных отношений, таких как аренда земли, живого и мертвого инвентаря, срочного найма рабочей силы и т.п.

Юридическая сущность аренды определялась как «временная переуступка прав на землю трудового пользования»¹³. Аренда допускалась для трудовых хозяйств, временно ослабленных вследствие стихийных бедствий, недостатка инвентаря или рабочей силы. Устанавливался предельный срок сдачи – не более одного севооборота (при трехполье – 3 года, при четырехполье – 4 и т.д.), а при отсутствии правильного севооборота – не свыше 3 лет. Арендатор обязывался вести хозяйство на арендуемой земле как старательный хозяин. Субаренда запрещалась. Все государственные и общественные обязательства, связанные с использованием арендуемой землей переносились на съемщика. Договор аренды вступал в силу после регистрации в сельском совете, если в аренду сдавалось менее половины земли сдатчика, или в волисполкоме, если сдавалось более половины надела.

Отметим, что местные власти были еще слабы для того, чтобы организовать эффективный контроль за арендными отношениями и справиться с разъяснением правовых норм среди населения. Культурная отсталость и элементарная безграмотность крестьянских масс затрудняли понимание ими закона. На практике трудности создавались в связи с несовершенством первых правовых норм об аренде. Слишком короткий предельный срок аренды порождал неуверенность. Чем короче был срок аренды, тем более хищническим оказывался способ обработки почвы. Кроме того, предоставление права на аренду земли тем, кто не прибегал к найму рабочей силы, противоречило другим разделам законов 1922 г., разрешавшим «вспомогательный труд»¹⁴.

Все сказанное не соответствовало реальному положению дел в деревне, где сложилась ситуация, когда именно сдатчик земли, на защиту интересов которого и был направлен закон, стремился избежать огласки, а арендатор же был более откровенен.

В мае 1925 г. III съезд Советов СССР принял постановление по докладу о мероприятиях по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства, в котором предельный срок аренды был увеличен до 12 лет. На арендуемые хозяйства распространялся закон о допущении подсобного наемного труда. Земельным обществам отныне разрешалось сдавать в аренду свободные участки, на срок до 12 лет продлевалась аренда земли из государственных фондов. Соответствующие правовые нормы были зафиксированы и в Земельном кодексе РСФСР. С 1927 г. регистрация арендных договоров проводилась только в сельском совете.

Обратимся к имеющимся сведениям, характеризующим состояние аренды в тамбовской деревне. В первые годы советской власти резко сократилось число хозяйств, участвовавших в аренде-сдаче земли. Так, обследование Николо-Кабаньевской волости показало, что среди беспосевщиков в 1917 г. в этом процессе участвовало 4,8 % хозяйств, в 1925 г. лишь 1,6 %; в группе хозяйств с посевом до 1 дес. в аренде участвовало соответственно 5,8 % и 3,1 %. В высших группах произошло еще большее сокращение: в посевной группе свыше 16 дес. в 1917 г. арендовало – сдавало землю 3,5 % хозяйств, в 1925 г. – 0,4 %¹⁵.

О состоянии арендных отношений в середине 20-х годов позволяют судить данные весенних выборочных обследований, гнездовых переписей и обследований крестьянских бюджетов. При всей их неполноте они взаимно дополняют друг друга и позволяют выявить общие тенденции.

По данным весенних выборочных обследований в губернии в 1924 г. было 4,52 % хозяйств с посевом на арендованной земле, в 1925 г. – 5,65 %, в 1926 г. – 7,21 %, в 1927 г. – 9,8 %¹⁶. Гнездовые переписи дали более высокие цифры: в 1923 г. арендовали землю 13,69 % хозяйств, в 1924 г. – 18,39 %, в 1925 г. – 24,9 % и в 1926 г. – 36,01 %¹⁷. Хотя последние данные явно выше реальных, можно утверждать о росте аренды, причем наибольший скачок приходился на 1926 г. Тамбовский статистик В.Я. Ноаров по материалам весенних обследований приводил более высокую цифру – 8,98 %¹⁸. Самое высокое распространение земельная аренда получила в Липецком уезде¹⁹.

Имеющиеся источники позволяют выявить какие группы хозяйств арендовали и какие сдавали в аренду земли. Так, обследования крестьянских бюджетов показали, что доход от сдачи земли в аренду в группе хозяйств с посевом до 2 дес. составлял в среднем в 1923 г. 4,4 р., в 1924 г. – 9,6 р.; с посевом от 2 до 4 дес. в 1923 г. – 1,1 р., в 1924 г. – 3,37 р. В более крупных посевных группах доходы от сданной земли не зафиксированы, за исключением, пожалуй, 1924 г., когда в группе с посевом от 6 до 8 дес. выявлено хозяйство, имевшее доход в 39 к. от сдачи земли²⁰. В то же время анализ хозяйственных расходов показал, что в 1923 г. на земельную аренду посевная группа до 2 дес. тратила 0,2 р., с посевом от 6 до 8 дес. – 22,7 р., с посевом от 8 до 16 дес. – 3,8 р.²¹ В 1924 г. цифры изменились следующим образом: с посевом до 2 дес. – 3,6 р., от 6 до 8 дес. – 8,19 р., от 8 до 10 дес. – 17,39 р., от 10 до 16 дес. – 30,81 р.²²

Данные более ограниченных по числу обследованных хозяйств, но в то же время более обстоятельных гнездовых обследований 1924 г. дали следующие результаты. Весь доход от сдачи земли в аренду по посевным группам распределялся так: до 2 дес. – 69,9 %; от 2 до 4 дес. – 24,2 %; 4 – 6 дес. – 4,0 %; от 6 до 8 дес. – 0,6 % и свыше 8 дес. – 1,1 %²³.

При этом надо учитывать, что в группе до 2 дес. 92,1 % хозяйств не имели рабочего скота, в группе от 2 до 3 дес. – 55 %, тогда как в группе от 6 до 8 дес. лишь 10,8 % хозяйств были безлошадными²⁴. Из материалов весеннего выборочного обследования 1924 г. видно, что арендовали землю преимущественно высшие посевные группы. В группе хозяйств с посевом до 1 дес. арендовали землю лишь 0,33 %, тогда как в группе от 10 до 16 дес. – 37,8 %, а с посевом свыше 16 дес. – 50 %. В больших по площади посевных группах повышались и размеры арендовавшихся посевов: в группе хозяйств с площадью посева до 1 дес. в среднем на одно хозяйство приходилось 0,009 дес. арендованной земли; в группе с посевом от 10 до 16 дес. – 1,2 дес., в посевной же группе свыше 16 дес. – соответственно 5,5 дес.²⁵

Главным объектом арендных сделок являлась пашня, преимущественно под яровой посев. Из известных сделок на сенокосы приходилось не более 12 – 15 %. Но если учесть, что площадь сенокосов в губернии составляла 4,8 % всей земельной площади, а площадь пашни – 74,1 %, то сенокосы относительно чаще служили предметом аренды-сдачи, чем пашня²⁶.

Среди учтенных арендных сделок в 1923 г. на полный севооборот приходилось около 20 %, а в 1926 г. их доля сократилась вдвое. В основном преобладали одногодичные сделки: в 1926 г. они составляли

73,5 % их общего количества²⁷. Эти факты свидетельствовали о том, что аренда земли не носила в полном смысле капиталистического характера, а скорее была показателем слабости большинства крестьянских хозяйств в связи с продовольственным и кормовым кризисом.

Относительно арендной платы отметим, что по мере восстановления товарно-денежных отношений возрастала денежная форма: если в 1923 г. на ее долю приходилось 19,2 %, то в 1926 г. – 67,7 %. Соответственно сокращались натуральные формы оплаты (из доли урожая, за обработку земли и др.)²⁸.

В середине 20-х годов постепенное укрепление хозяйств вызывало как рост, так и сокращение аренды, так как с одной стороны усиливался спрос на землю и, соответственно, рост аренды, с другой стороны падало предложение земли и сокращалась аренда. Легализация аренды, способствовавшая ее росту, имела противовес в виде легализации найма рабочей силы, которая позволяла использовать землю самому хозяину.

Развитие арендных отношений в последующие годы определялись четкой установкой XV съезда ВКП(б) о постепенном сокращении площади земли, сдаваемой в аренду и всей системой мер государства, направленных на развертывание колхозного движения, поддержку бедняцких хозяйств, усиление ограничения и вытеснения кулацких элементов. С весны 1928 г. началась работа по изъятию земельных излишков и ликвидации землепользования тех хозяйств, владельцы которых не участвовали личным трудом в земледелии.

С национализацией земли исчез внеадельный земельный фонд, а именно на нем, на арендованных и купчих землях строилось крупное крестьянское хозяйство до революции. Отсутствие полноценного рынка земли было одной из причин, усиливавших аграрное перенаселение в регионе. Потери пришлось на небольшую долю самых энергичных хозяйственно-культурных слоев деревни, которые тянули за собой крестьянскую массу.

Объективные условия развития именно мелкого крестьянского хозяйства и необходимость скорейшего восстановления деревни побудили советское государство разрешить земельную аренду. О развитии капиталистических отношений при аренде земли говорить не приходится. После революции существовал особый тип арендных отношений, который тогда же получил название трудовой аренды. Невозможность концентрации земли в чьих-то руках была серьезной преградой для развития крупного хозяйства, так как при сохранявшихся экстенсивных системах земледелия размеры производства непосредственно зависели от размеров обрабатывавшейся земельной площади.

При советской власти аренда земли не являлась всеобъемлющей связью, несмотря на ее заметный рост в середине 1920-х гг., аренда не охватывала большинства крестьянских хозяйств.

В связи с плохой обеспеченностью хозяйств сельскохозяйственным инвентарем и рабочим скотом (инвентарь оставался примитивным: сохи и бороны, причем 30 % последних были деревянными; почти половина хозяйств – без рабочего скота: 53,5 % в 1923 г. и 48,2 % в 1927 г.²⁹) получила распространение их аренда. Лишь немногим более половины (53 %) хозяйств управлялись своими средствами производства, без найма. Более 35 % – нанимали и рабочий скот и инвентарь. Во время обследования в 1924 г. Знаменской волости из 680 хозяйств было выявлено 353 безлошадных. Из них 52,7 % нанимали рабочих, 63,7 % – нанимали скот и 48,4 % – инвентарь³⁰.

Создавшееся положение с инвентарем и рабочим скотом позволяло их владельцам заключать кабальные сделки, используя свое положение «благодетеля» (по мнению крестьян). Постоянно сдавали в пользование своих лошадей 8 % хозяйств³¹. Наем средств производства производился за отработку, натуральную оплату, деньгами. Наиболее тяжелой формой оплаты была натуральная. За обмолот молотилкой одной копны в Тамбовской губернии брали 20 фунтов хлеба. Владелец четырехконной молотилки получал ежедневно 14 пудов хлеба. Безлошадным крестьянам в среднем по губернии приходилось уплачивать за вспашку полей и уборку хлебов от 20 до 40 % урожая. Если же крестьянин арендовал не только инвентарь, но и рабочий скот, то он платил половину урожая³³.

Применение наемного труда также как аренда земли и средств производства практиковалось в крестьянских хозяйствах в первые годы советской власти. После перехода к нэпу и юридического разрешения найма рабочей силы эти процессы стали развиваться быстрее. Однако данные о применении наемного труда, особенно за 1921 – 1922 гг., весьма скудны и противоречивы: сказывалось стремление и нанимателя и батрака скрыть сам факт применения наемного труда; в ряде случаев отработки за аренду средств производства самими крестьянами не считались продажей рабочей силы и не учитывались при обследованиях; органы статистики учитывали главным образом сроковых рабочих, тогда как значительный удельный вес имел наем сдельный и поденный. В итоге недоучет бывал довольно высоким.

Труд сельскохозяйственных наемных рабочих регламентировался Кодексом законов о труде РСФСР 1922 г. и «Временными правилами об условиях применения подсобного

наемного труда в крестьянских хозяйствах», введенных в апреле 1925 г. Согласно этим документам наниматель был обязан заключить с батраком трудовой договор, в котором обговаривались все условия в соответствии с законом, вводился 8-часовой рабочий день, еженедельный отдых, зарплата батрака должна была быть не ниже государственного минимума. Однако в силу незнания законодательства батраки в своей основной массе работали без заключения договоров.

Изучение батрачества местных исполкомов и парткомитетов в масштабах отдельных волостей или уездов предпринимались с 1922 г., регулярное выявление и учет батраков начался с 1923 г. профсоюзом сельскохозяйственных рабочих и с 1924 г. – органами статистики³⁴.

Рост применения наемного труда в сельском хозяйстве наблюдался одновременно с развитием арендных отношений, особенно после 1923 г. Только с января по декабрь 1924 г. общее количество батраков в губернии увеличилось на 4,7 % и составило 18 тыс. человек³⁵. Из 104 опрошенных в 1926 г. 102 хозяйства не нанимали сроковых рабочих в прошлом³⁶.

Острый недостаток или отсутствие средств производства являлось характерной чертой той группы сельского населения, которая была вынуждена продавать свою рабочую силу систематически и на длительный срок. Необходимо учитывать, что значительная часть (почти половина) этих людей имели собственные посеы, а некоторые и рабочий скот.

Наибольшее распространение найм сроковых рабочих получил в крупнопосевных хозяйствах: 2 % хозяйств с посевом от 8 до 13 дес. и около 17 % с посевом выше 20 дес. использовали наемный труд³⁷. Доля средне- и малопосевных хозяйств низкая: 0,6 и 0,2 %. Однако данные выборочных обследований относительно найма рабочей силы страдали неполнотой. Например, по данным весеннего выборочного обследования 1926 г. в губернии насчитывалось 1650 наемных сроковых рабочих. Проводившееся одновременно через сельсоветы сплошное обследование выявило 6392 сроковых рабочих³⁸. Как видим, недоучет был весьма значительным.

Ценные сведения о характере найма дают бюджетные обследования 1924 г. Беспосевные получали вне своего хозяйства 78 % всего дохода, с посевом до 4 дес. – 42 %, от 4 до 8 дес. – 29 % и свыше 8 дес. – 42 %³⁹.

Мало- и крупнопосевные хозяйства от заработков в чужом хозяйстве получали равную долю дохода. Для малопосевщиков труд в чужом хозяйстве, как правило, являлся источником получения средств существования, а для крупнопосевных хозяйств – дополнительным заработком. Нередки были случаи, когда малопосевщики, нанимаясь в чужие хозяйства, одновременно нанимали работников в свои: малопосевные хозяйства тратили в среднем 10 % всех расходов на оплату найма, тогда как крупнопосевщики – только 1 %⁴⁰. Причина найма состояла в отсутствии у малопосевщиков инвентаря, рабочего скота. Нанимая работников и нанимаясь в чужие хозяйства, они оставались эксплуатируемыми, в то время как крупнопосевщики и в случае найма работников в свои хозяйства, и в случае найма в чужие хозяйства выступали в качестве эксплуататоров.

Рассмотрим формы оплаты наемного труда. Анализ данных обследований за 1924 – 1926 гг. показывает увеличение денежной оплаты при всех видах найма⁴¹. Доля и размер денежной платы в значительной степени зависели от условий года и величины урожая. Весной 1924 г. денежная оплата была ниже, чем весной 1926 г., но плата хлебом выше, чем в 1926 г. Это объяснялось плохими условиями для реализации хлеба в 1923 – 1924 гг. Однако к осени 1924 г., когда выяснились неблагоприятные перспективы урожая, денежная оплата росла, натуральная – сокращалась, а к моменту уборки урожая яровых сократилась и денежная оплата⁴².

Размер денежной оплаты был неодинаков: оплата рабочему с лошадьёю была почти в 4 раза выше, чем пешему рабочему, шестеро выше, чем работнице и в 7,5 раза выше, чем подростку⁴³.

Таким образом, отношения аренды-сдачи земли и найма рабочей силы в Тамбовской губернии, испытав период резкого сокращения в ходе аграрной революции и гражданской войны, получили некоторый импульс к своему развитию во второй половине 1920-х гг. Тем не менее, уровень этих отношений значительно уступал дореволюционному времени. По мере снятия юридических ограничений с отношений аренды-найма и некоторого расширения промысловой деятельности крестьян к концу 20-х гг. имело место некоторое увеличение числа хозяйств, сдававших землю в аренду, использовавших наемный труд. Однако в целом эти сделки носили неустойчивый, эпизодический характер, заключались на краткосрочный период. Отношения аренды-найма сохраняли в своей основе потребительский характер.

Примечания:

- ¹См.: Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.) Сб. научных статей. Вып. 3. Тамбов, 2000. С. 111.
- ²Анфимов А.М. Крестьянское Хозяйство европейской России. 1881 – 1904. М., 1980. С. 121.
- ³Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917 – 1954. М., 1954. С. 11, 30; ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 549. Л. 4; Д. 585. Л. 8.
- ⁴Аграрная политика Советской власти (1917 – 1918 гг.): Документы и материалы. М., 1954. С. 137, 144.
- ⁵Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918 – 1923. М., 1924. С. 107 – 111.
- ⁶Аграрная политика... С. 114, 144.
- ⁷См.: Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма» М., 1988. С. 141 – 142.
- ⁸Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1927. С. 84.
- ⁹См.: Коммунист. Орган Тамбовского губкома РКП(б). 1923. № 2. С. 10.
- ¹⁰Там же. 1926. № 18. С. 20.
- ¹¹На аграрном фронте. 1929. № 11 – 12. С. 189.
- ¹²Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР... С. 140.
- ¹³Там же. С. 158.
- ¹⁴Там же. С. 143, 159.
- ¹⁵На аграрном фронте. 1927. № 3. С. 31.
- ¹⁶Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1927. С. 83.
- ¹⁷Там же. С. 84.
- ¹⁸Коммунист. 1926. № 18. С. 20.
- ¹⁹Там же.
- ²⁰См.: Статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1925. С. 142; Статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1926. С. 183.
- ²¹Статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1925. С. 140.
- ²²То же. Тамбов, 1926. С. 179.
- ²³Коммунист. 1925. № 7. С. 62.
- ²⁴Там же. С. 63.
- ²⁵Бюллетень ГСБ. 1925. № 5. С. 11, 20, 21.
- ²⁶Там же. 1927. № 11. С. 34.
- ²⁷Там же.
- ²⁸Там же.
- ²⁹Поуездные итоги весеннего выборочного обследования крестьянского хозяйства Тамбовской губернии 1921 г. Тамбов, 1921. С. 7; Краткий статистический справочник по тамбовской губернии. Тамбов, 1927. С. 74, 78.
- ³⁰XV губернская партийная конференция. Стенографический отчет. Тамбов, 1924. С. 78.
- ³¹Коммунист. 1927. № 1. С. 16.
- ³²ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1547. Л. 26.
- ³³Там же. Д. 1585. Л. 18.
- ³⁴XVI губернская партийная конференция. Стенографический отчет. Тамбов, 1924. С. 20.
- ³⁵Коммунист. 1927. № 1. С. 16.
- ³⁶Бюллетень ГСБ. 1926. № 10. С. 44.
- ³⁷Там же. 1928. № 13. С. 7, 8.
- ³⁸Там же. 1926. № 8. С. 68; Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. С. 145.
- ³⁹Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. С. 147.
- ⁴⁰Бюллетень ГСБ. 1927. № 11. С. 29.
- ⁴¹Там же. С. 108, 111, 113.
- ⁴²Там же. 1924. № 5. С. 20, 21.
- ⁴³Там же.

КООПЕРАЦИЯ, ОБЩИНА И КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

В нашем историческом знании все еще бытует представление о схожести и преемственности таких разных явлений как община и кооперация. В связи с этим предполагается возможность модификации в

кооперацию, в коллективные производственные объединения артелей и товариществ. У исследователей устойчивый интерес к проблемам кооперации и общины проявился в 1960-е гг. (Подробный анализ историографии проблемы дан в работах В.В. Кабанова¹, к которым мы и отсылаем читателя). Безусловно, на выводах авторов сказывался идеологический пресс. В итоге можно выделить два основных построения: «главный историк» той поры С.П. Трапезников утверждал, что община стала исходной формой развития коллективизации в деревне, что «советская революция подготовила земельные общества для перехода в высшую форму, превратив их в опорные пункты социалистического преобразования сельского хозяйства»².

Иной была схема В.П. Данилова. Характеристику советского общества 1920-х гг. как переходного от капитализма к социализму он перенес на кооперацию. Социальные отношения, объединенные первичными формами кооперации, он оценивал как переходные от индивидуалистических, в основном мелкобуржуазных отношений к отношениям социалистическим. Согласно его схеме, именно потребительская кооперация, достигнув наибольших успехов в сфере товарно-денежного обращения, создавала «первые предпосылки для более глубокого кооперирования деревни, готовила почву для развития сельскохозяйственной кооперации»³. Он также признавал, что после революции изменилась природа общины, отмечая при этом в общине много рутинных, консервативных черт и не считал, что община превратилась при советском строе в переходную ступень к сплошной коллективизации.

Как видим, в историографии складывалась ситуация, вполне объяснимая для 1970-х гг., но неприемлемая для сегодняшнего дня. В целом, вплоть до конца 80-х гг. господствовала концепция восхваления выдающихся успехов кооперативного движения в СССР, подготовившего страну к осуществлению «сплошной коллективизации». Лишь в конце 80-х гг. историки стали признавать факт разрушения кооперации, ее несовместимость со строем «безрыночного социализма».

Дело в том, что происходило смешение понятий, поэтому необходимо разобраться в терминах и функциях общины и кооперации.

Под общиной, как правило, понимается исторически сложившаяся форма совместного пользования землей и крестьянского управления. Основная функция общины находилась в сфере земельных отношений. Община не могла целиком трансформироваться ни в артель, ни в сбыто-снабженческие формы кооперации. Крестьянин был обязательно приписан к обществу, в кооперации было не так.

Кооперация – это добровольное объединение потребителей и производителей с целью совместного производства, переработки, приобретения, сбыта продуктов, сырья, товаров, получения кредита.

В числе множества функций общины важнейшие можно отнести к сфере производства: сельское общество определяло время пахоты, сева, сенокоса, устанавливало характер севооборота, режим пастбы скота и т.д. Область же деятельности кооперации – это преимущественно область сбыта и переработки сельскохозяйственных продуктов, кредит, закупка товаров и т.п. Само же производство затрагивалось лишь слегка, но порой весьма существенно (машинное товарищество, прокатные пункты и т.п.). Из этого следует, что община не занималась тем, чем занималась кооперация. Община и кооперация существовали параллельно, без заметных признаков перерастания первой во вторую. Перерастание общины в артель (колхоз) невозможно и потому, что крестьянский труд по своей сути индивидуален. Как подчеркивал В.В. Кабанов, смысл кооперации и общины одинаков: взаимопомощь, но способы и формы ее осуществления различны. Кооперация – это коллективизм плюс личность, община – это коллективизм минус личность⁴.

Конечно, точки соприкосновения были. Наибольшая вероятность соприкосновения отдельных крестьян и целого общества с кооперацией могла возникать в области переработки сельскохозяйственной продукции. При этом кооперация не была заинтересована во вступлении в кооператив всех членов общества, так как от малоимущих толку не было, да и сами они не стремились в кооператив. Проникая в общество, кооперация не затрагивала прав общины в традиционных сферах ее действия. Проникновение кооперации в деревню шло через наиболее уязвимые для общины места, т.е. в тех точках, где влияние общины на крестьянина было наиболее слабым или такового не было вовсе.

Восприятие крестьянами кооперации зависело от особенностей сложившегося типа общины. В Тамбовской губернии преобладали многодворные селения, что вело к чересполосице, многополосице и дальнотемелью. Выделение на отруба и хутора в период столыпинской реформы шло менее активно, чем в других регионах, что было связано со слабым развитием капиталистических отношений. Ведение полностью автономного хозяйства было затруднительно. Частые переделы земли в сравнении с другими регионами объяснялись не столько качеством земли, сколько было выражением уравнивательных тенденций. Кроме того, для многодворных селений было характерно значительное число бедняцких хозяйств, для которых община служила защитным механизмом, поддержкой от разорения.

По приходе к власти большевики обратили внимание на кооперацию как на готовую организацию, с помощью которой можно было организовать товарообмен между городом и деревней, заменив им распределение через рынок⁵. В.И. Ленин отводил кооперации важное место в построении нового социалистического общества. Он полагал, что первичные кооперативы, в частности потребительские, могли бы стать ячейками будущего общества⁶.

Кооперация, потерпев политическое поражение⁷, демонстрировала свою живучесть и умение справляться с задачами государственного значения как организация экономическая. 1918 – 1920 гг. связаны с борьбой большевиков за овладение кооперацией, за превращение кооперативного аппарата в аппарат заготовок и распределения. Это привело к национализации финансовой системы кооперации, к превращению кооперации в государственную организацию, к утрате ею истинно кооперативных принципов деятельности: хозяйственной самостоятельности, экономической независимости, к обязательности членства в кооперации для всего общества.

Разрушительным для кооперации, после декрета о введении продразверстки, стало принятие декрета СНК «О потребительских коммунах» от 16 марта 1919 г.,⁸ согласно которому в городах и селах потребительские кооперативы объединялись и реорганизовывались в единые распределительные органы – потребительские коммуны, охватывавшие все население местности. Членство в потребительских коммунах стало обязательным для каждого гражданина. Сельскохозяйственная и кустарно-промышленная кооперация, сохранившая некоторую самостоятельность, после принятия декрета от 27 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций»⁹ превратилась в сельскохозяйственную секцию Центросоюза. Так государство окончательно подчинило себе кооперацию. Кооперация, по признанию В.И. Ленина, оказалась «в состоянии чрезмерного удушения»¹⁰, а фактически частью была упразднена, а частью низведена до подсобного аппарата государства. Превратившись в государственно-кооперативное предприятие, кооперация утрачивала свои ранее сильные стороны: инициативность, маневренность, способность заинтересовать население.

В планы советского государства не входило и эффективное использование общины в переустройстве деревни. Здесь важнейшая роль отводилась классовым организациям бедноты и самому государству. Подготовительные материалы I Всероссийского съезда земотделов, комитетов бедноты и коммун (декабрь 1918 г.) показывают, что социалистическое землеустройство предполагалось начать с раскола общины, ее уничтожения и создания новой общины на принципе единого хозяйственного управления. В отличие от старой общины, объединявшей крестьян больше административно, чем хозяйственно, новая община должна была объединять на принципе хозяйственном, что создавало бы условия для скорейшего перехода к общественной обработке земли¹¹. Однако принятое в феврале 1919 г. «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» ломку общины не предусматривало. Насильственному разрушению общины помешало некоторое изменение курса аграрной политики советской власти, в первую очередь ориентация на союз со средним крестьянством, что нашло отражение в известных решениях VIII съезда РКП(б). Однако само «Положение» было пропитано идеями перехода к социалистическому земледелию, а все виды единоличного хозяйствования рассматривались как отживающие и преходящие.

В 1918 – 1920 гг. властям не удалось ни разрушить общину, ни использовать ее в целях создания социалистического хозяйства. Однако активно действовали общинный разверсточный механизм, фискальные и управленческие функции общины, которая фактически оставалась в системе государственного устройства.

Известные события военного коммунизма и гражданской войны заставили советскую власть в начале 1921 г. изменить свою политику. Менялась она и в отношении кооперации. Уже с конца 20 – 30-х гг. в литературе все сказанное Лениным по поводу кооперации сводилось к «теории» и «плану» социалистического преобразования сельского хозяйства; появился штамп – «ленинский кооперативный план». Противоречия и неувязки между ленинскими высказываниями либо замалчивались либо связывались несвязуемое. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. искали причины отступления от «плана», выискивали альтернативы, которые могли провести коллективизацию по-ленински. И лишь в 90-е гг. последовали попытки разобраться по существу проблемы¹². В первую очередь исследователи отказались от трактовки военно-коммунистического эксперимента над кооперацией как нечто надстроечное. Вся политика этого периода вытекала из принципиальных представлений о создавшемся строе. При нэпе были отменены наиболее одиозные ее компоненты; принципиальные начала этой политики остались неизменными. Так, уже в выступлениях на X съезде РКП(б) В.И. Ленин называл кооперацию среди тех первых участков работы, где нужна резкая перемена политики. В речи «О продовольственном налоге» он по-прежнему повторил данные им оцен-

ки кооперации как капиталистической, контрреволюционной организации, утверждал, что «свобода и права кооперации ... означают свободу и права капитализма». Обещал же он ей в связи с переходом к нэпу лишь «известное расширение ее «свободы» и ее прав»¹³, примечательно, что слово «свобода» дано в кавычках.

Считается, что в статье «О кооперации» взгляды Ленина на кооперацию получили стройную завершенность. По поводу этой статьи уже сказано немало¹⁴. Действительно, она повлияла на некоторые изменения политики большевиков; в ней говорится о необходимости соблюдения добровольности и постепенности при кооперировании крестьянства. Обратим же внимание на следующее: даже в одной из последних своих статей Ленин не отказался от прежних своих мыслей. Это – использовать кооперативный аппарат, но не разрушенный и перестроенный, а тот, который есть; поголовное участие в кооперации всего населения: «Нам нужно ... заставить всех поголовно участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях», чтобы население «поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации»¹⁵. А как же быть с добровольностью и постепенностью, провозглашенными в этой же статье?

Декретом Совнаркома от 7 апреля 1921 г. кооперация была освобождена от подчинения Наркомпроду и получила право на самостоятельное существование. По декрету «О потребительской кооперации» все граждане РСФСР объединялись в ЕПО (единые потребительские общества – поголовное членство сохранялось), которым было дано «право организовывать предприятия по добыче и обработке продуктов, а также устраивать огороды, молочные фермы и другие предприятия подобного рода, выполнять поручения в области снабжения, заготовок и распределения, даваемые добровольными потребительскими объединениями, учреждениями и отдельными лицами». Декрет сохранял обязательное членство и трехступенчатую структуру организации (ЕПО, губсоюз, Центроюз)¹⁶.

Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О сельскохозяйственной кооперации» от 18 августа 1921 г. восстановил самостоятельное существование сельскохозяйственной кооперации. Ее первичные организации в Тамбовской губернии 24 декабря 1921 г. были объединены в губернский союз сельскохозяйственной, кустарно-промысловой и кредитной кооперации (губсельскосоюз), а в январе 1923 г. в состав губсельскосоюза вошли колхозы¹⁷.

Тамбовский губком РКП(б) через свой орган журнал «Коммунист» предложил партийным комитетам развернуть «широкую агитацию с обстоятельным и строго коммунистическим объяснением роли и задач кооперации», наладить учет кооперативных работников, установить строгий контроль за работой партийных фракций в кооперативных организациях. Летом 1921 г. губком РКП(б) заслушал доклад фракции губпотребсоюза¹⁸. При этом ставилась задача как можно быстрее овладеть руководством кооперации. Так, в октябре 1921 г. президиум губкома рекомендовал губземуправлению использовать в работе формы государственного давления, метод «ввода представителей государства «компартии» в производственные... организации»¹⁹. В итоге «ударной» работы в 1922 г. среди членов правления Тамбовского губпотребсоюза стало 86 %, в правлениях райотделений – 61,3 % коммунистов²⁰.

Большинством коммунистов кооперация, да и сам нэп рассматривались с точки зрения тактики, а не долговременного стратегического курса. В соответствии с этой установкой проводилась кооперативная политика, суть которой сводилась к следующим требованиям: возможно более широкое вовлечение населения в кооперацию и преимущественно его бедняцко-средняцкой части; возможно более быстрое вытеснение частника из торговли и замещение его потребительской кооперацией; добиться того, чтобы потребкооперация стала единственным проводником продуктов от производителей к потребителям.

На практике потребкооперация губернии переживала серьезный кризис доверия: срыв товарообмена, экономическая «худосочность», слабая активность, сокращение торговой сети в начале нэпа, неясность ее действительного положения. По мере некоторого оживления рыночных отношений роль кооперации могла возрасти. Однако и здесь наметилось противоречие между ее возможностями и реальной ролью в народном хозяйстве. В основе этого противоречия лежали следующие причины: недостаток промышленных товаров, инфляция, кооперативные работники начали развивать торговлю в городе и стали проникать в село, когда там уже господствовал частник. Отрицательно сказывалось и отношение к кооперации со стороны партийных, советских и хозяйственных работников, а также сохранение принципа обязательности членства.

28 декабря 1923 г. декрет ЦИК и Совнаркома СССР «О реорганизации потребительской кооперации на началах добровольного членства» отменил обязательную приписку граждан к ЕПО. Как вступление, так и выход из них стали добровольными²¹.

Тамбовский губком РКП(б) сразу же направил парткомам циркуляр, в котором обязал их обеспечить руководящее влияние в кооперации при переходе на добровольное членство, а коммунистов и комсомольцев стать пайщиками ЕПО²². Кроме того, добавилась новая забота – борьба со старыми кооператорами, позиции которых несколько усилились в связи с добровольным членством.

Число кооперативов всех видов росло: так, по данным на 1 октября 1923 г. зарегистрировано 296 потребительских обществ, а на 1 октября 1926 г. – 396; соответственно кредитных кооперативов – 201 и 217; сельскохозяйственных – 717 и 719. Наиболее быстро росло число сельскохозяйственных кооперативов: на 1 октября 1927 г. их насчитывалось 1960, и они объединяли 113 тысяч крестьянских хозяйств. В 1926/27 гг. с помощью сельскохозяйственной кооперации было заготовлено 30 % товарного хлеба²³.

Однако задачи, которые ставились властями перед кооперацией на практике были трудно осуществимы. Так, в торговле вытеснить частника не удавалось: если в 1924/25 гг. в губернии насчитывалось 2114 кооперативных торговых заведений с оборотом в 17 329 р., а частных – 4452 с оборотом 16 552 р., то в 1925/26 гг. соответственно 1663 (произошло укрупнение) и 35 729 и 6675 и 33 769²⁴. Как видим, частник, несмотря на притеснения со стороны государства позиций не сдавал. Преимущественное обслуживание бедноты приносило громадные убытки сельскохозяйственной кооперации из-за медленного возврата ссуд и частых невозвратов. Так, из кредитов, взятых в 1925/26 гг., не было возвращено более 30 %²⁵.

Кооперация, как потребительская, так и кредитная в середине 20-х гг. находилась в парализованном состоянии. Так, из 14 проверенных в 1925 г. кооперативов «нормально выглядели» 2 – 3. Остальные владели нищенское существование, более половины из них были попросту разворованы. Из 283 низовых кооперативных объединений 213 были неработоспособны или расхищены. Накладные расходы в кооперативах были чрезвычайно высоки, цены втрое превышали рыночные. Крестьяне не доверяли кооперативам и прежде всего руководству, которое беззащитно использовало средства кооперации в личных целях²⁶. Попытку противопоставить кооперативы частнику следует признать несостоявшейся. Вместо хозяйственных объединений, способствовавших развитию производительных сил деревни, кооперативы превратились в «кормушку» для местных властей, вызывая у крестьян справедливое негодование.

Рассмотрим состояние колхозов и их влияние на крестьянское хозяйство.

В момент перехода к нэпу колхозы Тамбовской губернии владели жалкое существование и поэтому о их положительном влиянии на окружающее крестьянство говорить не приходится. Так, из Липецкого уезда сообщали, что «коллективы потеряли свой авторитет трех лет с 1918 г.», поэтому теперь мало желающих вступать в колхозы²⁷. В отчете губернского экономического совещания за октябрь 1921 – март 1922 г. отмечалось, что «широкие слои крестьянства мало обращают внимания на колхозы в силу того, что до сих пор они усиленно снабжались государством, чего было лишено рядовое крестьянство, и в силу этого они не могут быть показательны. Крестьянское население вообще с недоверием относится к колхозам и слабо вовлекается в это движение. Основная причина в неподготовленности населения к коллективизации и стремление к ведению своего индивидуального хозяйства»²⁸. За семь месяцев 1921 г. общее число колхозов губернии сократилось почти вдвое: с 825 на 1 мая до 436 на 1 декабря с числом едоков в 24 138 человек²⁹, в дальнейшем их число продолжало сокращаться.

17 января 1922 г. был образован Тамбовский губернский кооперативный союз сельскохозяйственных коллективов (губкоопколсоюз), в который вошли все колхозы и подсобно-производственные кооперативы,

22 июля 1922 г. он был переименован в Тамбовский губернский производственный союз сельскохозяйственной, кредитной и кустарно-промысловой кооперации³⁰. В январе 1923 г. по решению губкома РКП(б) последний вошел в состав губсельскосоюза.

С 1923/24 финансового года колхозам стали предоставляться солидные льготы, в частности, 25 % скидка с причитавшегося сельскохозяйственного налога, они также пользовались всеми налоговыми льготами по налогу, которые предоставлялись крестьянским хозяйствам за внедрение улучшенных приемов агротехники. В результате начался численный рост колхозов: на 1 июля 1924 г. в губернии насчитывалось 218 колхозов, в декабре 1925 г. – 270; на 15 октября 1927 г. – 463³¹. Рост шел в основном за счет артелей и товариществ по совместной обработке земли: их доля составляла около 75 %. Если коммуны образовывались главным образом на бывших помещичьих землях, то артели и тозы – на крестьянских надельных.

Что же представляли из себя колхозы, прежде всего с точки зрения влияния на окружавшее их крестьянство?

В отчете губкома РКП(б) XVII губернской партконференции (ноябрь 1925 г.) отмечалось, что подавляющее большинство колхозов представляло из себя «первичные стадии процесса обобществления», приблизительно 19 % из них вели чисто единоличное землепользование; 15 % колхозов оказывали положительное влияние, 21 % – отрицательное и 50 % не оказывало никакого влияния. В большинстве колхозов отсутствовала элементарная организация труда, не было правил внутреннего трудового распо-

рядка. Обследование колхозов Козловского уезда показало, что лишь 60 % из них оказалось «жизненными», 13 % были взяты под сомнение и 27 % – «безжизненными»³².

Отчет губисполкома по состоянию на январь 1926 г. привел аналогичные данные: весьма плохая организация труда; «жизнеспособных» колхозов – около 50 %, «сомнительных» – 20 % и 30 % – «нежизнеспособных»³³.

В следующем 1927 г. под руководством губернского земельного управления было обследовано 318 из 463 колхозов губернии (по состоянию на 1 октября). В результате оказалось, что 31 % из них состояли лишь на бумаге. Заключение по таким хозяйствам обычно выглядели так: «сельскохозяйственная трудовая земледельческая артель (название) организовывалась в надежде на получение земельного участка из госфонда или бывшего помещичьего участка (указывалось какого именно), но участка не получила, а потому к работе не приступала». Или такое заключение: «сведений о существовании колхоза (название) никаких не имеется, такого колхоза в волости нет»³⁴. Другая причина распада колхозов – неналаженность внутривладельческих отношений.

В «жизнеспособных», действовавших колхозах гораздо большую долю, чем в единоличных хозяйствах составляли технические и интенсивные культуры, площадь посевов трав в колхозах составляла 7 %, у крестьян – 0,1 % от общей посевной площади. В колхозах большее внимание уделялось семеноводству, чистосортным посевам. 81 % колхозов перешел на многополье, в крестьянских хозяйствах – около 20 %. В целом колхозы были лучше, чем единоличники обеспечены рабочим скотом: на одну десятину в колхозах приходилось в среднем 13 лошадей, в крестьянских хозяйствах – 8,4. В «жизнеспособных» колхозах урожаи были выше, чем в крестьянских хозяйствах³⁵.

Относительно более высокий урожай основных сельскохозяйственных культур колхозы давали в основном за счет использования более качественного семенного материала, применения интенсивных способов севооборота, более широкого использования дорогостоящего инвентаря и сложной сельскохозяйственной техники. Сравнение данных об обеспеченности обычным крестьянским инвентарем колхозов и единоличных хозяйств обнаруживает между ними существенные различия. Колхозы были лучше оснащены машинами и орудиями: в 1927 г. в колхозах имелся 131 трактор, достаточное количество плугов, жаток, сеялок и т.д. (имелись случаи, что колхозы за плату оказывали помощь инвентарем, производителями скота крестьянскому населению)³⁶. Единственно, чем крестьянские хозяйства превосходили колхозы, так это количеством примитивных деревянных сох и борон. Но при этом следует учитывать, что применение сложной техники и интенсивных технологий привели к удорожанию производства зерна.

Как правило, при анализе результатов хозяйственной деятельности колхозов их экономические показатели сравнивают с усредненными показателями всех единоличных хозяйств. Это неправильно. Необходимо сравнивать колхозы с теми единоличными хозяйствами, которые не уступали первым по имевшимся у них основным средствам производства, земле и инвентарю. В целом по количеству земли колхозы, особенно «жизнеспособные» можно отнести к многопосевным группам. Однако более всего отличались хозяйства колхозов от окружавших крестьянских солидной обеспеченностью сельскохозяйственными машинами и улучшенным инвентарем.

Как видим, нет оснований говорить о сколько-нибудь серьезных преимуществах коллективных хозяйств над единоличными. Под мощным давлением государства число колхозов росло, их организация постепенно улучшалась, однако удельный вес их оставался совершенно ничтожным. Для ускорения темпов роста нормального коллективного земледелия требовалась более высокая техническая база сельского хозяйства и повышение культурного уровня населения.

После XV съезда ВКП(б) началась широкая пропаганда государственной контрактации. Речь шла о системе предварительных государственных заказов на сельскохозяйственную продукцию. Выдав крестьянину аванс за будущий урожай, государство надеялось создать для себя гарантии от возможных срывов в хлебозаготовках (как это было в 1925/26 гг., а затем в 1927/28 гг.).

Первоначально контрактационные договоры заключались государством через посредничество кооперации с отдельными крестьянскими хозяйствами. Договор должен был гарантировать заготовителям получение определенного количества сельскохозяйственной продукции в установленные сроки. Контрактующие организации обязывались уплатить за сданную им продукцию установленную сумму независимо от рыночных колебаний. Но особый интерес для государства представляла контрактация с целыми обществами, так как появилась возможность широко применять технику на полях; на большой территории распространялись чистосортные посевы; государственному контролю подчинялись зажиточные хозяйства.

В советской историографии контрактации отводилась решающая роль в переходе от кооперирования товарооборота к кооперированию производства. Особо подчеркивалось исключительное значение контрактации в деле стимулирования крестьянского производства.

Поначалу контрактация охватывала главным образом посеvy технических культур – сахарной свеклы, табака, льна. С 1927 г. сельскохозяйственная кооперация начала контрактацию картофеля, подсолнечника, а с весны 1928 г. – зерновых. При контрактации посевов крестьянам выдавался аванс в размере 9 р. за гектар при условии проведения зяблевой вспашки, при ее отсутствии он уменьшался до 7 р. К тому же бедняки получали 50 % надбавку³⁷.

При всей кажущейся выгоде крестьяне крайне неохотно шли на контрактацию. В условиях рынка они не всегда выполняли даже заключенные договоры. Были случаи, что они продавали хлеб на местном рынке, уплачивая неустойку. Так было выгоднее. Кроме того, сказалась незначительность выделенных авансов, что подрывало доверие крестьян; не получила одобрения и практика распределения авансов по классовому принципу.

В ходе контрактации предусматривалось создание новых колхозов, товариществ и прочих объединений. В Тамбовской губернии при заключении договоров контрактации в 1928 г. было организовано 229 уставных посевных товариществ, 720 договорных объединений, 14 машинных товариществ и 91 тоз³⁸.

С осени 1928 г. в Центрально-Черноземной области было прекращено заключение договоров контрактации с отдельными единоличными хозяйствами³⁹.

Пик успехов контрактации пришелся на время хлебозаготовок 1928 г., когда, не считаясь ни с чем, из деревни выгребали все подчистую. С помощью контрактации государство закабаляло крестьянство; главным орудием при этом являлась кооперация, через которую государство оказывало воздействие на крестьян, меняя и сам характер кооперации.

Подводя итог сказанному, подчеркну, что, вовлекая в свою орбиту крестьянские хозяйства, кооперация постепенно, незаметно разрушала натуральную замкнутость, втягивала их в рыночные отношения. Через кооперацию крестьянское хозяйство зависело не только от общества, но и от рынка. Под этим влиянием менялась и личность крестьянина, кооперация заставляла его уметь читать, считать, разбираться в основах агрономии и экономики. В свою очередь этот кооперированный крестьянин сам оказывал воздействие на общество. Община же держала человека в рамках старых представлений, а кооперация рвала с ними. Кооперация была заинтересована в человеке инициативном, грамотном, рисковом. Община же воспитывала человека, сохранившего обычаи и традиции предков, их опыт, ценности. В то же время и община и кооперация прививали трудолюбие, культурные ценности, духовность.

В реальной же обстановке 1920-х гг. характер и роль кооперации изменились. Главным противоречием нового общества стало противоречие между планом и рынком. Кооперация могла существовать только в условиях рыночных отношений, на ликвидацию которых был нацелен план.

Полностью подчинив себе кооперацию путем ее централизации, занятия всех руководящих постов в центре и на местах, власти превратили ее в огромный, не очень умелый, но очень послушный аппарат проведения своей политики в деревне. Кооперация держалась за счет финансовой поддержки со стороны государства. Что же касается быстрорастущего числа членов кооперативов, то это происходило за счет искусственного создания положения, когда крестьянин вступал в кооперативы вынужденно, так как нужный товар, преимущественно городской, можно было приобрести только в кооперативах и только через них – сбывать свои продукты; за счет искусственного кооперирования бедноты. К концу 20-х гг. кооперация оказалась неспособной к выполнению преобразующих функций, да и своих собственных обязанностей; она разрушалась.

И, наконец, об общине. Полностью использовав ее уравнилельно-фискальные функции, круговую поруку, убедившись в невозможности ее огосударствления, но в возможности на ее основе без всяких промежуточных звеньев перейти от совместного пользования землей к совместному труду на ней, власти в 1928 г. запретили общину.

Примечания:

¹См.: Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997; он же. Был ли «слом» кооперации? // Нэп: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики. М., 1998 и др.

²Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1967. Т. I. С. 375.

³Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М., 1963. С. 21. В дальнейшем В.П. Данилов высказывал и в других своих работах. См., напр., Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.

⁴См.: Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. С. 35, 37.

⁵См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 206 – 210.

⁶См.: Там же. Т. 37. С. 346, 469.

⁷См.: Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России – СССР (1905 – 1930). М., 1996. С. 179 – 182.

⁸Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1964. С. 503 – 507.

⁹Там же. Т. 6. С. 12 – 15.

¹⁰Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 64.

¹¹См.: Кабанов В.В. Указ. соч. С. 84 – 86.

¹²См.: Файн Л.Е. Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново, 1994; Кооперация как компонент рыночных отношений: проблемы теории и истории. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Иваново, 1996; то же. Вып. 2. Иваново, 1997; НЭП: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики. М., 1998 и др.

¹³См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 225.

¹⁴См. напр.: Бородина Л.В. Размышления по поводу размышлений В.И. Ленина о кооперации в начале нэпа // Кооперация как компонент рыночных отношений: проблемы теории и истории. Вып. 2. Иваново, 1997. С. 41 – 65.

¹⁵Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 372.

¹⁶Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. I. 1917 – 1928 гг. М., 1957. С. 230 – 232.

¹⁷См.: Кооператор. Тамбов, 1922. № 1. С. 16; Там же. 1923. № 9 – 10. С. 29.

¹⁸ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1 Д. 1216. Л. 3131 об.; Д. 1250. Л. 24 об.; Коммунист. 1922. № 3. С. 1.

¹⁹ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1018. Л. 1 – 1 об.

²⁰Там же. Д. 1216. Л. 31.

²¹Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. С. 418.

²²ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2271. Л. 6.

²³См.: Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1927. С. 157; ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1 Д. 444. Л. 10 об.

²⁴См.: Краткий статистический справочник ... С. 148, 152.

²⁵ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2654. Л. 130.

²⁶См.: Никулин В.В. «Новый курс» в деревне: замысел и реальность // Крестьяне и власть. Мат. науч. конф. М.-Тамбов. С. 163.

²⁷ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2021. Л. 14.

²⁸Отчет Тамбовского губернского экономического совещания за период с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Тамбов, 1922 С. 50.

²⁹ГАТО. Ф. Р.-946. Оп. 1. Д. 1985. Л. 120.

³⁰Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии. Октябрь 1921 – октябрь 1922. Тамбов, 1922. С. 440 – 444.

³¹ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 8. Д. 24. Л. 621.

³²См.: Отчет Тамбовского губкома РКП(б) XVII губернской партийной конференции за время с декабря 1924 по ноябрь 1925. Тамбов, 1925. С. 14 – 15.

³³Отчет о работе Тамбовского губисполкома XI созыва XII губернскому съезду Советов. Тамбов, 1926. С. 31 – 32.

³⁴Иванников М. Состояние колхозов нашей губернии // Коммунист. 1928. № 6. С. 15.

³⁵Там же. С. 17 – 18; Коммунист. 1928. № 7. С. 28.

³⁶Там же.

³⁷Носова Н.П. Деревня второй половины 20-х годов // Нэп: завершающая стадия. С. 208.

³⁸См.: Очерки истории Тамбовской организации КПСС. Воронеж, 1984. С. 153 – 154.

³⁹Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. С. 255.

В связи с тем, что хлеб оставался главным продуктом питания населения, от размеров урожая зерновых непосредственно зависело функционирование всего хозяйственного механизма страны. Вопросы производства и распределения хлеба находились под постоянным политическим контролем. Власти в центре и на местах чутко реагировали на все проблемы, связанные с хлебом.

В течение нескольких десятилетий историография тиражировала созданный властями миф о восстановлении довоенных посевных площадей под зерновыми культурами и разрешении на базе нэпа продовольственной проблемы. Правительство даже пыталось оправдать улучшение продовольственного положения сельского населения кризисные явления на хлебном рынке: «Наиболее широкие слои деревни, – говорил в 1928 г. председатель Совнаркома А.И. Рыков, – ведь сколько-нибудь сносно стали есть только после революции и в связи с этим мы имеем колоссальный рост потребления при понижении роста продукции на душу населения»¹. При этом совершенно замалчивались факты массовых голодовок в 1923 – 1925 гг. в основных хлебопроизводящих районах, включая и Тамбовскую губернию.

Эта же мифология сохраняется и в некоторых публикациях последних лет. Так, в 1998 г. вышла в свет книга экономиста-аграрника А.Г. Белозерцева «Зерновое хозяйство России (1865 – 1997 гг.). Историко-экономический очерк», где по-прежнему утверждается, что «в годы нэпа зерновое производство восстанавливалось более быстрыми темпами, чем промышленность», «возросло производство зерна», «производство сельскохозяйственной продукции пошло в гору в 1921 – 1928 гг.», «увеличился доход хлебопашцев, во многих семьях на обеденном столе появился достаток» и т.д.² Аналогичные суждения можно встретить и у других авторов³. Практически не идет и речи о внутренних кризисных явлениях в крестьянских хозяйствах и, как следствие, в зерновом производстве. Вообще в историографии проблемы, как правило, рассматриваются главным образом внешние факторы, влиявшие на крестьянское хозяйство: высокие налоги, природные явления и т.д., при этом в стороне остаются его внутренние проблемы. В этом плане выгодно отличается статья И.В. Кочеткова⁴, в которой внесены коррективы в известные статистические показатели и проанализированы производительные силы крестьянского хозяйства.

В силу всего сказанного вопрос о состоянии производства зерна в период нэпа нуждается в новом освещении. Для этого необходимо выяснить масштабы голода 1923 – 1925 гг. и его связь с уровнем зернового производства; определить основные тенденции динамики производства зерна и ее движущие силы.

Принятые в 1921 – 1922 гг. законодательные акты об экономических отношениях деревни и государства, а также о земельных порядках, положившие начало переходу к новой экономической политике, отвечали крестьянским требованиям и открывали пути для подъема сельского хозяйства. Однако последствия семилетней разрухи и засуха, породившие голод, исключали возможность скорого и легкого выхода из тяжелейшего кризиса.

В условиях хозяйственной разрухи отмена продовольственной разверстки, означавшая признание за крестьянами права свободного распоряжения производимыми ими продуктами, не была и не могла быть полной. В продовольственном налоге, сохранявшемся до 1923 г. сохранялось немало от продразверстки. Общим для них являлись их натуральный характер и прямая подчиненность задачам не фискальным, а продовольственным. Не случайно, что до июля 1923 г., пока существовал Наркомпрод, продналог, как и продразверстка, собирался его органами, а не Наркомфином.

По сравнению с продразверсткой продналог с самого начала был весьма умеренным, тем не менее для разоренной, жившей впроголодь деревни, его взимание было тяжким бременем. Переход к единому сельскохозяйственному налогу на 1923/24 хозяйственный год, ознаменовавшийся значительными скидками для неимущих слоев деревни, явился крупным шагом на пути к нэпу. Налог был действительно облегчен, однако для деревни он оставался непосильным. При этом необходимо учесть, что и продналог и единый сельскохозяйственный налог были единственным источником не только для восстановления, но и существования страны. Налог, в то же время,

был существенным внешним фактором, влиявшим на состояние и развитие крестьянских хозяйств, их производительных сил. Налоговое обложение и неэквивалентный обмен – два основных канала выкачивания средств из крестьянских хозяйств – оставались главной проблемой в отношениях между городом и деревней. Оба названных фактора играли не малую роль в воспроизводстве и распространении ситуации голода.

В литературе неоднократно рассматривалась тема голода 1921/22 гг. и его последствий. Однако ситуация складывавшаяся в тамбовской деревне в 1923 – 1925 гг. разработана слабо. Одним из первых к этой проблеме обратился в своей статье В.В. Никулин⁵. Опубликованные в последние годы сводки ОГПУ⁶ значительно дополняют ее и дают возможность реально оценить положение в тамбовской деревне.

В сводке от 30 апреля 1923 г., когда полным ходом шла посевная кампания, отмечалось, что в губернии во многих местах крестьяне употребляли в пищу суррогаты из-за полного отсутствия хлеба; острый недостаток посевного материала приводил к тому, что продавали домашний скруб для приобретения семян⁷. Сводка от 27 июня: «Ощущается голод, население употребляет в пищу суррогаты»⁸.

В конце июля 1923 г. нарком земледелия РСФСР Свидерский в письме заместителю председателя Совнаркома Цюрупе перечислял районы, включая Тамбовскую губернию, в которых очередной неурожаем остро поставил вопрос о существовании крестьянских хозяйств⁹.

В сводках от 23 и 28 августа (период уборочной кампании) подчеркивалась острая нехватка семян, «крестьяне продают скот или обменивают его на хлеб», «рожь нового урожая крайне легковесна», высказывалось опасение, что с января 1924 г. большая часть крестьянской бедноты будет голодать¹⁰.

Осенью к сообщениям о голоде, употреблении в пищу суррогатов добавляется острое недовольство сельскохозяйственным налогом. В Лебедянском уезде, например, было подано 11 тыс. заявлений о снижении налога, из которых 3,5 тыс. удовлетворено¹¹. Как и предполагалось ранее, зимой запасы иссякли. Сводка от 18 февраля 1924 г. отметила наступивший голод в губернии и на почве последнего массовую продажу скота и инвентаря¹².

Весна и лето 1924 г. облегчения не принесли, наоборот, лето оказалось еще более засушливым, особенно пострадали южные уезды. «В Борисоглебском уезде земли под паром из-за засухи не поддаются вспашке, – констатировала сводка от 12 августа 1924 г., – крестьяне местами роют топорами и кирками и все же значительная часть пара остается без взметки¹³». Тогда же, летом 1924 г. в связи с угрозой нового неурожая и тяжелого экономического положения в губернии наблюдались широкое распространение батрачества и рост религиозных настроений¹⁴.

Всего в Тамбовской губернии погибло 60 % яровых и 52,5 % озимых посевов. Чистый сбор зерновых составил по губернии 8,9 пуда на душу сельского населения. «Таким образом, – говорилось в сообщении ОГПУ, – от продукции полеводства население не только не будет иметь товарных излишков, но даже не сможет в полной мере покрыть свои продовольственные потребности»¹⁵.

Зимой 1925 г. во многих уездах для уплаты сельскохозяйственного налога крестьяне продавали скот, «даже последних рабочих лошадей», более третьей части хозяйств не имела корма для скота¹⁶.

Голод достиг апогея весной-летом 1925 г. Сводки ОГПУ отмечали, что более половины сельского населения губернии употребляет в пищу разные суррогаты, питается травой, в пищу шел падший скот¹⁷. Имели место случаи голодных смертей, опухания, «у граждан, не имеющих хлеба, цвет лица превращается в желто-восковой»¹⁸. В Токаревской волости летом 1925 г. голодало 90 % населения, в Рассказовской волости – 40 %, такая же ситуация складывалась в Борисоглебском, Кирсановском и Козловском уездах¹⁹.

Из-за повторявшихся голодовок наблюдалось стремление выехать в Сибирь, на отхожие промыслы в другие районы страны. Это подтверждается и официальными статистическими данными: доля выселившихся и ликвидировавшихся хозяйств в 1922 г. составляла 2 %, в 1923 г. – 2 %, в 1924 г. – 2,4 %, в 1925 г. – 3,4 %, в 1926 г. – 2,5 %²⁰.

Как видим, есть все основания утверждать, что в Тамбовской губернии в 1923, 1924 и 1925 гг. наблюдался массовый голод сельского населения, вполне сравнимый по своим масштабам с голодом 1921/22 гг.

Каковы же были основные показатели производства хлебов в годы нэпа? Для характеристики зернового производства, как и крестьянского хозяйства в целом, используются, как правило, данные ежегодных весенних 5 % выборочных обследований. До сих пор эти данные не вызывали сомнений у историков и широко применяются во всех работах по истории нэповского периода, при этом исследователи воздерживаются от оценок степени достоверности данных официальной государственной статистики, предпочитая принимать их на веру. Так, факты массового голода в рассматриваемый период (гибель посевов, значительные недосевы и т.д.), которые всегда были открытыми, даже не введены в научный оборот и, соответственно, не принимаются во внимание при оценке ситуации в зерновом производстве.

Для характеристики динамики зернового производства обычно используются статистические данные о площадях, урожайности и валовых сборах хлебов, публиковавшиеся как центральными, так и местными статистическими изданиями. Как известно, статистические органы вносили в полученные данные о посевных площадях «поправки на недоучет». «Поправленные» данные о площади посевов умножались на исчисленные величины урожайности зерновых и в итоге устанавливались размеры валовых сборов.

С точки зрения общей теории статистики весенние выборочные 5 % опросы крестьянских хозяйств, бывшие главным источником сведений по урожайной статистике, являются типичным случаем применения метода выборочного статистического исследования.

Численность крестьянских хозяйств местными статистическими органами определялась по поселенным спискам наркомфина, которые несколько преувеличивали количество хозяйств, так как брали во внимание не экономические признаки хозяйства, а юридические, в итоге получалось что некоторое число хозяйств в этих списках реально не существовало. Из списков населенных мест строго отбиралось каждое двадцатое селение. Обследование проводилось волостными статистиками, последние же иногда преувеличивали результаты. Работники губстатбюро предполагали, что выбор конкретных хозяйств в назначенных уездными статистическими бюро селах поручался волостным статистикам, которые предпочитали более культурные, а значит и более экономически крепкие, хозяйства, которые было легче опрашивать. Однако, не доказано, что все волстатистики поступали именно так. В изданиях статистических органов крайне редко можно встретить указания на какие-либо типичные ошибки, допускавшиеся волостными статистиками в процессе регистрации. Так, сотрудниками Тамбовского губстатбюро было обнаружено, что некоторые волстатистики регистрировали как посев пашню, подготовленную под сев, но так и необсемененную²¹. Поэтому исследователь должен учитывать, что статистические данные о зерновом производстве в 1920 гг. несколько преувеличены.

Данные о состоянии посевных площадей под главными зерновыми культурами (рожь, овес, просо, ячмень) в губернии могут быть представлены следующим образом²²:

Годы							
Площадь посевов (тыс. дес.)							

При всем известном стремлении крестьян предреволюционный уровень площади посевов так и не был достигнут. Кроме того, с связи с засухой, весьма значительны были потери как озимых,

так и яровых посевов. В относительно благополучном 1923 г. они составили 63 тыс. дес., в 1924 г. – 343 тыс., в 1925 г. – 419 тыс.²³

Состав посевных площадей под главными продовольственными культурами практически не изменился по сравнению с предреволюционным временем (в 1917 г. – 47,4 % площади всех посевов), составив 48,6 % в 1920 г. – максимальная доля – и 40,2 % в 1925 г. – минимальная доля²⁴. В связи с этим возможно говорить о стагнации посевных площадей под зерновыми на предреволюционном уровне.

Урожайность зерновых культур в крестьянских хозяйствах никогда не отличалась стабильностью и оставалась в основном на низком уровне. Так, урожайность ржи в довоенное и военное время составляла (пудов с десятины): 1912 г. – 62,0; 1913 г. – 34,8; 1914 г. – 50,0; 1915 г. – 62,3; 1916 г. – 62,8; 1917 г. – 41,7²⁵. Самый низкий показатель получен в неблагоприятном в климатическом отношении 1913 г. В 20-е гг. даже таких результатов достигнуто не было: в 1923 г. – 25,3; в 1924 г. – 26,4; в 1925 г. – 14,4²⁶. Характерно, что в 1926 – 1928 гг. в официальных отчетах партийных и советских органов губернии данные об урожайности и валовых сборах зерновых не приводились.

Произошло резкое сокращение посевов кормовых хлебов. Особенно это характерно для начала 20-х гг.: если в 1917 г. площадь посевов под овсом составляла 26,5 % от общей посевной площади, то в 1920 г. – лишь 8,9 %; в 1922 г. – 9,6 %²⁷. Представляется, что именно по этой причине власти при характеристике фуражного баланса предпочитали говорить лишь о заготовках сена и соломы, но даже и их не хватало: так в 1924 г. недостаток соломы составлял 11 млн. пудов, сена – 28,2 тыс. пудов²⁸. Даже в конце изучаемого периода не удалось достичь дореволюционного уровня посевной площади под овсом: в 1927 г. она составила лишь 20 % от всей посевной площади губернии. Низкой оставалась и урожайность овса: 1923 г. – 42,5 пуда с дес.; 1924 г. – 8,9; 1925 г. – 67,9²⁹. Приведенные данные показывают явное отставание производства кормовых хлебов по сравнению с продовольственными, что, естественно, тормозило восстановление численности лошадей.

Валовая продукция зерновых культур составила (тысяч пудов):

1913 г. – 84 762; 1922/23 г. – 83 564; 1923/24 г. – 60 107; 1924/25 г. – 36 576; 1925/26 г. – 77 147; 1926/27 г. – 72 361³⁰. Как видим, даже в относительно благополучные 1925/26 и 1926/27 гг. прирост был весьма скромным: производство зерна на душу сельского населения в 1925/26 г. составляло всего 30,6 пуда, включая затраты на семена и т.д. Последний показатель дает представление о возможном уровне потребления хлебопродуктов сельским населением в 1920 гг.

Как и прежде, основное количество потребленных калорий во всех группах составляли калории, полученные от растительных продуктов, в первую очередь от хлеба. Так, в 1921/22 г. их доля составила 92,7 %, в 1922/23 г. – 93,3 %, в 1923/24 г. – 87,8 %, в 1924/25 г. – 90,6 % и т.д. Потребление продуктов животного происхождения в крестьянских семьях было крайне незначительно. Их доля в среднедневном рационе колебалась от 6,7 % в 1922/23 г. до 12,2 % в 1924/25 г. Наличие скота и птицы в хозяйстве не гарантировало того, что эти продукты попадут на стол крестьянской семьи. Наряду с продуктами земледелия значительная часть мяса, яиц, молочных продуктов шла на продажу, пополняя деньгами крестьянский бюджет. Физиологическая норма производственного потребления хлебных продуктов в 1920 гг. для крестьян определялась в 22 – 23 пуда на душу в год. Реально же в Тамбовской губернии среднедушевое потребление хлеба сельским населением колебалось от 7,7 пуда в 1921/22 г. до 13,4 пуда в 1924/25 г.³¹ В среднем же в 20-е гг. душевое потребление хлеба составило 11,4 пуда, что едва дотягивало до половины обоснованной нормы. При этом надо учесть, что названная цифра несколько завышена так как среди обследованных хозяйств доля средне- и многопосевных доходила до 35 %. Роста крестьянского потребления хлеба в годы нэпа не наблюдалось, правильнее говорить о голодном и полуголодном существовании производителей хлеба.

В чем же состояла причина данного кризиса? Кроме уже отмеченных внешних факторов попытаемся разобраться во внутренних закономерностях развития крестьянских хозяйств в 20-е гг.

Мелкое крестьянское хозяйство 1920-х гг. почти полностью основывалось на применении ручного труда. Рабочая сила человека являлась главной производительной силой крестьянского хозяйства, определявшей низкий уровень развития сельскохозяйственного производства. Затраты живого труда в производстве хлебов намного превышали материальные издержки. Ручной труд играл преобладающую роль в производстве всех сельскохозяйственных культур.

Сельскохозяйственные орудия и машины, постоянное совершенствование и расширение употребления которых является решающим средством подъема производительности труда, играли совершенно недостаточную роль в производстве сельскохозяйственной продукции. По данным обследования крестьянских бюджетов 1925/26 гг. в Тамбовской губернии на долю сельскохозяйственного инвентаря из всей стоимости имущества приходилось в хозяйствах с посевом до 4 дес. 5,6 %; от 4 до 8 дес. 9,6 %; свыше 8 дес. – 12,7 %³². Как видим, удельный вес простейшей техники в производстве сельскохозяйственных культур был мизерным. Затраты живого труда крестьянина и его семьи в десятки раз превышали затраты труда, овеществленного в технике.

Заметные сдвиги произошли в обеспечении сельского хозяйства машинами и орудиями после принятия ВЦИК и СНК РСФСР в 1925 г. постановления «О мерах восстановления Центрально-Черноземных губерний в хозяйственном и культурном отношении», на основе которого крестьянство начало ежегодно получать в бюджетном и кредитном порядке большие суммы денег, которые были использованы для укрепления в основном бедняцких и середняцких хозяйств на льготных условиях, а также для развития сельскохозяйственных кооперативов. Так, в 1925/26 гг. в сельское хозяйство губернии было направлено кредита и бюджетных ассигнований 4 млн. р.; в 1926/27 гг. – 6,6 млн. р.; в 1927/28 гг. – 7,4 млн. р.³³ В 1925/26 гг., благодаря довольно большому задатку (25 % стоимости), даже тракторы могли купить зажиточные единоличники. Однако, с 1926/27 гг. сумма задатка была снижена до 5 % стоимости, и тракторы предоставлялись исключительно хозяйствам, объединенным в кооперативы. Суть технической политики советского государства в деревне заключалась не только в том, чтобы усилить технические возможности общественного и кооперативных секторов, но и в том, чтобы закрыть доступ к технике частнику, т.е. зажиточному крупному крестьянскому хозяйству. Как видим, техническая политика власти шла вразрез с объективными условиями. Наиболее подготовленными к восприятию технических новаций, использованию техники в производстве была зажиточная часть крестьянства. И именно она отстранялась от участия в этом сложном и ответственном для общества процессе. Всего в 1926/27 г. в губернию поступило (кроме тракторов): 12 тыс. плугов, 2,7 тыс. борон, 312 культиваторов, 700 соломорезок, 274 молотилки и т.д. Единоличные хозяйства купили 18 % сельскохозяйственных машин и 64 % мелкого сельскохозяйственного инвентаря³⁴. Остальное приобрели государственные и кооперативные сельскохозяйственные организации.

Основная масса индивидуальных кредитов была фактически направлена в бедняцкие и середняцкие хозяйства: 82,7 % хозяйств с посевом до 8 дес. получили 60,3 % всей суммы кредита. Эти хозяйства получали кредит главным образом на приобретение сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота, при этом менее обеспеченные посевом группы кредитовались преимущественно на рабочий скот (всего в 1926/27 гг. было куплено 1873 лошади), более же обеспеченные посевом и имевшие скот кредитовались преимущественно на сельскохозяйственный инвентарь.

Несмотря на весьма значительные затраты в целом крестьянское хозяйство было оснащено в техническом отношении крайне низко. Так, в 1928 г. в среднем по губернии на одну соху приходилось лишь 0,58 плуга; на 1 октября 1928 г. в Тамбовском округе насчитывалось 385 тракторов, в Козловском – 240, в Борисоглебском – 606³⁵. При условии, что все трактора работают с полной нагрузкой (150 га за сезон), они смогли бы обработать лишь 3,2 % имевшейся пашни. Видно абсолютное преобладание ручного труда.

Соотношение ручного и машинного труда всегда служит важнейшим показателем развития производительных сил. Оно определяет возможности производства, уровень производительности труда. Крестьянское земледельческое производство в годы нэпа свидетельствовало о крайней примитивности сельскохозяйственной техники и о необеспеченности ею крестьянского хозяйства. Поэтому низкая производительность и товарность хозяйства были неизбежными при такой организации производства, когда основой его являлся ручной труд. Это обстоятельство ставило чрезвычайно узкие рамки для разви-

тия сельскохозяйственного производства. В массе крестьянских хозяйств сохранялось подавляющее господство естественных производительных сил. В сочетании с семейным трудом эти черты обуславливали относительную устойчивость крестьянского хозяйства и, одновременно, – застойность, низкий уровень производительности труда, незначительность расширенного производства.

Как известно, экономический рост (т.е. расширенное воспроизводство) при неизменной технологии предполагает, что на каждом новом производственном цикле в процесс вовлекается дополнительное количество материальных ресурсов, созданных, но не потребленных в предыдущих циклах. Иными словами, расширенное воспроизводство невозможно без накопления.

Зерновое производство крестьянских хозяйств полностью соответствовало указанной модели: не менявшиеся на протяжении многих десятилетий способы и орудия обработки земли и ухода за посевами сохранялись и в 20-е гг. В традиционном крестьянском хозяйстве основную роль играли, как уже отмечалось, средства производства естественного происхождения, прежде всего, лошадь как главный источник двигательной энергии. Количество и качество лошадиных сил определяли степень интенсивности и производительность человеческого труда³⁶. Вот почему важнейшим показателем производственного накопления в крестьянском хозяйстве является количество рабочего скота в расчете на одного работника.

В течение всего изучаемого периода этот показатель демонстрировал отрицательную динамику. А это означало, что к моменту перехода к нэпу, к мирному строительству, крестьянская экономика не только не накопила дополнительный энергетический потенциал, необходимый для ускоренного восстановительного роста, но и потеряла часть потенциала, созданного до революции.

В 20-е гг. в Тамбовской губернии произошло резкое сокращение поголовья лошадей, особенно рабочего возраста, в крестьянских хозяйствах, которое продолжалось вплоть до 1925 г. (242 847 голов против 387 139 в 1917 г.)³⁷, после чего началось медленное увеличение его, однако и в 1927 г. достичь дореволюционного уровня не удалось (296 288 голов)³⁸. Более половины хозяйств не имела рабочего скота вовсе: в 1923 г. – 53,5 %; в 1924 г. – 52,7 %; в 1925 г. – 54,7 %; в 1926 г. – 52,3 % и лишь в 1927 г. – 48,2 %³⁹. В создавшейся ситуации произошло сокращение количества лошадей рабочего возраста, приходившегося на 100 дес. посева: в 1917 г. – 21,8 лошади; в 1920 г. – 21,1; в 1923 г. – 14,5; в 1925 г. – 14,1; в 1926 г. – 14,9⁴⁰. Недостаток рабочего скота можно было отчасти компенсировать, увеличивая на него нагрузку. В трудные времена крестьяне всегда так поступали. Но поднимать эту нагрузку без дополнительных затрат можно было только до определенного уровня, дальнейшее увеличение эксплуатации лошадей требовало соответствующих затрат на уход и кормление, а таких возможностей у крестьян не было.

Проанализировав предвоенные бюджетные обследования тамбовской деревни, А.Н. Челинцев пришел к выводу, что на 100 десятин посева требовалось в среднем не менее 16,7 лошади в северной полосе губернии и не менее 17,5 лошади – центральной и южной частях⁴¹. Однако в реальности не было и этого минимума.

Объективно оценивая положение дел в сельском хозяйстве, июльский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б) совершенно справедливо отметил: «Из всех отраслей сельского хозяйства зерновое хозяйство является наиболее отсталым как в смысле его производительности (урожайности), так и в смысле его товарности⁴²».

Таким образом, к моменту перехода от войны к миру мелкокрестьянское зерновое хозяйство не располагало потенциалом, необходимым для начала восстановительного процесса. В течение 20-х гг. производственный потенциал крестьянских хозяйств вырос крайне мало. Обеспеченность человеческого труда рабочим скотом значительно отставала от дореволюционного уровня. Поскольку, как уже отмечалось, именно этот показатель наилучшим образом характеризует потенциал увеличения производительности труда в крестьянской экономике, можно утверждать, что довоенная производительность труда в зерновом производстве Тамбовской губернии в 20-е гг. была, при сохранении господства мелкокрестьянского производства, недостижима. Падение производительности труда не восполнялось и приростом численности трудоспособного сельского населения. Как видим, очевидным был факт кризиса зернового производства в годы нэпа, который проявился в стагнации посевных площадей под зерновыми культурами, в отсутствии в крестьянских хозяйствах производственных возможностей для удовлетво-

рения собственных нужд (не говоря о потребностях города, промышленности и т.д.) и в неспособности достижения даже дореволюционного уровня.

Примечания:

¹Рыков А.И. Избранные произведения. М., 1990. С. 433.

²Белозерцев А.Г. Зерновое хозяйство России (1865 – 1997 гг.). Историко-экономический очерк. М., 1998. С. 47 – 49.

³Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. Кн. 2. М., 2000 С. 331 – 340.

⁴Кочетков И.В. Зерновое производство в годы нэпа: действительность и возможности // Экономическая история России XIX – XX вв.: современный взгляд / Под ред. В.А. Виноградова. М., 2000.

⁵Никулин В.В. Недород 1924 г. в тамбовской деревне и его социально-политические последствия // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сб. науч. ст. / Под ред. А.Л. Авреха. Вып. 3. Тамбов, 2000.

⁶Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939. Документы и материалы / Под ред. А. Береловича и В. Данилова. Т. 2. М., 2000.

⁷Там же. С. 101.

⁸Там же. С. 118.

⁹Кочетков И.В. Указ. соч. С. 94.

¹⁰Советская деревня ... С. 133, 135.

¹¹Там же. С.153, 166, 167.

¹²Там же. С. 182.

¹³Там же. С. 235.

¹⁴Там же. С. 201, 205.

¹⁵Кочетков И.В. Указ. соч. С. 96.

¹⁶Советская деревня... С. 282, 283.

¹⁷Там же. С. 317.

¹⁸Там же.

¹⁹Там же. С. 317, 323, 328, 330, 331, 335.

²⁰Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1927. С. 82.

²¹Бюллетень ГСБ. 1924. № 5. С. 1.

²²Краткий статистический справочник... С. 60 – 61.

²³См.: Отчет Тамбовского губкома РКП(б) XVII-й губернской партийной конференции. Тамбов, 1925. С. 7.

²⁴Краткий статистический справочник... С. 62 – 63.

²⁵См.: Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века. Тамбов, 1998. С. 19.

²⁶См.: Отчет Тамбовского губкома РКП(б)... С. 8.

²⁷Краткий статистический справочник... С. 62.

²⁸Отчет Тамбовского губкома РКП(б)... С. 8.

²⁹Там же.

³⁰Краткий статистический справочник... С. 85.

³¹Там же. С. 98, 99.

³²Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов. 1927. С. 90 – 91.

³³Коммунист. 1927. № 18. С. 17.

³⁴Отчет Тамбовского губкома ВКП(б) XIX губернской партийной конференции. Тамбов, 1927. С. 17.

³⁵Центрально-Черноземная область: Справочная книга. Под ред. В. Алексева, Е. Малаховского, А. Швера. С. 159 – 160.

³⁶Данилов В.П. Деревня в 1926 – 1927 гг. // История крестьянства в СССР. В 5 т. Т. 1. С. 328.

³⁷Краткий статистический справочник... С. 66.

³⁸Там же.

³⁹Там же. С. 78; Отчет Тамбовского губкома ВКП(б) XIX губернской партийной конференции. С. 15.

⁴⁰Там же. С. 59.

⁴¹Челинцев А.Н. Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии. Харьков, 1919. С. 215 – 216.

⁴²КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 349.

Хлебозаготовки 1927 – 1928 ГГ. Чрезвычайные меры

С целью налаживания вненалоговых централизованных заготовок продовольствия путем обмена был создан государственный товарный фонд из предметов ширпотреба и сельхозинвентаря, распоряжение которым передавалось в руки Наркомата продовольствия. В мае 1921 г. между Наркомпродом и Центросоюзом был подписан Генеральный договор, в соответствии с которым право на централизованные заготовки сельскохозяйственной продукции предоставлялось Центросоюзу, а за Наркомпродом закреплялись общее руководство и контроль за этими заготовками на всех стадиях. Наркомпрод передавал в распоряжение потребкооперации предназначенные для товарообмена фонды как в центре, так и на местах. Самостоятельные вненалоговые заготовки либо передача товарных фондов иным организациям или частным лицам разрешались продорганам лишь в случае слабости местной потребкооперации и невозможности ведения ею товарообменных операций¹.

Как правило, ассортимент и качество товаров, предлагавшихся потребкооперацией в обмен на зерно, не соответствовали крестьянским нуждам. Непосредственные товарообменные операции сопровож-

дались волокитой. Для того, чтобы сдать зерно и получить за него товар, крестьянин должен был обойти не менее четырех контор. Нередко подобное «удовольствие» растягивалось на целый день. Не удовлетворяли сельских жителей и обменные эквиваленты, которые для сельскохозяйственной продукции были занижены, а для промтоваров – завышены.

Главная задача государства состояла в недопущении резких колебаний закупочных цен на хлебном рынке. Для этого необходимо было согласовывать сроки взимания сельскохозяйственного налога и страховых платежей, своевременно и равномерно финансировать хлебозаготовки.

В 1924 г. была реорганизована структура государственного управления хлебным рынком. Общее руководство государственными хлебозаготовками отныне возлагалось на Наркомторг СССР и созданное в его составе хлебофуражное управление. В качестве органа, координировавшего централизованный хлебозакуп, при Наркомторге был создан Хлебный комитет.

Хлебозаготовки проходили с переменным успехом. В связи с низкими заготовительными ценами крестьяне сдавали хлеб неохотно. Именно поэтому с 1926 г. существенно усилилась централизация и монополизация хлебного рынка со стороны государства. Государственные и окончательно потерявшие свою самостоятельность кооперативные заготовители фактически были объединены в единую организацию, имевшую характер монополии, где каждая организация превращалась в специализированный отдел, занимавшийся своими специфическими операциями. Кроме того, начиная с 1926 г. органы статистики обязаны были представлять сведения о «невидимых хлебных запасах» у крестьян, которые почти удваивали запасы хлеба в крестьянских закромах. Так, по данным хлебофуражного баланса на 1 октября 1927 г. в наличии у крестьян Тамбовской губернии находилось 42 272 245 пудов натуральных хлебных запасов, а по данным бюджетных записей губернского статбюро на 1 ноября 1927 г. в деревне насчитывалось 12 239 716 р. денежных средств².

Напряжение с хлебозаготовками стало нарастать с осени 1927 г. Власти надеялись, что крестьяне повезут хлеб сами, но этого не произошло. Даже крестьяне-коммунисты, советский и кооперативный аппарат не продавали своих излишков, несмотря на специальное постановление о сдаче хлеба коммунистами в первую очередь. Более того, совхозы и колхозы вывезли не весь свой товарный хлеб, отмечались случаи его продажи частникам. Не были в полном объеме взысканы сельхозналог, страховые сборы, семсуды и срочные платежи по кредитам. Местные власти активизировались лишь после жестких указаний из Центра, хотя сторонников нажимных методов работы с крестьянством было немало: в октябре и ноябре 1927 г. Тамбовские губком и губисполком неоднократно обращались в Москву с представлениями, доказывая необходимость применения чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок³. 2, 14, 24 декабря 1927 г. последовали директивы ЦК ВКП(б) с требованием добиться решительного перелома в ходе хлебозаготовок. Для этого на места выехали руководители страны.

Во время работы XV съезда ВКП(б) председатель Совнаркома А.И. Рыков провел совещание местных партийных и советских руководителей по хлебозаготовкам. Предлагались разные пути выхода из критического положения, в том числе и прямой нажим на держателей хлеба. Но в итоге обсуждения был принят следующий вариант: развернуть широкую хлебозаготовительную кампанию, усилить завоз промтоваров в деревню⁴. Однако позиции сторонников «чрезвычайщины» были сильны. Под их влиянием 20 декабря 1927 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О предоставлении сельским Советам права производства обыска и выемок», которое допускало методы административного нажима на крестьянство⁵.

27 декабря в Тамбове с участием А.И. Микояна состоялось заседание бюро Тамбовского губкома с единственным вопросом – ход хлебозаготовок. Выяснялся вопрос: почему крестьянин не везет хлеб? В итоге обсуждения бюро пришло к выводу, что главными причинами были следующие: угроза войны и желание в связи с этим приберечь хлеб, «плановый неурожай» и создание страхового фонда, ценовая политика на зерновые культуры. Так, в начале хлебозаготовок в августе 1927 г. пуд хлеба стоил 81 к., в первой половине сентября цена упала до 73 к., а в ноябре выросла до 74,5 к. за пуд. Частники же производили закупки в губернии на 50 – 60 % выше государственных и кооперативных заготовительных цен. Для текущих расходов крестьяне предпочитали продавать не хлеб, а мелкий скот и птицу (стоимость курицы равнялась стоимости двух пудов хлеба, одного гуся – трех пудов хлеба, пуда свинины – десяти пудов хлеба)⁶.

Анализ причин слабого хода хлебозаготовок бюро губкома сделало в целом объективно. При этом о злонамеренных действиях кулаков речи не велось. К тому же план заготовок для губернии в 36 млн. пудов был невыполним. Действия крестьян были нормальной реакцией товаропроизводителя на экономическую конъюнктуру и осложнение политической обстановки.

6 января 1928 г. в губком поступила телеграмма, подписанная Сталиным, с требованием добиться перелома в хлебозаготовках. Ее основное содержание сводилось к следующему: добиться поступления хлеба любой ценой, установить для этого максимально ускоренные сроки всех платежей по налогам, развернуть кампанию по распределению крестьянского займа и сбору кооперативных паев, срочно установить дополнительные местные сборы на основе законов о самообложении. При взыскании недоимок предлагалось применять «жестокое кары», устанавливалась персональная ответственность руководителей за выполнение заданий по хлебозаготовкам⁷.

9 января 1928 г. Тамбовский губком ВКП(б) направил в волости и уезды директиву об усилении хлебозаготовок. Секретарям волкомов и уполномоченным предлагалось «решительно приступить с активным нажимом к взысканию с крестьянства всех платежей», «невыполнение данной директивы к 15 января, – отмечалось далее, – будет рассматриваться как ваша нераспорядительность и вы будете привлечены к партийной ответственности»⁸.

14 января поступила директива теперь по поводу размещения в деревне «займа укрепления крестьянского хозяйства». Ее основной лозунг – каждый крестьянин должен купить облигацию. В директиве подчеркивалось, что за первые пять дней января в губернии заготовлено всего 203 тыс. пуда зерна при месячном плане в 5 млн. 300 тыс. пудов, кампания по страховым платежам должна была закончиться к 1 января 1928 г., однако поступило всего лишь 47 % платежей. В качестве мер воздействия на крестьян предлагалось широко использовать репрессии⁹.

26 января 1928 г. в Тамбове была получена шифровка Наркома юстиции РСФСР Н. Янсона, который требовал еще более «срочных и решительных мер в деле проведения кампании»¹⁰. По получении документа из Наркомата юстиции губком ВКП(б) совместно с губернской прокуратурой и судом 28 января направил директиву прокурорам, судьям и следователям «о самом решительном нажиме в отношении лиц, срывающих успешное проведение кампании»; срок производства по делам сокращался до 3 дней с момента начала дела по момент вынесения приговора; в отношении лиц, привлеченных по ст. 107 УК РСФСР¹¹, как правило, в качестве дополнительной меры наказания предлагалось применять полную или частичную конфискацию имущества¹².

Местные органы нацеливались на применение чрезвычайных мер. Все чаще повторялся тезис о возросшем сопротивлении кулака, о том, что основная масса хлеба сосредоточена у него, что он – настоящий хлебный хозяин деревни. «Нажать на кулака, – призывал председатель Тамбовского губисполкома Г. Прядченко, – нажать так, чтобы три поколения помнили, как Советская власть расправляется с тем, кто, обогатившись в наших условиях, отвернулся в момент трудностей для Советской власти»¹³.

Главными методами выполнения хлебозаготовок становились обход дворов, обыски, поголовный учет и опись всего имущества. При этом совершенно не учитывалось, что ряд хозяйств уже выполнил задание. Выставлялись заградительные отряды. Хлеб конфисковывался, в хозяйстве оставалось по 2 – 3 пуда хлеба на едока¹⁴. Поспешность и жестокость хлебозаготовительной кампании вносила сумятицу и неразбериху. В своем письме в ЦК ВКП(б) тамбовский крестьянин Т.А. Белавин писал, что районный уполномоченный вечером объявил о сборе самообложения к 6 утра следующего дня. Село трясло всю ночь. Милиция собирала хлеб, распространяла (заставляла выкупать) облигации займа, взыскивала налоги и штрафы. Обстановка в селе тревожная, близкая к панике, начинается раскулачивание. Крестьянин выплатил уже сельхозналог, страховку, семенную ссуду, долгосрочную ссуду, задолженность кредитному обществу, самообложение. В результате многие крестьяне остались буквально ни с чем, особенно пострадали бедняки. В кредитном обществе запутаны все дела: кто внес деньги, того передали суду, растет недовольство¹⁵.

Несмотря на принятие жестких мер, план января в Тамбовской губернии выполнен не был. За первые 15 дней было собрано всего 15 % от плана. Крестьянство явно ждало весны, видов на урожай, надеясь на повышение хлебных цен. Начавшиеся же репрессии вызывали у крестьян недоумение и тревогу. Пошли разговоры о войне, реквизициях, продразверстке, падении червонца. Крестьяне стали прятать хлеб,

боясь повторения времен военного коммунизма. План на февраль для Тамбовской губернии составлял с учетом несобранного в предыдущие месяцы уже 8 млн. пудов, выполнить который было практически невозможно. К 15 февраля удалось собрать по всей губернии лишь 3 млн. пудов. Тогда же, 13 февраля 1928 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о широком применении ст. 107 УК РСФСР «в целях ускорения проведения хлебозаготовок». Привлекаться должны были те лица, которые имели 2 – 3 тыс. пудов хлеба и не вывозили его. Это решение политбюро во многих местах было невыполнимо, поскольку крестьян, имевших такое количество хлеба практически не было. Но тем не менее постановление должно было выполняться. «Потолок» применения статьи стали снижать, в Тамбовской губернии он был снижен до 500 пудов, на практике же судили тех, кто имел 200 – 300 пудов¹⁶.

В деревню направляли уполномоченных. В январе 1928 г. в Тамбовской губернии работало 1262 уполномоченных, в феврале – 1569, в марте – 1409¹⁷. В январе районным и уездным судам было предоставлено право решать дела по обвинению должностных лиц в нарушении правил о хлебозаготовках¹⁸. На практике это вылилось в привлечении к судебной ответственности лиц, не обеспечивших высокие темпы хлебозаготовок. Различного рода наказаниям было подвергнуто 1837 работников, в том числе 320 человек – отданы под суд за слабую работу по хлебозаготовкам¹⁹. Были случаи придания суду председателя сельскохозяйственного кредитного товарищества за непредставленные в срок уполномоченному уездного исполкома сводки о ходе хлебозаготовок или же председателя сельсовета за невыполнение к сроку на 7,9 % сельскохозяйственного налога на территории совета²⁰. Уполномоченный губсуда по Борисоглебскому уезду Гладышев, отказавшийся вершить направленный суд, был отстранен от работы за «неулавливание общей линии ... неумение претворить в жизнь директивы Центра»²¹.

Большинство дел по 107-й статье фабриковалось с грубейшими нарушениями правовых норм по прямому указанию партийных и советских органов. Например, Борисоглебский уком 13 февраля 1928 г. в телеграмме всем волкомам, волисполкомам и уполномоченным уисполкома требовал: «Выберите в первую очередь в больших и хлебных селах кулаков, имеющих большие хлебные излишки, арестуйте их и привлечите в суточный срок к судебной ответственности по 107 статье, подберите народных заседателей из бедноты, обеспечьте проведение через суд конфискацию хлебных излишков и другого имущества»²². Сплошь и рядом под 107 статью попадали и беднота и середняки. Дело в том, что во второй половине

1920-х гг. социально-экономические критерии отнесения к зажиточному крестьянству были отброшены, был поставлен знак равенства между предприимчивостью и мошенничеством. Размытость официальных признаков социально-экономической градации хозяйств давала возможность отнесения к кулацкому практически любого крестьянского двора, так или иначе втянутого в рыночные отношения. Поэтому многие уполномоченные слишком широко толковали само понятие «кулак»²³. Так, один утверждал, что раз беднота имеет землю, то должна вывозить хлеб на равных²⁴. На судей оказывалось сильное давление: «Пом. прокурора вызывал к себе с делами судей и требовал доклада, указывая кого и как судить, а также на описи имущества делал пометки, что именно конфисковывать»; «Не я собой руководил – приговоры выносил волком». «На делах делали пометки: «с» и «б», что значит: «с» – стричь, а «б» – брить – с применением конфискаций»; «Уполномоченный тов. Федюк говорил, вот тебе кулак и суди, не рассуждая»²⁵. Это лишь немногие свидетельства судей. Дела по 107 статье рассматривались, как правило, в течение суток.

Всего в Тамбовской губернии в феврале – марте 1928 г. по 107 статье было привлечено 1045 человек, 928 из которых было осуждено. У них конфисковано около 130 тыс. пудов хлеба, наложено штрафов на сумму 127 тыс. р. Как общее явление следует подчеркнуть широкую конфискацию имущества и скота. По некоторым делам хлеб вообще не был конфискован ввиду его отсутствия и, следовательно, люди были осуждены с конфискацией имущества и с наложением штрафа лишь на основании непроверенных данных: якобы осенью 1927 г. они покупали и продавали хлеб²⁶.

Большинство этих дел пересматривались специальной комиссией губкома и губсуда: к началу апреля было пересмотрено 384 дела, из которых только по 16 делам приговор был оставлен без изменений, по всем другим срок заключения либо отменялся вовсе (55 %), либо значительно сокращался, но конфискация оставалась в силе²⁷. Во время проверки во многих делах были обна-

ружены записки уполномоченных о том, чтобы создать дело даже при отсутствии доказательств хранения хлеба; также обнаружилось, что волостные органы заранее определяли приговор²⁸.

Одновременно с хлебозаготовками были широко развернуты мероприятия по изъятию денег у крестьянства: кампания по самообложению; сбор недоимок по ссудам и налогам; сбор вступительных взносов в кооперацию; «зверская работа», по словам председателя губисполкома, по борьбе с самогонварением; распространение крестьянского займа, к которому привлекались даже служители культа. Все это проводилось в сжатые сроки и с большим административным нажимом. Кроме того, 5 января 1928 г. президиум губисполкома дал секретную директиву всем потребительским обществам губернии о том, «чтобы они немедленно развернули торговлю хлебным вином по своим первичным организациям²⁹. В Тамбовскую губернию были направлены дефицитные промышленные товары, но в незначительном количестве. К тому же из-за несогласованности торгующих организаций нередко были случаи принять товары, или товары направлялись в те районы, где уже прошли мероприятия по изъятию средств у населения.

К лету 1928 г. у подавляющей части крестьянских хозяйств были изъяты так называемые «излишки свободных денег».

Апрельский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б), обсудивший положение с хлебозаготовками, «самым категорическим образом» заявил, что «такого рода извращения партийной линии (т.е. «чрезвычайщина») не имеет ничего общего ни с партийным курсом вообще, ни с теми экстраординарными мероприятиями, которые ЦК проводил в жизнь в связи с особыми трудностями, обнаружившимися во время текущей хлебозаготовительной кампании³⁰. Однако на местах от чрезвычайных мер отказываться не собирались. Они были по-прежнему в ходу и в мае, и в июне. Июльский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б) объяснил это тем, что неурожай хлебов в одних районах и перерасход в снабжении хлебом в других вынудили соответствующие организации усилить заготовки в хлебных районах и задеть страховые запасы крестьянства. Недовольство крестьян выразилось «в выступлениях протеста против административного произвола в ряде районов». Пленум ЦК постановил провести мероприятия, исключая применение каких бы то ни было чрезвычайных мер. К их числу были отнесены: немедленная ликвидация практики обхода дворов, незаконных обысков, немедленная ликвидация всех и всяких рецидивов продрозверстки, известное повышение цен на хлеб с варьированием по району³¹.

Политическая атмосфера в деревне в связи с «чрезвычайщиной» резко обострилась. Широко распространилось мнение о том, что меняется политика, вновь вводится продрозверстка, что вслед за хлебом последует конфискация скота и инвентаря: «скоро будет война, скоро будет голод и поэтому выколачивают хлеб», «1919 год вернулся», «правительство хочет откупиться от войны хлебом³². В связи с распространившимися слухами о предстоящей реквизиции скота во многих местах его стали резать, особенно мелкий³³.

Вывод апрельского (1928 г.) объединенного пленума ЦК ЦКК ВКП(б) о повышении авторитета советской власти среди основных масс крестьянства³⁴ не соответствовал действительности. Анализ сообщений из уездов показал, что доверие крестьян, особенно середняков, к советской власти пошатнулось: «Вы что хотите, то и делаете»; «Вот вам и порядочки». Один крестьянин на суде заявил: «Советская власть не приостановится даже перед отобранием всего хлеба, ибо ей не привыкать разорять крестьян». Были и такие настроения: «Что же теперь, по примеру 19-го и 20-го года, на коней садиться?»; «Пропала лучшая часть крестьянства, пропадет и СССР»; «Если политика не переменится, то я ответственно заявляю, что будет бунт»; «Советские законы как грибы растут и каждый час меняются: нынче взяли с нас, а завтра возьмут с вас³⁵.

В крестьянской среде зрела мысль о необходимости создания крестьянского союза – организации, способной реально защитить интересы крестьянства. Существовавшие сельские организации этой роли, по их мнению, не выполняли: «Наши организации – кредитное товарищество, крестком – за просроченную ссуду ведут со двора последнюю овцу. Дайте нам союз, ваши фабрики, а наша – земля³⁶.

«Чрезвычайщина» усилила социальную напряженность в деревне. Хотя значительное распространение на селе, особенно среди бедноты, имело стремление к уравниловке, медленно, но неуклонно рос авторитет хозяйственного, экономически сильного крестьянина. «Не обойтись без

экономически сильного мужика, – рассуждали крестьяне, – окрепнет мужик – окрепнет и государство, если же будет бедствовать мужик – будет бедствовать и государство»³⁷. Когда же во время хлебозаготовок в погоне за выполнением плана любой ценой были основательно задеты страховые запасы не только зажиточных, но и бедноты, это вызвало резкий протест вместе с недоумением (лозунг развития хозяйства сохранялся): «Советская власть вместо поднятия сельского хозяйства разоряет его, берет последние фунты хлеба»³⁸.

Анализ документов показывает, что чрезвычайные меры внесли разлад в крестьянское хозяйство, посеяли неуверенность в будущем. Крестьянин Козловского округа говорил: «Недовольство не в том, что мешают продавать хлеб на рынке, а в том, что вносится в крестьянский бюджет анархия. Мы уже научились подсчитывать свой бюджет, еще не снимая хлеба ...»³⁹. Весьма характерны и такие высказывания: «Бедняки государству ничего не дают и их освобождают, а мы даем налоги и с нас еще дерут», «зачем нас выделяют, мы больше всех работаем»⁴⁰.

Настроения зажиточных хозяев, середняков характеризовали следующие высказывания: «Теперь будя землю арендовать», «Такая политика заставит крестьян бросить земледелие, и летом много будет незапаханной земли», «Я не буду сеять хлеб, продам скот, буду бедняком и пусть правительство мне будет помогать»⁴¹.

Прямым следствием «чрезвычайщины» была ликвидация рынка и частной торговли. В течение января – февраля 1928 г. на рынке было конфисковано 12 млн. пудов хлеба⁴². После кампании по изъятию хлеба крестьяне совершенно перестали везти его на рынок. В результате уже с конца января начались перебои в снабжении городов мукой и печеным хлебом. Свободная торговля хлебом на рынке отсутствовала, хлебный рынок с весны 1928 г. был полностью дезорганизован⁴³. Серьезный удар был нанесен по частной торговле. Только в феврале у 263 человек были изъяты патенты на частную торговлю; от 2 тысяч патентов торговцы отказались сами, не видя перспектив для дальнейшей работы. Участились случаи необоснованного изъятия товаров у частного и передачи их кооперации или государственной торговле⁴⁴. Частник в торговле либо ушел в подполье, либо вообще отказался от этого рода деятельности. Задача взysкать налоги с частного оказалась невыполнимой: реальный плательщик налога был полностью разоренным.

«Чрезвычайщина» к ликвидации хлебозаготовительного кризиса не привела, но нанесла серьезный удар по крестьянскому хозяйству, были основательно испорчены отношения крестьянства и власти. Чрезвычайные меры, все настойчивее объявлявшиеся нормой повседневной жизни, превратились в систему репрессивных мероприятий, получившую в дальнейшем свое логическое продолжение. Здесь речь идет именно о системе мер, так как в процессе хлебозаготовок находили свое отражение и возрождение методов продразверстки, полное попрание прав граждан, вносился раскол между слоями крестьянства. Чрезвычайные меры подорвали основы механизма нэпа, знаменовали собой отход от провозглашенных принципов новой экономической политики и являлись шагом на пути к насильственной коллективизации.

Примечания:

¹См.: Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте. Государственное регулирование хлебозаготовок в условиях нэпа. 1921 – 1927 гг. Новосибирск, 1992. С. 17.

²Коммунист. 1928. № 1 – 2. С. 19.

³См.: ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 39.

⁴Там же. Л. 7 – 8.

⁵ГАРФ. Ф. 393. Оп. 74. Д. 93. Л. 1.

⁶Там же. Д. 3933. Л. 2 – 3.

⁷Там же. Д. 3915. Л. 6 – 10.

⁸Там же. Д. 4676. Л. 195.

⁹Там же. Д. 3915. Л. 17 – 19.

¹⁰Там же. Д. 4812. Л. 161.

¹¹ Не сдававших хлеб привлекали к ответственности как спекулянтов по ст. 107 УК РСФСР, которая предусматривала лишение свободы на срок до 5 лет с конфискацией имущества или без таковой.

¹² ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4812. Л. 161 об.

¹³ Там же. Д. 4654. Л. 43.

¹⁴ ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 847. Л. 9, 10.

¹⁵ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 3915. Л. 58.

¹⁶ Там же. Д. 3933. Л. 41.

¹⁷ Там же. Д. 4654. Л. 44.

¹⁸ ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 818. Л. 29.

¹⁹ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 45.

²⁰ ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 847. Л. 1 об.

²¹ Там же. Д. 818. Л. 53.

²² ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4676. Л. 196.

²³ ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 847. Л. 9, 10.

²⁴ Закрытое письмо Тамбовского окружкома и окрКК ВКП(б). Тамбов, 1929. С. 13.

²⁵ ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 847. Л. 9 – 11.

²⁶ Там же. Л. 15, 16.

²⁷ Там же. Д. 854. Л. 5 – 21.

²⁸ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 90; ГАТО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 804. Л. 19.

²⁹ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1844. Л. 8, 11, 13; ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 43, 118.

³⁰ КПСС в резолюциях ... М., 1970. Т. 4. С. 319.

³¹ Там же. С. 351 – 353.

³² ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4812. Л. 39; Д. 4805. Л. 14, 24.

³³ Там же. Д. 4810. Л. 113 – 114.

³⁴ См.: КПСС в резолюциях ... Т. 4. С. 319.

³⁵ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1837. Л. 144; ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 88; Д. 4805. Л. 21, 24.

³⁶ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4805. Л. 24, 27.

³⁷ Там же. Ф. 835. Оп. 1. Д. 209. Л. 27 об.

³⁸ Там же. Д. 163. Л. 36.

³⁹ Там же. Л. 16.

⁴⁰ Там же. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4805. Л. 21.

⁴¹ Там же. Л. 14, 21; Ф. 835. Оп. 1. Д. 163. Л. 46.

⁴² Там же. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 44.

⁴³ Там же. Д. 4812. Л. 15, 17; ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1837. Л. 135.

⁴⁴ ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 4654. Л. 51, 136, 137.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глубокое воздействие на судьбу крестьянского хозяйства оказала аграрная революция. Уравнительное перераспределение земли и ежегодные внутринадельные переделы, не решив проблемы земельного голода и не удовлетворив большинства крестьян, сохраняли и углубляли неустойчивость крестьянского землепользования. Традиционное вмешательство государства выразилось в чрезмерной регламентации хозяйственной деятельности, слишком обременительной для крестьян. Кроме того, в годы военного коммунизма заметно выросло бремя различных натуральных повинностей, которые отрицательно сказались на производственной деятельности крестьянских хозяйств, вынуждая их сокращать посевы, менять структуру посевных площадей в пользу культур для собственного потребления, сводить до минимума посевы технических культур, последнее отрицательно сказывалось и на крестьянском животноводстве (хотя оно и не играло такой важной роли в производственной деятельности хозяйств как производство зерновых).

Продразверстка превратилась в преимущественно одностороннюю форму связи города с деревней. Сказывались и негативные последствия первой попытки социалистической перестройки сельского хозяйства. В итоге неокрепшие ростки рыночно ориентированных хозяйств были практически уничтожены. Основная масса крестьянских хозяйств замыкалась рамками натурального производства.

Таким образом, события аграрной революции 1917 – 1921 гг. отбросили крестьянское хозяйство Тамбовской губернии по основным показателям на несколько десятков лет назад – на уровень 1880-х гг., и в этом смысле можно говорить об архаизации хозяйства.

Явления архаизации в послереволюционной деревне были связаны и с возрождением общины в крестьянской среде и с установлением диктаторского правления одной политической партии. Общинно-крестьянский архетип проявлялся во многих чертах советского общества. Он находил конкретное выражение прежде всего в системе ценностей и нормах поведения: в стремлении к социальной справедливости и равенству, в коллективизме и взаимопомощи, в признании естественным существование различных форм общественной собственности. В духовном мире и ментальности сельского общества и до революции, и тем более после не было той расколотости, которая характерна для обществ рыночной цивилизации. Общинная система самоуправления практически совпадала с системой организации и функционирования местных советов, являвшихся одновременно и органами местного самоуправления, и органами государственной власти. Это в огромной степени облегчило повсеместное утверждение власти советов. Революционная диктатура, осуществлявшаяся через систему советов, не исключала местного самоуправления, по крайней мере, до конца 20-х годов, когда сталинская «революция сверху» превратила все органы власти в исполнительные органы командно-репрессивной диктатуры новой бюрократии.

Неоднократные попытки большевистского режима распространить свою монополию на хозяйственный уклад единоличной деревни нейтрализовывались яростным сопротивлением последней, хотя бы и ценой постепенного разрушения производительных сил своих хозяйств.

Крестьянство даже в крайне неблагоприятные моменты противостояния политике военного коммунизма заставляло считаться с собой, о чем свидетельствовали постоянные маневры и готовность властей идти на уступки долговременного характера единоличной деревне. Особенно это проявилось на рубеже 1920/1921 гг., когда крестьянство превратилось в «осажденную крепость» по отношению к большевистской власти и вынудило ее осуществить маневр, выходящий за рамки традиционной политики военного коммунизма. Крестьянство расценило этот шаг властей как свою серьезную победу, дающую перспективу постепенного изменения стратегического курса Центра. Уступки советской власти весной 1921 г. перевели соперничество сторон в вопросе обустройства России на новый уровень (в сферу рыночной экономики) и в новые исторические условия – период долговременной «мирной передышки» (нэп), наступившей после окончания гражданской войны.

Безусловно небольшая доза частной инициативы и конкуренции, сознательно допущенная большевиками перед лицом реальной голодной катастрофы и страха потери государственной власти, оказалась достаточной, чтобы наладить элементарные основы хозяйственного быта. Восстановление целиком легло на плечи крестьянства, вынесшего более $\frac{3}{4}$ налогового бремени, крайне неблагоприятного соотношения цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, выложившего за обесцененные деньги реальные товары и т.д.

Неравноценное, но все же сотрудничество государства с частным хозяйством базировалось на хозяйственной устойчивости мелкого крестьянского производства, его тяги к труду, способности к невероятной экономии и громадной силе сопротивления разрушительным влияниям. Однако и его резервы и возможности были не беспредельными.

Основная тяжесть налогообложения легла на зажиточную часть деревни, хотя именно она давала стране большую часть товарного хлеба. Действовавшая налоговая система ослабляла деловую активность единоличников вместо того, чтобы превратить ее в настоящую потребность каждого крестьянского хозяйства вне зависимости от его социальной категории. Кроме того, деструктивная политика государства не могла не затронуть поземельные отношения. Здесь традиционно сталкивались интересы различных слоев сельского общества. С одной стороны, именно в этой сфере лежала перспектива развития индивидуального предпринимательского хозяйства, а с другой стороны, государство, усиленно рег-

ламентируя правила землепользования, аренды, субаренды, условия найма рабочей силы, могло не дать (и не давало) такому хозяйству возможностей для роста. Лишение наиболее активной части крестьян кредита для производства землеустроительных работ, способствовало развитию бедняцких хозяйств. В итоге наиболее инициативные крестьяне теряли уверенность в завтрашнем дне, сокращали производство ценной сельскохозяйственной продукции, зачастую утрачивали традиционные жизненные ориентиры.

Восстановительный процесс носил частичный и ущербный характер из-за измельчания и низкой доходности крестьянских хозяйств, падения их денежности и товарности. Росли аграрное перенаселение, малоземелье и деревенская безработица, усилился натурально-потребительский тип крестьянских хозяйств и резко сократился производящий, рыночный. Все это нельзя объяснять кулацкой эксплуатацией, а приходится связывать с хозяйственными и политическими условиями послереволюционного времени, в том числе нэпа.

Крестьянский менталитет, с одной стороны, и доктринальные установки с другой, – не давали рынку, как и нэпу в целом, шансов утвердиться «всерьез и надолго». Нэп вводился с опозданием, фрагментарно, без твердых правовых гарантий. Само поле, выделенное нэпу в целях восстановления, было принципиально половинчато. Национализация земли, монополия внешней торговли, краткосрочная аренда, частые земельные переделы, прогрессивная шкала налогового обложения (вместо пропорциональных налогов) и многое другое, – это такие тормоза, которые существенно снижали и ограничивали эффективность крестьянского производства и восстановительных процессов.

Государство взяло на себя непосильные функции связывания экономики в единое целое. В распоряжении государства было два регулятора: рыночный и властный, а постоянные кризисы развивались как попытки вернуть обратно «уступленное нэпу», усилить перекачивание средств из сельского хозяйства в промышленность. Ухудшение общих условий обмена между двумя отраслями народного хозяйства в 1920-е гг. по сравнению с дореволюционным периодом говорило о неспособности как общества, так и государства разрешить назревшие противоречия.

Система, построенная на искусственно дешевом хлебе, неспособная разрешить главной проблемы – накопления капиталов для модернизации экономики, носила переходный характер. Она с неизбежностью должна была трансформироваться: либо восстановив преемственность в экономической эволюции с дореволюционным временем через рост крупных товарных хозяйств, изменений найма-сдачи земли, рабочей силы и средств производства, и т.д., либо превратившись в более последовательную «экономику принуждения», что, в конечном итоге, и произошло.

Таким образом, к концу изучаемого периода в силу действия рассмотренных внутренних и внешних факторов крестьянское хозяйство, несмотря на крайнее напряжение собственных сил, находилось в состоянии стагнации, застоя, носило в целом натурально-потребительский характер. XV съезд ВКП(б) выработал единую политику советского руководства по отношению к сельскому хозяйству – курс на упразднение индивидуального товарного хозяйства и на коллективизацию. После съезда был принят целый ряд постановлений, призванных стимулировать коллективное земледелие, ограничить развитие единоличных, в первую очередь зажиточных хозяйств, оказывая материальную поддержку бедняцким слоям. Проводившаяся политика в целом носила запретительный характер, сковывала крестьянское производство, искусственно создавала ситуацию аграрного кризиса и трудностей в хлебозаготовках, что, в свою очередь, являлось одним из объективных ускорителей перехода к сплошной коллективизации. В таком положении нельзя было и думать о дальнейшем поступательном развитии страны. Крестьянскому хозяйству нужна была реальная помощь и время. Взяв курс на сплошную коллективизацию, сталинское руководство отчетливо оценивало ситуацию, сложившуюся в крестьянском хозяйстве страны, но избрало именно этот радикальный путь преобразования последнего.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	
.....	
.....	3
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ. КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗО- ВАНИЕ	1 7
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАК- ТЕРИСТИКА ДЕРЕВНИ В ГОДЫ НЭПА (1921 – 1928 гг.)	28
ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО И АГРОПРОПАГАНДА	41
НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ДЕРЕВНЕ В ГОДЫ НЭПА (1921 – 1928 гг.)	52
РЕГУЛИРОВАНИЕ АРЕНДЫ И НАЙМА ЗЕМЛИ, РАБОЧЕЙ СИЛЫ, ИНВЕНТАРЯ	70
.....	
КООПЕРАЦИЯ, ОБЩИНА И КРЕСТЬЯНСКОЕ ХО- ЗЯЙСТВО	81
ПРОИЗВОДСТВО КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ	93
ХЛЕБОЗАГОТОВКИ 1927 – 1928 гг. ЧРЕЗВЫЧАЙ- НЫЕ МЕРЫ	105
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
.....	115